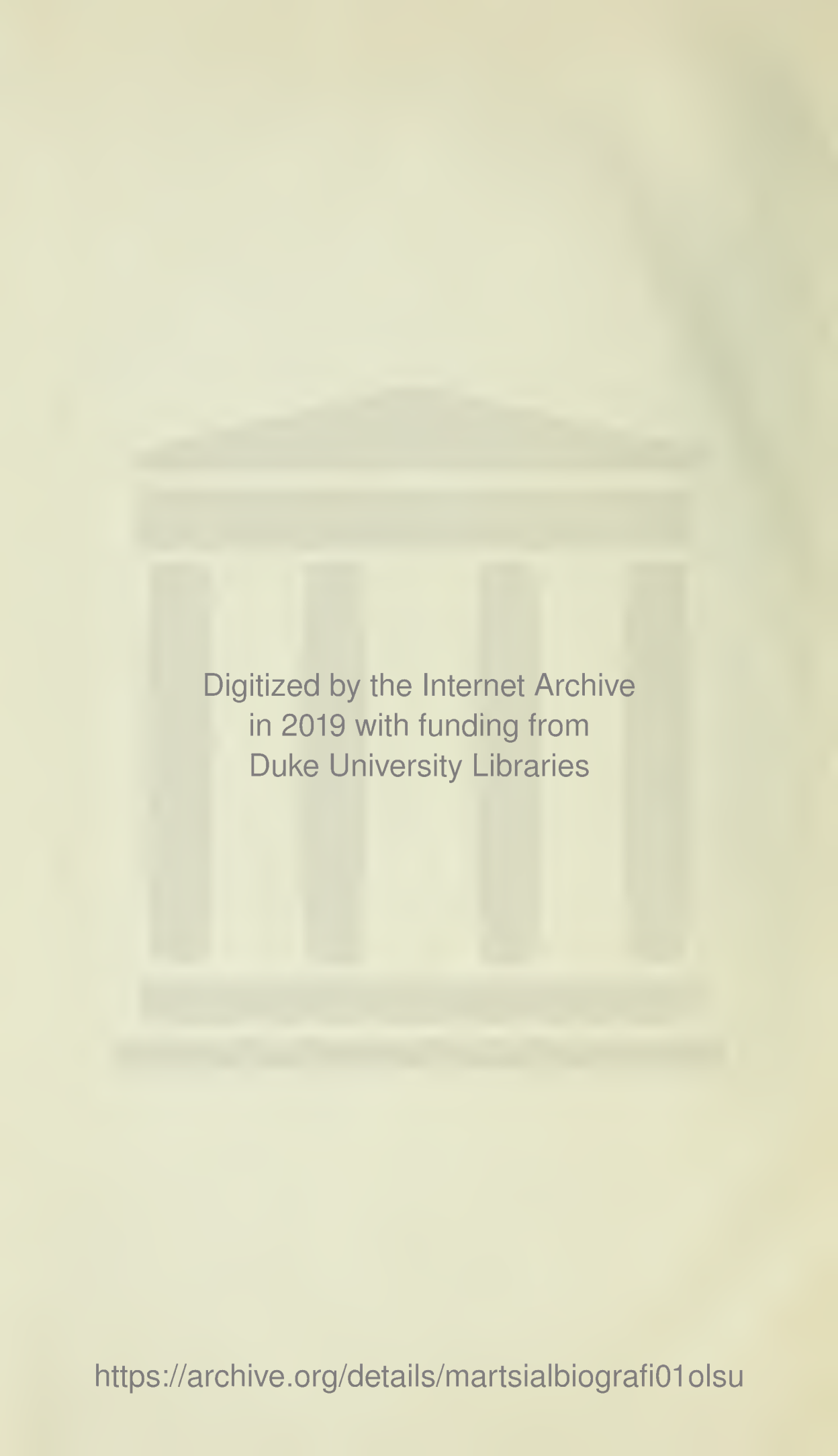
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/martsialbiografi01olsu

Борису Семеновичу

Вилле

на память о Москвѣ

Гр: Адамъ Олсуфьевъ

Май 1892. —

МАРЦІАЛЪ

МАРЦІАЛЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti; si non, his utere mecum.
(Horat. Ep. I 6).

Графа Олсуфьева

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1891

Дозволено цензурой. Москва. 10 апрѣля 1891 г.

877.6
M3782D

ВСТУПЛЕНІЕ.

„Слышу, что умеръ Валерій Марціалъ и сожалѣю объ этомъ“, писалъ въ 102 году Плиній Младшій своему другу Корнуту Приску *); „онъ былъ“, продолжаетъ Плиній, „человѣкъ умный, ловкій, острый, имѣвшій въ писаніяхъ своихъ очень много соли и желчи †), но не менѣе прямодушія;.... грущу по умершемъ, который пытался ‡) дать мнѣ все, что̀ только могъ, а что̀ можетъ даться человѣку болѣе, нежели слава, похвала и безсмертіе? Но, быть можетъ то, что̀ онъ писалъ, не будетъ безсмертно? Быть можетъ; но во всякомъ случаѣ онъ писалъ это, какъ будто оно должно было сдѣлаться таковымъ“ **).

Вотъ рѣшительно все, что̀ мы знаемъ о Марціалѣ изъ устъ его современниковъ, среди которыхъ многіе обязаны были дошедшею до насъ извѣстностью своего имени только тому, что

---

*) Plin. Epist. III 21.

†) Плиній читалъ прилежно Марціала и, составляя это письмо, повидимому, вспоминалъ его слова: „nullaque mica salis nec amari fellis in illis“ (VII 25 [3]).

‡) Въ эпигр. X 29, посвященной Плинію.

**) *Mommsen* (Zur Lebensgeschichte Plinius. Hermes III. 1869) опредѣляетъ временемъ появленія III книги писемъ Плинія 101—102 г.; письмо къ Приску—послѣднее въ этой книгѣ; — по Assbach (Chronologie von Plinius Briefwechs. N. Rhein Mus. XXXVI) расширяетъ этотъ срокъ, полагая крайній предѣлъ появленія III книги—104 годъ; намъ это послѣднее предположеніе кажется вѣроятнѣе, такъ какъ по причинамъ, указаннымъ ниже, думаемъ, что XII книга Марціала не могла выйти ранѣе 102 года. Того же мнѣнія и Фридлендеръ (t. 1, p. 14), полагающій крайнимъ предѣломъ смерти Марціала даже 104 годъ.

324686

Марціалъ упомянулъ о нихъ въ своихъ эпиграммахъ. Затѣмъ прошло почти два вѣка, когда мы снова встрѣчаемъ имя Марціала въ жизнеописаніи усыновленнаго Адріаномъ Элія Вера (с. 5), составленномъ Эліемъ Спартіаномъ (Scriptor. histor. Augustae). Этотъ писатель сообщаетъ намъ, что произведенія Марціала были столь высоко цѣнимы сейчасъ названнымъ цезаремъ Эліемъ Веромъ, что они всегда хранились вмѣстѣ съ Amores Овидія подъ его изголовьемъ и что Веръ называлъ Марціала своимъ Вергиліемъ. Авторъ жизнеописанія Александра Севера въ томъ же собраніи—Элій Лампридій—приводитъ на память цѣлую эпиграмму Марціала (V 29) *), свидѣтельствуя этимъ, какъ много въ то время его читали. Послѣ того имя Марціала встрѣчается снова только въ V вѣкѣ у Сидонія Аполлинарія, при чемъ Сидоній называетъ его „mordax sine fine“ и подтверждаетъ, что родиной его была alta Bilbilis. Образованный епископъ города Клермонта въ Оверни въ данномъ случаѣ не представлялъ какого-либо исключенія въ ряду духовныхъ лицъ своего и позднѣйшаго времени, такъ какъ многія изъ нихъ тоже не чуждались вольной рѣчи языческаго поэта †), его lascivam verborum veritatem (Mart. I, praef). Впослѣдствіи о Марціалѣ упоминали съ похвалою Іоаннъ Салисберійскій—епископъ XII вѣка, Juan de Mariana—іезуитъ

*) Это [illegible] Лампридія [illegible] копистовъ, написавшихъ Martialis [illegible] Magnaque, [illegible] большинству [illegible], придавать Марціалу [illegible] [illegible], продержавшееся чуть не до нашего времени, такъ какъ [illegible] доказалъ его несообразность.

†) [illegible] (de Martiale verborum novatore, p. 85) перечисляетъ слова или [illegible] Марціаломъ, или впервые облеченныя имъ смысломъ, который они [illegible] [illegible], и позаимствованныя прямо отъ Марціала духовными писателями: таковыхъ у Прудонція 27, у Сидонія 46 и у Венанція Фортуната 18—[illegible] доказательство, какъ усердно изучали Марціала въ школахъ V и VI вѣка. Что въ новѣйшее время іезуиты въ особенности цѣнили его, указываетъ цѣлый рядъ именъ комментаторовъ и издателей: Mariana, Domitius Calderinus, Colesso, [illegible], Raderus и др., принадлежавшихъ къ этому ордену. Даже папы не гнушались внимательнымъ изученіемъ Марціала: Пій II былъ одинъ изъ его самыхъ горячихъ [illegible], а остроумное изреченіе Бенедикта XIV: Est il besoin d'autre preuve de l'existence d'une Providence que de voir prospérer le royaume de France sous Louis XV—быть можетъ, только перифраза Марціаловой [illegible], IV 21.

и даже папа Пій II (Эней Сильвій Пикколомини). До начала XVII столѣтія расточались часто неумѣренныя похвалы Марціалу, какъ напримѣръ у Скалигера Юста *), Липсія, Турнеба; но они мало интересовались обстоятельствами его жизни, за исключеніемъ развѣ Петра Кринита, который въ своемъ сочиненіи: „De poetis latinis“ выписываетъ вышеприведенныя мѣста изъ Scriptores historiae Augustae и прибавляетъ къ нимъ скудныя свѣдѣнія о томъ, что Марціалъ получилъ отъ Домиціана званіе всадника, ius trium liberorum, и что причиной оставленія имъ Рима было пересутомленіе шумною жизнью столицы міра; у Кринита находимъ также попытку сопоставленія извлеченныхъ изъ сочиненій автора краткихъ свѣдѣній о друзьяхъ Марціала: Стеллѣ, Деціанѣ, Силіи Италикѣ, Валеріи Флаккѣ, Парѳеніи, Авитѣ и др. Не полнѣе того свѣдѣнія о Марціалѣ, собранныя нѣсколько позднѣе Рафаэлемъ Волатерраномъ: въ Commentar. urbanorum онъ только добавляетъ къ сказанному Криннтомъ, что Марціалъ Romae annos triginta commoratus, чѣмъ обнаруживаетъ свое поверхностное чтеніе его произведеній, такъ какъ въ X 103, 104 говорится о triginta quatuor messes = annos. Слѣдующіе за ними—Гиральдъ въ Hist. graec. et latin. poet. и В. Алб. Фабриціій въ biblioth. latin. ничего не прибавляютъ къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Криннтомъ, и только Матв. Радеръ предпослалъ своему изданію нѣсколько полную біографію Марціала, составленную на основаніи данныхъ, заключающихся въ самыхъ его эпиграммахъ. Работа Радера послужила основаніемъ для всѣхъ жизнеописаній, которыя выходили во главѣ многочисленныхъ изданій Марціала XVII и XVIII столѣтій, какъ-то: Гейнзія, Скривеллія, Коллесо, Фарнабія, Гроновія и др. †), многіе изъ нихъ,

*) Скалигеръ выражается по крайней мѣрѣ такъ: multa sunt eius epigrammata divina, in quibus et sermonis castitas et argumenti species luculenta est.

†) Перечень изданій находится у Шнейдевина (Prolegomena Cap. III), Фридлендера (t. I, pp. 120—127) и, хотя не совсѣмъ полный, но съ прибавленіемъ жизнеописаній и спеціальной литературы, у Нагуевскаго (Основы библіографіи Р. Л., p. 106. Библіографія Ист. Р. Л. въ Россіи, p. 36). Мы ограничимся поименованіемъ только тѣхъ сочиненій, которыми мы преимущественно пользовались при составленіи этого біографическаго очерка, при ссылкахъ на которыя мы для краткости не всегда будемъ выписывать полное заглавіе, а ограничиваться,

какъ напримѣръ, Коллесо и даже въ новѣйшее время — Лемэръ удовольствовались буквальнымъ ея перепечатываніемъ. Отдѣльными очерками, или же монографіями въ видѣ вступленій и предисловій къ изданіямъ жизнеописанія Марціала, начали появляться только съ начала нынѣшняго столѣтія. За исключеніемъ древнихъ — Плинія и Спартіана, всѣ средневѣковые и новые писатели не имѣли никакихъ другихъ источниковъ для составленія біографіи Марціала, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, какія находятся въ его эпиграммахъ. На этомъ основаніи они создавали свои жизнеописанія—почти всѣ по рецепту Радера, обнаруживая полное отсутствіе критическаго анализа по отношенію къ отдѣльнымъ фактамъ, чертамъ характера и подробностямъ жизни поэта.

въ [illegible] случаевъ, фамилій автора. Назовемъ только [illegible]: 1) *[illegible]* (Biographie [illegible]. 1820. 2) *[illegible]* R. L. Pauly 1846; 3) *[illegible]*, Etudes sur les poëtes latins; 4) [illegible]. [illegible] d. Epigr. Martials in Philolog. XXVI. 1867; XXVII. 1868; 5) *Brandt*. de Martialis poëtae vita et scriptis 1853; 6) *[illegible]*. Марціалъ. [illegible] 1880; 7) [illegible]. de Martialis vita et scriptis 1884. [illegible] изъ: 1) *Lessing*. Anmerkungen über das Epigramm. 1771; 2) [illegible] d. Röm. Lit.; 3) *[illegible]*. [illegible] 1830; 4) [illegible]. Hist. de la [illegible]. Rom.; 5) *[illegible]*. [illegible]; 6) *Friedlaender*. Sittengesch. [illegible] [illegible] 1887; 3) *[illegible]* 1888; 4) [illegible] 1885; 5) *[illegible]* 1888, а также [illegible]. [illegible], De Martiali [illegible] vatore; *[illegible]*. De M. Val. Mart. [illegible] *[illegible]*. De M. V. Martiale [illegible] Augustorum [illegible]; [illegible] Martial. Deutsche Rundschau, April 1882; [illegible]. Zu Martial. Berl. Phil. Wochenschr. 1884. [illegible] 22; *[illegible]*, Topographie [illegible] 1882; *[illegible]*. Ancient Rome 1888; *Hirschfeld*. Göttin. [illegible] p. [illegible]; [illegible]. Roma Antica 1884. [illegible] Rhein. Mus. XXIV. 1869; *Pichlmayr*. T. Flav. [illegible] 1880; *[illegible]* 1877; *Dilling*. Einige Notizen über [illegible] Stand aus [illegible] 1881; [illegible]: *Schneider'a* 1842 [illegible]; *Wagner*. De Val. Mart. 1880; *[illegible]*. De Mart. Catulli imitatore. 1876; *[illegible]*. D. L. [illegible] poeta [illegible] 1880; *[illegible]*. Rioni di Roma. 1884; [illegible] zu Martial; *[illegible]*. De C. Valerii Flacci vita et carmine. 1891; *[illegible]*, Topogr. d. St. Rom. 1885; *Gilbert*. Topogr. III. 1890; *[illegible]*. 1877; [illegible] Gesch. d. röm. Kaiser. I. 1883; *[illegible]*. [illegible] 1888. [illegible] Monumenti 1889; *[illegible]*. [illegible] 1890; *[illegible]*. Gesch. d. Lustseuche im Alterth. 1892; *[illegible]* d. j. Rom. 1885; *Pirt*. Das Ant. [illegible]; *[illegible]*. [illegible] und Römer 1882; [illegible].

Они исходили изъ того довольно поверхностнаго представленія, что хронологія жизни Марціала точно опредѣляется хронологическою послѣдовательностью его эпиграммъ въ томъ видѣ, какъ онѣ дошли до насъ, и на этомъ основаніи они созидали связный разсказъ, претендующій на полное соотвѣтствіе съ дѣйствительностію. Только позднѣйшіе, намъ современные писатели, исключительно принадлежащіе къ нѣмецкой школѣ, какъ: Брандтъ *), Фридлендеръ, Стоббе, Моммсенъ, Ванъ-Стокумъ, Гюбнеръ, Тейффель и др. стали координировать событія его жизни съ хронологическими данными римской исторіи временъ династіи Флавіевъ, Нервы и Траяна—данными, выработанными современною историческою наукой главнымъ образомъ на основаніи Fasti Consulares, подтвержденныхъ богатымъ нумизмати-

---

Röm. Staats. Kriegs u. Privat-Alterthümer, 1887; *Lanciani*, Aquedotti di Roma. 1887; *Rambach*, Thesaurus Eroticus, 1833, и друг. Ссылки на Марціала дѣлаются по нумераціи эпиграммъ изданія Gilbert'a 1886, которой придерживается и русскій переводъ Марціала г. Фета, которому мы слѣдуемъ тамъ, гдѣ въ текстѣ, для удобства большой массы читающихъ, считаемъ нужнымъ присоединить къ цитатамъ въ подлинникѣ изъ Марціала переводъ на русскій языкъ.

*) Составленная имъ біографія пользуется совершенно незаслуженною извѣстностью: даже такіе ученые, какъ Тейффель и Фридлендеръ, ссылаются на нее, а между тѣмъ она не что иное, какъ весьма посредственная докторская диссертація sine ira et studio (V. Stockum. p. 2), со множествомъ ошибокъ, устарѣлыми взглядами и весьма поверхностнымъ знаніемъ не только литературы предмета, но даже самого предмета. Здѣсь не мѣсто дѣлать разборъ этой брошюры (въ ней только 38 стр.), но тѣмъ не менѣе, для подтвержденія нашего мнѣнія, укажемъ для примѣра хотя на стр. 30, гдѣ Брандтъ, не понявъ, что „vicinum“ относится къ Castora=templum Castoris, создалъ изъ синтезы I 70 3 и I 117 6 для Марціала совершенно невозможное мѣсто жительства: „non procul a Castoris canaeque Vestae templis ad Pyrum“. Болѣе объемистый трудъ Андреевскаго только подражаніе Брандту, съ нѣкоторыми дополненіями, взятыми у Низара, Лессинга и даже Лагарпа: при чемъ ошибки Брандта всѣ повторяются съ прибавленіемъ новыхъ: такъ, напримѣръ, на стр. 77 онъ, полагая цитировать Стація, приводитъ мѣсто изъ Марціала: на стр. 45 говоритъ, что Historia naturalis Плинія Старшаго появилась при Домиціанѣ, тогда какъ она была поднесена Титу въ 77 г.

Лучшей изъ трехъ біографій Марціала, появившихся до сихъ поръ отдѣльными очерками, слѣдуетъ все-таки считать Ванъ-Стокума, не смотря на то, что на нее не обращаютъ никакого вниманія новѣйшіе изслѣдователи Марціала, Фридлендеръ, Пэлей, Гюбнеръ, и др.

ческимъ наслѣдствомъ той эпохи и многочисленными надписями, въ послѣднее время все чаще и чаще находимыми. Сличая эти болѣе или менѣе несомнѣнныя данныя со сказаніями Тацита, Светонія, Аврелія Виктора, Филострата Старшаго, Орозія, Евсевія, Діона, Іосифа и Зонара,—вышеназванные ученые впервые начали вносить свѣтъ исторической критики для освѣщенія отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни Марціала; при чемъ Моммсенъ и Стоббе въ особенности много потрудились для опредѣленія хронологіи отдѣльныхъ книгъ эпиграммъ.

Хотя Марціалъ въ своихъ твореніяхъ и не оставилъ намъ столь подробной картины своей жизни и психологически тонкаго очерка личности и характера, какъ рефлективно-объективный Горацій; хотя онъ не дозволяетъ намъ вникнуть въ тайники своей души и распознать факторы своей умственной и творческой дѣятельности, какъ это дѣластъ Катуллъ: тѣмъ не менѣе собраніе его эпиграммъ представляетъ богатѣйшій, неоцѣнимый даже помимо его исключительности—матеріалъ для составленія его біографіи.

Сочиняя свои эпиграммы, Марціалъ, видимо, не помышлялъ оставить въ нихъ свою автобіографію — post cineres fama его мало интересовала (V 10, VIII 69); онъ былъ человѣкомъ минуты, цѣнилъ свою извѣстность среди современниковъ (VI 82) и славу, гремѣвшую даже на окраинахъ Имперіи (VII 88, XI 3), только настолько, насколько онѣ приносили ему матеріальныя выгоды (I 107, V 16, VIII 56, 73, XI 108).

Несмотря на отсутствіе преднамѣренности, Марціалъ, увлекаемый субъективностью своего таланта, постоянно выдвигавшей его *я* на первый планъ, запечатлѣлъ свой не только духовный, но даже физическій образъ въ своихъ произведеніяхъ и оставилъ намъ въ нихъ огромный запасъ фактовъ изъ своей жизни. Можно полагать, что Марціалъ тамъ, гдѣ говоритъ о себѣ, говоритъ чистосердечно и откровенно; откровенность его часто доходитъ даже до цинизма: не дорожа мнѣніемъ потомства, онъ не имѣлъ никакой причины преднамѣренно искажать истину тамъ, гдѣ шла рѣчь о немъ самомъ. Политическихъ и соціальныхъ убѣжденій у него не было: беззастѣнчивая лесть вла-

сти предержащей, подчеркиваемая глумленіемъ надъ властью отшедшею, составляла его единственное политическое credo, и потому ему не было надобности тенденціозно подтасовывать въ своихъ эпиграммахъ факты своей жизни для выставленія себя приверженцемъ какой-либо идеи, или сторонникомъ какого бы то ни было убѣжденія. Эти отрицательныя стороны характера Марціала составляютъ положительныя достоинства его эпиграммъ, какъ матеріала для его біографіи. Но вмѣстѣ съ этимъ нѣтъ сомнѣнія, что, составляя, такъ сказать, безсознательно свою автобіографію, Марціалъ долженъ былъ допустить въ ней много пробѣловъ, которые историческіе изслѣдователи послѣдняго времени, нѣсколько щепетильные, педантическіе и увлекающіеся мелочами и подробностями, стараются, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ тщетно и безуспѣшно, пополнить. Даже такіе капитальные вопросы: былъ ли Марціалъ женатъ, имѣлъ ли онъ законныхъ или незаконныхъ дѣтей, было ли у него только помѣстье около Момента или, кромѣ него и дома въ Римѣ, еще rus suburbanum въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ городомъ — остаются и по сіе время открытыми. Поэтому, возсоздавая жизнь Марціала по его эпиграммамъ, слѣдуетъ относиться съ крайнею осторожностью и даже недовѣрчивостью не къ самымъ фактамъ, изложеннымъ въ этихъ эпиграммахъ, которыхъ, какъ выше было сказано, нѣтъ причины заподозривать въ отсутствіи правдивости, но къ тѣмъ выводамъ, которые, повидимому, логично строятся на этихъ фактахъ. Нежелательно создавать вмѣсто историческаго повѣствованія болѣе или менѣе вѣроятныя легенды; а онѣ легко возникаютъ, когда увлекающійся изслѣдователь обращаетъ вниманіе только на отдѣльныя, вырванныя, такъ-сказать, на удачу эпиграммы, не заботясь о сопоставленіи ихъ съ другими эпиграммами, приближающимися къ нимъ по тождественности предметовъ описанія, по повторенію однихъ и тѣхъ же именъ, по хронологическому порядку, въ которомъ онѣ издавались и по сходству событій, въ нихъ описываемыхъ, а также не сличая ихъ съ общеизвѣстными, научно доказанными фактами исторіи и бытовой жизни римлянъ временъ кесарей, какъ она все болѣе уясняется предъ нами, благодаря новѣйшимъ блестящимъ успѣхамъ и открытіямъ въ обла-

сти археологіи и преимущественно эпиграфики. Итакъ, оставимъ первое слово за самимъ Марціаломъ и будемъ стараться избѣгать догадочныхъ предположеній и слишкомъ смѣлыхъ выводовъ, а главное—постараемся свыкнуться съ мыслью, что весьма многое изъ жизни Марціала останется навсегда темнымъ и неразъясненнымъ, несмотря на всѣ болѣе или менѣе остроумныя гипотезы. Только поступая такимъ образомъ, мы можемъ надѣяться подойти ближе къ уразумѣнію жизни поэта, освѣщаемой яркимъ свѣтомъ его творчества, хотя и не во всѣхъ ея подробностяхъ, при чемъ иныя изъ произведеній Марціала въ свою очередь могутъ получить надлежащее или лучшее освѣщеніе изъ обратнаго сопоставленія съ добытыми нами біографическими фактами, сопровождавшими ихъ появленіе.

ГЛАВА I.

Si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti; si non, his utere mecum.
(Horat. Ep. 1 6).

Родина Марціала, предполагаемые его родные.—Время его рожденія.

Все то, что̀ мы знаемъ о родинѣ Марціала, дошло до насъ почти исключительно путемъ его эпиграммъ, которыя во многихъ мѣстахъ содержатъ въ себѣ подробное описаніе его родного (1) Билбилиса *). Это былъ городокъ въ нагорной сѣверо-западной части Тарраконской (2) Испаніи, населенной келтиберскимъ племенемъ (3). Билбилисъ живописно возвышался среди дикихъ снѣжныхъ горъ (4), на высокой крутой скалѣ (5), огибаемой небольшою, но чрезвычайно быстрою и холодною рѣкою Салономъ (6) †). Онъ былъ извѣстенъ золотыми розсыпями (7) и рудниками (8), желѣзо которыхъ шло на изготовленіе превосходнаго оружія (9), славившагося, благодаря особому свойству водъ Салона, въ которыя оно для закала ‡) погружалось, дорого цѣнимою твердостью и упругостью (10). Городъ былъ расположенъ на лѣвомъ берегу Салона; около него проходила большая военная дорога,

*) Развалины его до сихъ поръ видны на горѣ El Cerro de Bambola около города Calatayud (Friedl. I, p. 3).

†) Теперешній Xalon въ провинціи Арагоніи, впадающій въ Эбро, около Алагона—въ древности Allabo.

‡) Этимъ способомъ закаливаются и до сего времени въ Испаніи толедскіе клинки, превосходныя качества которыхъ приписываются также особому вліянію воды Тага.

проложенная, какъ кажется, только при Домиціанѣ *) изъ Еме-риты въ Caesaraugusta; Билбилисъ носилъ почетный предикатъ Augusta †) и пользовался правами municipii ‡).

Мѣста въ эпиграммахъ Марціала, заключающія въ себѣ эти указанія, слѣдующія:

(1) Te, Liciniane, gloriabitur nostra.
Nec me tacebit, Bilbilis.

(1) Будетъ хвалиться тобою, Лициніанъ, несомнѣнно
И обо мнѣ не смолчитъ нашъ Билбилъ. (I 61 11—12).

(2) (5) Hispanae pete Tarraconis arces.
Illinc te rota tollet, et citatus
Altam Bilbilin et tuum Salonem
Quinto forsitan essedo videbis.

(2) (5) Къ Тарраконскимъ стремись высямъ Испанскимъ.
Тамъ на колеса взойдешь и, поспѣшая,
Ты высокій Билбилъ да и Салонъ свой,
Пять упряжекъ смѣнивъ, можешь увидѣть. (X 104 4—7).

(3) Vir Celtiberis non tacende gentibus
Nostraeque laus Hispaniae,
Videbis altam, Liciniane, Bilbilin...

(3) Мужъ на устахъ Цельтиберскаго племени,
Гордость ты нашей Испаніи,
Лициніанъ, Билбилъ горный увидишь ты...

. . . . . ex Iliberis
Et Celtis genitus . . . . . **)

---

*) Это мнѣніе Гюбнера основано на томъ, что на всемъ ея протяженіи не найдено до сихъ поръ ни одного столба—lapis milliarius—съ надписью, старшею Домиціана (Hübner-Martial, Wochenschrft für klas. Philolog. 1887. 26 p. 812).

†) Титулъ Augusta засвидѣтельствованъ, кромѣ X 103 1 также надписью: „Municipium Augusta Bilbilis", встрѣчающеюся на испанскихъ монетахъ временъ Августа, Тиверія и Калигулы (Friedl. l. c.).

‡) Одно изъ главныхъ преимуществъ такихъ городовъ было то, что жители ихъ по прибытіи въ Римъ пользовались всѣми правами civium Romanorum (*Rein*, R. L. P., t. I, p. 212).

**) Celtae miscentes nomen
Iberis..... (Lucan. Phars. IV 10).

. . . . . Иберцу
И отъ Кельтійцевъ родясь жителю Тага? (X 65 3—4).

(4) Seneque Gaium nivibus, effractis sacrum
Vadaveronem montibus.

(4) Гай, убѣленный снѣгами средь скалъ
Вадаверона священнаго, (I 49 5—6).

(5) Videbis altam, Liciniane, Bilbilin

(5) Лициніанъ, Билбилъ горный увидишь ты. (I 49 3). *).

(6) (7) Ducit ad auriferas quod me Salo Celtiber oras,
Pendula quod patriae visere tecta libet.

Что къ златоноснымъ полямъ меня тянетъ Салонъ Цельтиберскій,
Свисшія что увидать крыши я родины радъ (X 20 1—2).

(7) (8) (9) (10) (6) Grato non pudeat referre versu;
Saevo Bilbilin optimam metallo
Quae vincit Chalybasque Noricosque,
Et ferro Plateam suo sonantem,
Quam fluctu tenui sed inquieto
Armorum Salo temperator ambit

Будетъ не стыдно стихомъ помянуть благодарнымъ
Чудный Билбилъ, что своимъ суровымъ металломъ
И Халиба, и Норики людъ побѣждаетъ,
И звенящею сталью своею Платею,
Ту, что хоть узкимъ, но все жъ безпокойнымъ теченьемъ
Охладитель оружья Салонъ огибаетъ (IV 55 10—15).

(1) (6) (7) Accepit mea rusticumque fecit
Auro Bilbilis et superbe ferro

Вновь принимаетъ меня, обратя въ селянина,
Мой Билбилъ, и желѣзомъ и золотомъ гордый (XII 18 8—9).

---

*) О расположеніи Билбилиса на высокой скалѣ свидѣтельствуетъ Сидоній Аполинарій и Павлинъ Ноланскій, которые могли еще его видѣть:

Quid celsos Senecas loquar vel illum
Quem dat Bilbilis alta Martialem
Terrarum indigenas Ibericarum
(Sidon Apollinar. Carm. 23).
Bilbilem acutis pendentem
Scopulis . . . . .
(Paulinus Nolanus Carm. 10, 223).

(6) (9) (10) Pugio, quem curva signat brevis orbita versa,
Stridentem gelidis hunc Salo tinxit aquis.

Ножъ, шипящій въ водѣ хладной, Салонъ погасилъ (XIV 33).

(6) (10) . . . . corpus astringes brevi
Salone, qui ferrum gelat.

Тѣлу окрѣпнуть дашь въ маломъ Салонѣ ты,
Въ коемъ и сталь закаляется (I 49 11—12).

(9) . . . . . Bilbilin
Aquis et armis nobilem.

. . . . . Билбилъ,
Славный водой и оружіемъ (I 49 3—4) *).

(5) (11) (12) (6) Municipes, Augusta mihi quos Bilbilis acri
Monte creat, rapidis quem Salo cingit aquis.

Земляки, коихъ Августа создалъ Билбилъ мнѣ, стоящій
На высокой горѣ, что рѣзво огибаетъ Салонъ (X 103 1—2).

---

*) Мы рѣшаемся предложить въ I 49 4 чтеніе aquis вмѣсто принятаго у всѣхъ издателей equis не какъ нашу коньектуру, а какъ варіантъ, находящійся въ трехъ кодексахъ Эскуріальской библіотеки, тѣхъ codd. Hispani, о которыхъ говоритъ Шнейдевинъ въ своемъ I изданіи (Prolegom. XCIX и adnot t. I, p. 41). Мы принимаемъ чтеніе aquis на основаніи убѣжденія въ невозможности—съ довольно чуждой для филолога точки зрѣнія гипполога—существованія коневодства въ гористой сѣверо-западной части Аррагоніи,—мѣстности, гдѣ и въ настоящее время ѣздятъ большею частью только на мулахъ. Испанія, дѣйствительно, и въ древности славилась своими конями, но они выводились не среди скалъ и горъ лишенной всякихъ пастбищъ Тарраконской провинціи, а на южныхъ равнинахъ провинціи Baetica, богатой тучными лугами, орошаемыми рѣкою Baetis'омъ, гдѣ нашлись также знаменитыя по тонкому руну Бэтійскія овцы (о которыхъ у Марціала V 37, VII 28 и XII 65) и гдѣ впослѣдствіи мавры развели сохранившуюся и до сихъ поръ превосходную породу андалузскихъ коней.

Дошедшая до насъ и описанная Эккелемъ (Eckhel D. I. 35) монета съ изображеніемъ конника и надписью P (i) l plis не можетъ служить подтвержденіемъ ложнаго взгляда, что Билбилисъ былъ извѣстенъ въ древности своими конями, такъ какъ, по весьма доказательному изслѣдованію этого вопроса Гюбнеромъ, изображеніе на названной монетѣ всадника указываетъ развѣ, что коневодство вообще существовало на обширномъ пространствѣ къ югу отъ Пиринеи, въ странѣ, извѣстной въ древности подъ общимъ названіемъ Кельтиберія, но никакъ не въ самомъ Билбилисѣ (*Hübner* Wochenschr f. kl. Phil. 1887—26. p. 813). Мы же склонны думать, что это просто условный сиглъ, не имѣющій никакого зоографическаго значенія. Ближе всего предположить, что equis произошло отъ смѣшенія, столь обычнаго средневѣковымъ переписчикамъ

Были ли Фронтонъ и Флакцилла, упомянутые въ 34 эпигр. V кн.:

Hanc tibi Frondo pater, genetrix Flaccilla, puellam
Oscula commendo deliciasque meas,

Дѣвочку эту, отецъ Фронтомъ и матерь Флацилла,
Вамъ съ лобзаніемъ я радость вручаю мою (V 34 [1—2]).

родителями Марціала, какъ утверждаютъ многіе новѣйшіе біографы Марціала, (за исключеніемъ Paley, Giese, Breughot du Lut, Lemaire, Verger, Janin, и Dubois), можно сомнѣваться. Это мнѣніе, какъ кажется, вошло въ моду со времени появленія брошюры Брандта; до этого же всѣ комментаторы видѣли въ Фронтонѣ и Флакциллѣ родителей Эротіоны — vernulae, то-есть доморощенной рабыни Марціала (V 37, X 61), но никакъ не родителей самого Марціала; только Гроновій въ Animadv. in Martial. усумнился въ этомъ и, переставивъ знаки препинанія:

Hanc tibi, Fronto, pater genetrix Flaccilla puellam
Oscula commendo . . . . . .

и хорошо извѣстнаго всѣмъ палеографамъ. буквы *a* съ буквою *e*. Какъ на особенно выдающійся примѣръ подобной ошибки, можемъ указать на ст. 102 Элег, II, кн. IV Проперція: „Cuius honoratis ossa vehantur equis“; смѣшеніе въ этомъ мѣстѣ буквъ *a* и *e*, встрѣчающееся во многихъ MSS., ввело въ заблужденіе цѣлый рядъ ученыхъ издателей и комментаторовъ Проперція (Липсій, Альдъ, Турнебій, Бартъ, Пальмеръ и др.), которые продолжали упорно стоять за чтеніе aquis, хотя оно совершенно противорѣчитъ какъ здравому смыслу, такъ и связи съ предыдущимъ. Только послѣ долгихъ усилій, сопровождаемыхъ безконечною полемикой, удалось, наконецъ, Герцбергу окончательно вытѣснить aquis и водворить единственно понятное на этомъ мѣстѣ equis. Весьма вѣроятно, что точно такая же описка—къ тому же въ тѣхъ же самыхъ словахъ—случилась и здѣсь. Устраненіемъ этой ошибки, на основаніи вполнѣ доказаннаго варіанта, возстановляется логическая связь съ одной стороны между I 49 [4] и I 49 [11—12]), съ другой—между IV 55 и XIV 33, и выясняется во всей послѣдовательности мысль Марціала, ставящаго Билбилису въ заслугу отличныя свойства его водъ—aquis nobilem (I 49 [4]), о могущественномъ дѣйствіи которыхъ для придачи закала и твердости оружію онъ упоминаетъ въ послѣдующихъ стихахъ 11 и 12 той же эпиграммы и затѣмъ снова возвращается къ этому предмету въ двухъ другихъ мѣстахъ IV 55 и XIV 33. Особенное значеніе, которое онъ такимъ образомъ придаетъ вліянію воды Салона на качество оружія, выдѣлываемаго въ Билбилисѣ, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ сопоставленіе этихъ двухъ положеній: вода Салона и оружіе Билбилиса—въ синтетической формѣ 4 стиха: aquis et armis nobilem.

представилъ себѣ это стихотвореніе, какъ бы идущее отъ Флакциллы (которая поэтому въ именительномъ падежѣ), матери Эротіоны, къ Фронтону—отцу ея (который въ звательномъ падежѣ). Брандту было нетрудно доказать несовмѣстимость этого предположенія съ множеств. patronos 7-го стиха, но онъ на этомъ не остановился и, основываясь на прилагат. veteres, относящемся къ patronos, сталъ утверждать, что это не могли быть родители Эротіоны, такъ какъ они не довольно долго пребывали apud inferos, чтобы пользоваться подобнымъ эпитетомъ (Brandt, p. 12). Противъ этого можно возразить, что Марціалъ могъ относить слово veteres ко времени земной, а не загробной жизни patronorum, и что кромѣ того vetus обозначаетъ не только „древній“, „старый“, но также и „прежній“, „прошедшій“—безъ всякаго отношенія, давно-ли было это прежнее, прошедшее или нѣтъ; patronus же здѣсь всего вѣроятнѣе въ прямомъ своемъ значеніи — покровитель: Марціалъ рекомендуетъ свою любимицу ея veteribus patronis, то-есть тѣмъ лицамъ, которыя ее берегли и холили, пока были живы,—прежнимъ ея покровителямъ, то-есть отцу и матери, мѣсто которыхъ послѣ ихъ смерти онъ замѣстилъ у малютки, сдѣлавшись ея patronus novus—recens *).

Въ самомъ дѣлѣ, возможно-ли предположить, чтобы Марціалъ, не упомянувшій до появленія V-й книги въ 90-мъ году ни разу о своихъ родителяхъ, сдѣлалъ это теперь и привелъ при этомъ въ первый и въ послѣдній разъ ихъ имена только для того, чтобы вручить ихъ загробнымъ заботамъ любимую свою малютку-рабыню. О своихъ дѣйствительныхъ родителяхъ Марціалъ говоритъ только разъ въ IX книгѣ, но только, чтобы при этомъ выразить то малое уваженіе, которое онъ къ нимъ питалъ:

> At me litterulas stulti docuere parentes
> А обучили меня родители глупые чтенью (IX 73 7).

Что эти родители были люди съ нѣкоторымъ достаткомъ, можно заключить изъ того, что онъ говоритъ о небольшомъ

*) Положеніе это особенно станетъ яснымъ, если въ 7 ст. примемъ предложенное Гейнзіемъ чтеніе tam, вмѣсто iam, которое имѣетъ за собою только слабое рукописное основаніе.

кускѣ земли, которымъ, вѣроятно, владѣлъ его отецъ на берегахъ Салона *), и куда онъ съ такою страстностью помышлялъ удалиться, когда тягота жизни римскаго кліента уже слишкомъ давала ему себя чувствовать:

Saepe loquar nimium gentes quod, Avite, remotas
Miraris, Latia factus in urbe senex,
Auriferumque Tagum sitiam patriumque Salonem
Et repetam saturae sordida rura casae.
Illa placet tellus, in qua res parva beatum
Me facit, et tenues luxuriantur opes.

Ты дивишься, Авитъ, что часто о дальнихъ народахъ
Я говорю, старикомъ въ городѣ Лаціи ставъ,
Что златоноснаго я жажду Тага съ отчимъ Салономъ,
Что къ скупымъ я полямъ хижины сытой стремлюсь.
Та земля мнѣ мила, въ которой малымъ достаткомъ
Я богатъ, и добро скудное роскошь даетъ (X 96 1–5).

Но въ противность res parva и tenues opes заключить, какъ это дѣлаютъ Брандтъ, Андреевскій и даже Стокумъ, что Харидемъ XI 39 былъ педагогомъ Марціала—совершенно ошибочно. Этотъ Харидемъ видимо вымышленное лицо, такъ какъ родители Марціала не могли дозволить себѣ роскоши имѣть при сынѣ дядьку грека; не могли они имѣть ни vilicus (XI 39 5), ни еще менѣе dispensator (XI 39 6): этотъ послѣдній родъ рабовъ встрѣчался только между челядью богатыхъ, знатныхъ домовъ, имѣвшихъ кліентовъ и раздававшихъ имъ посредствомъ этого dispensator спортулу. Допуская даже, что Марціалъ преувеличиваетъ, когда говоритъ про себя въ V 13:

Sum, fateor, semperque fui, Callistrate, pauper,—

всетаки трудно предположить, что онъ въ юности, будучи еще въ родительскомъ домѣ, щеголялъ раздушенными кудрями и носилъ пурпуровыя тирскія одежды:

Si Tyrios sumpsi cultus unxive capillos
Ежели Тирскій нарядъ я надѣлъ и волосы смазалъ (XI 39 11).

*) Гдѣ были погребены его родители: Auriferi de gente Tagi tetricique Salonis Dat patrios manes quae mihi terra potens (XII 3 3–4).

Еще болѣе очевидно, что въ названной эпиграммѣ Марціалъ говоритъ отъ чужого имени изъ того, что во время составленія ея ему было за пятьдесятъ лѣтъ; слѣдовательно, онъ далеко перешелъ года, когда:

Iam mihi nigrescunt, tonsa sudaria barba
Et queritur labris puncta puella meis

Ужъ полотенце мое бородою обритой чернѣетъ,
И на уколы отъ губъ плачется дѣва моя. (XI 39 3—4).

Достовѣрно, кажется, можно предположить, что Марціалъ не получилъ никакого домашняго образованія и что stulti parentes съ самыхъ раннихъ лѣтъ отдали его въ школу— въ Билбилисъ или, что̀ еще вѣроятнѣе, въ не слишкомъ далеко отстоящую Тарракону, гдѣ въ то время была хорошая школа съ обоими языками подъ руководствомъ извѣстнаго ритора Флора—(Hübner, Deutsche Rundschau. April 1889). — Намъ неизвѣстно, были-ли у Марціала братья и сестры. Тораній, несмотря на то, что Марціалъ называетъ его въ Epist. къ IX книгѣ frater carissime, не могъ быть ему братомъ, какъ это ошибочно полагаютъ Брандтъ, Тейффель, Андреевскій и др.: весь тонъ эпиграммы V 78, гдѣ еще разъ встрѣчается это имя, указываетъ на то, что Тораній былъ поставленъ въ соціальномъ отношеніи гораздо выше Марціала: онъ могъ быть ему патрономъ, другомъ, даже соотечественникомъ, какъ это предполагаетъ Фридлендеръ на основаніи словъ: para hospitium (Epist. IX), но никакъ не братомъ. Frater былъ у римлянъ такимъ же ласкательнымъ, фамильярнымъ привѣтомъ, какъ наше „братъ“; именно, въ близкое къ составленію посланія IX время мы знаемъ изъ Діона и Тацита (Dio 662. Tacit. Hist. IV 4—11), что Веспасіанъ въ письмахъ къ своему полководцу Муціану называлъ его постоянно братомъ *). Самъ Марціалъ въ другихъ своихъ эпиграммахъ употребляетъ часто это слово въ обращеніи къ особо близ-

*) Что frater часто употреблялся въ смыслѣ ласкательномъ, а не родственномъ, можно видѣть изъ: Horat, Ep. I 16, 54; II 2, 87; Od. I 35, 34; Iuven. V 135; Cic. Verr. 2, 3, 66, 15 и во множествѣ другихъ мѣстъ. Soror также имѣло кромѣ родственнаго другое значеніе — любовницы: Mart. II 4, XII 20.

кимъ ему друзьямъ, настойчиво отказывая въ немъ людямъ, сближеніе съ которыми считалъ для себя нежелательнымъ:

Cur frater tibi dicor?

съ презрѣніемъ спрашиваетъ онъ Харменіона въ X 65.

Брандтъ и Андреевскій не только считаютъ Торанія братомъ Марціала, но и полагаютъ, что это одно и то же лицо, упоминаемое въ XII 44:

Uniee, cognato iunctum mihi sanguine nomen.

Уникъ, чье имя со мной состоитъ въ единеніи кровномъ (XII 44[1]).

Этого Unicus въ настоящее время всѣ комментаторы, за исключеніемъ вышеназванныхъ, считаютъ только родственникомъ Марціала; при чемъ Фридлендеръ (t. II, p. 242) полагаетъ съ большимъ вѣроятіемъ, что онъ былъ изъ рода Валеріевъ *).

Несмотря на увѣренность, съ какою Стокумъ и Брандтъ рѣшаютъ вопросъ о времени рожденія Марціала, мы считаемъ, что опредѣлить съ точностью годъ этого событія—невозможно. Стокумъ, на основаніи только X 24, безповоротно рѣшаетъ, что

*) Слѣдуетъ однако замѣтить въ оправданіе Брандта, что Unieus, какъ nomen proprium, нигдѣ болѣе не встрѣчается.—Стокумъ пытается доказать невозможность, чтобы этотъ Unieus былъ братомъ Марціала, объясняя довольно проблематически ст. 7, XII 44: Nee deerant, Zephyri, si te dare vela iuvaret, полагая, что онъ равняется „tu quamquam poëta epieus, ut frater tuus, esse potuisti, earmina elegiaca pangere maluisti, ne gloriae eius offieeres“ (*Van Stock.* p. 10); въ данномъ мѣстѣ онъ усматриваетъ у этого Unieus брата, который писалъ эпичеекіе етихи, чего Марціалъ не дѣлалъ; поэтому Марціалъ не можетъ быть этимъ братомъ Стокумъ при этомъ видимо не понимаетъ поелѣдняго 8 стиха: Sed tu litus amas. Hoe quoque fratris habes въ томъ смыслѣ, который ему придаетъ Кальдеринъ: et in hoc fratris officium demonstras, quoniam non vis certare, cum posses. Но врядъ ли это точный смыелъ 8 ет., который, мы полагаемъ, вѣрнѣе опредѣленъ Фридлендеромъ: Ausser der poëtisehen Begabung hat U. auch die Beseliränkung auf die geringere Gattung des Liebesgedielites mit dem Bruder gemein (*Friedl.* I. e.). Поэтому, признаемся, мы только iurando in verba magistrorum отказываемея думать, что Марціалъ въ XII 44 не обращается къ брату (только никакъ не къ Торанію Epist. IX и V 78), такъ какъ считаемъ противное мнѣніе или голоеловнымъ, не сопровождаемымъ никакими доказательствами (Фридлендеръ и Гизе), или подкрѣпляемымъ доказательствами, насъ не удовлетворяющими (Стокумъ); Пэлей и Стефенсонъ, къ сожалѣнію, не касаются въ евоихъ примѣчаніяхъ этого вопроса.

это было въ 41 году; Брандтъ, болѣе осторожный, прибѣгая для опредѣленія этого года къ болѣе сложнымъ выкладкамъ, для которыхъ онъ пользуется, кромѣ X 24, также данными, содержащимися въ X 103, 104, XI 1, 4 и XII 34, приходитъ къ заключенію, что годомъ рожденія Марціала могъ быть только 39-й или 40-й годъ *).

Конечно, эпиграмма X 24 представляла бы самый важный факторъ для опредѣленія года рожденія Марціала, такъ какъ онъ ясно говоритъ здѣсь, что въ день ея составленія празднуетъ 57-ю годовщину своего рожденія †):

Natales mihi Martiae Kalendae
. . . . . .
Quinquagesima liba septimamque
Vestris addimus hanc focis acerram

Мартовскія мои родныя Календы,
. . . . . .
Пятьдесятъ седьмое уже мы возліяньи
На алтарь вашъ съ ладономъ этимъ приносимъ (X 24 1. 4. 5).

*) Изъ остальныхъ комментаторовъ Марціала, преимущественно изъ старыхъ, впрочемъ не особенно углублявшихся въ разъясненіе этого вопроса, большинство слѣдуетъ мнѣнію Радера, который полагаетъ, что Марціалъ родился въ 43 г.; новѣйшіе—почти всѣ придерживаются Брандта, полагая годъ рожденія между 39 и 40 годами.

†) Извиняемся передъ профессоромъ Модестовымъ,—къ капитальному сочиненію котораго „Лекціи по Римской литературѣ 1888“, мы часто и съ пользою прибѣгали,—если мы не соглашаемся съ его совершенно единоличнымъ толкованіемъ 4 и 5 ст. эпигр. X 24, на основаніи котораго Марціалу во время составленія этой эпиграммы было бы только 50 лѣтъ (Ор. с. p. 695). Г. Модестовъ видимо полагаетъ, что только пятидесятый liburn приносится въ жертву genio natalis diei, оставляя безъ вниманія septimam hanc acerram, являющуюся такимъ образомъ совершенно отдѣльнымъ приношеніемъ, съ dies natalis ничего общаго не имѣющимъ. Не рѣшаясь возстать противъ столь авторитетнаго имени въ русской филологической наукѣ, мы долго искали подтвержденіе его мнѣнію, идущему въ разрѣзъ со *всѣми* извѣстными намъ комментаторами Марціала; но пока нашли его только у неспеціалиста по Марціалу, старика лексикографа Freund—(t. III. p. 90). Поэтому мы съ *огромнымъ большинствомъ* продолжаемъ думать, что Марціалъ въ этомъ мѣстѣ хотѣлъ сказать, что онъ приноситъ въ жертву genio своего дня рожденія quinquagesimum septimum liburn et quinquagesimam septimam acerram. Конечно, онъ погрѣшилъ при этомъ слегка про-

если бъ только мы знали, когда именно Марціалъ сказалъ это, что̀ и до сихъ поръ остается не вполнѣ доказаннымъ, такъ какъ X книга появилась въ двухъ изданіяхъ: первое въ 95, второе въ 99 году (по времясчисленію Стоббе); изъ этихъ двухъ изданій несомнѣнно до насъ дошло только второе. Стокумъ такъ же, какъ и Фридлендеръ, не сомнѣвается, что X 24 не находилась въ первомъ и появилась въ первый разъ только во второмъ; но для насъ вопросъ этотъ остаётся по меньшей мѣрѣ открытымъ, и мы даже скорѣе склонны думать, что эпиграмма X 24 непремѣнно была уже въ первомъ изданіи.

тивъ грамматики, но подобныя погрѣшности у него не рѣдкость. Гильбертъ въ своихъ „Ad Martialem quaestiones criticae“ (Progr. d. Gymn. zu Dresden-Neustad 1883. IX p. 3, 59) приводитъ таковыхъ, кромѣ этой, еще девять. Что libum и thus были всегда вмѣстѣ подносимы genio diei natalis, можно видѣть какъ у самого Марціала (IX 90, 92), такъ у Тибулла (I 7, II 2), а также у Персія (II 1—3).

Чтобы покончить съ извиненіемъ передъ уважаемымъ профессоромъ, позволимъ себѣ указать еще только на одно его мнѣніе, съ которымъ мы не можемъ согласиться, а именно: г. Модестовъ говоритъ: „Марціалъ есть создатель римской эпиграммы въ широкомъ значеніи слова“ (p. 699). Намъ всегда казалось, что такимъ создателемъ слѣдуетъ признавать Катулла, которому Марціалъ только слѣдовалъ и подражалъ (См. *Wagner*, De M. V. Martiale poetarum Augusteae aetatis imitatore, 1880 и *Paukstadt*, De Martiale Catulli imitatore, 1876), какъ онъ это часто и съ особымъ удареніемъ признаетъ самъ въ I praef., V 5, VII 99; X 78 и др. мѣстахъ. Марціалъ можетъ быть названъ создателемъ развѣ только libri epigrammaton, такъ какъ, посвятивъ себя почти исключительно этой отрасли поэзіи, онъ является первымъ сочинителемъ цѣлой книги эпиграммъ; а разница между отдѣльною случайною эпиграммой и цѣлою книгою ихъ прекрасно пояснена имъ самимъ:

Facile est epigrammata belle scribere, sed librum scribere difficile est (VII 85^{3-4}).

Вѣрнѣе характеризовалъ значеніе Марціала, какъ эпиграмматиста, въ отношеніи его предшественниковъ на этомъ поприщѣ, Лессингъ въ слѣдующихъ словахъ: „онъ былъ первымъ, кто выработалъ изъ эпиграммъ особый родъ поэзіи и себя вполнѣ этому роду посвятилъ: и по сіе время онъ остался первымъ на избранномъ поприщѣ; немногіе написали столько эпиграммъ, какъ онъ, и между этими немногими никто столько хорошихъ и превосходныхъ“ (Lessing, Sämmtl. W. t. VIII, p. 649).

Нѣтъ надобности указывать на разницу, существующую между этимъ опредѣленіемъ и опредѣленіемъ значенія Марціала: „создатель римской эпиграммы“.

Во второе изданіе — pars nova (quae) maior erit (X 2[4]) — должны были войти тѣ эпиграммы, которыя заключали указанія на событія, имѣвшія мѣсто послѣ смерти Домиціана, и такія, издавать которыя при Домиціанѣ было несовсѣмъ удобно, а иныя даже совсѣмъ невозможно; такихъ эпиграммъ имѣемъ въ X не менѣе девятнадцати, а именно: 2, 6, 7, 14, 19, 20, 28, 34, 35, 38, 50, 53, 72, 78, 83, 96, 101, 103 и 104 (по Стоббе въ Philologus XXVI, p. 74—даже 65 эпиграммъ); остальныя же 85 эпиграммъ этой книги, можно полагать, были въ первомъ изданіи, такъ какъ онѣ не содержатъ ровно ничего такого, что не могло бы быть высказаннымъ и при Домиціанѣ; къ числу этихъ послѣднихъ, мы почти увѣрены, принадлежитъ эпиграмма X 24, самая безобидная по своему содержанію, имѣющая своею главною цѣлью напомнить патронамъ Марціала о днѣ его рожденія, въ который онъ ожидаетъ подарковъ и подношеній—qua mittunt mihi munus et puellae. Признавая на этомъ основаніи весьма правдоподобнымъ, что X 24 вошла въ первое изданіе и поэтому появилась въ 95 году, мы могли бы безъ дальнѣйшихъ колебаній — простымъ вычитаніемъ 57 изъ 95—опредѣлить 38 годъ, какъ точное время рожденія Марціала, если бы только насъ не смущала полная неувѣренность въ томъ, что всѣ эти эпиграммы, вошедшія въ какую бы то ни было книгу, были сочинены Марціаломъ дѣйствительно въ промежутокъ времени между появленіемъ этой книги и предыдущей.— Дау въ своемъ сочиненіи—De M. Valerii Martialis libellorum ratione temporibusque 1887 — весьма доказательно проводитъ мысль, что цѣлый рядъ указанныхъ имъ эпиграммъ (op. cit., p. 56, 89) былъ написанъ гораздо ранѣе появленія книгъ, въ которыхъ онѣ нынѣ находятся, и еще большее число такихъ, которыя могли быть написаны только послѣ появленія книгъ, въ которыхъ онѣ помѣщены. Это послѣднее обстоятельство, какъ ни кажется оно страннымъ, объясняется процедурою появленія отдѣльныхъ книгъ Марціала.

Не слѣдуетъ думать, что изданія этихъ книгъ дѣлались исключительно книгопродавцами, бывшими вмѣстѣ съ этимъ издателями, которымъ Марціалъ продавалъ или уступалъ право изда-

нія своихъ стихотвореній и имена которыхъ (Секундъ, Атректъ, Трифонъ и Полліонъ) онъ намъ сохранилъ *).

Такимъ путемъ распространилась только часть его произведеній, другую же часть своихъ книгъ Марціалъ не продавалъ, а дарилъ друзьямъ или подносилъ патронамъ—покровителямъ; такіе экземпляры †) переписывались набѣло у него на дому, для чего Марціалъ и держалъ особыхъ рабовъ переписчиковъ, имя одного изъ которыхъ, наиболѣе искуснаго, переписывавшаго экземпляры, назначенные для поднесенія кесарямъ, Димитрія, живетъ и до сихъ поръ въ I 101:

Illa manus quondam studiorum fida meorum
Et felix domino notaque Caesaribus,
Destituit primos viridis Demetrius annos.

Правая въ прежніе дни рука моихъ изученій,
Для господина то кладъ, Цезарямъ также знакомъ,
Въ первые годы еще сокрылся цвѣтущій Димитрій (I 101 1—3).

Если даже допустить, что издаваемыя книгопродавцами книги Марціала имѣли характеръ стереотипный, то этого нельзя никоимъ образомъ предположить относительно книгъ, вышедшихъ непосредственно изъ его оффицины. Эпиграммы, входившія въ эти книги, не могли оставаться однѣ и тѣ же во всѣхъ экзем-

---

*) Ne tamen ignores ubi sim venalis...
Libertum docti Lucensis quaere Sceundum (I 2 7).
Illine me pete, nec roges Atreetum,
Hoc nomen dominus gerit tabernae (I 117 13).
Exigis, ut donem nostros tibi, Quinte, libellos.
Non habeo, sed habet bibliopola Triphon (IV 72 1—2).
A Valeriano Polio petes Quinto,
Per quum perire non licet meis nugis. I 113 3).

†) Такъ какъ эти экземпляры для приданія имъ болѣе изящнаго наружнаго вида писались или на пергаменѣ или на папируеѣ высшаго достоинства, нежели тотъ, который употреблялся библіополами, то они должны были оказывать болѣе сопротивленія вліянію времени; поэтому весьма вѣроятно, что архетипъ—Ur—Martialis (какъ нѣмецкіе филологи называютъ рукопись, послужившую первою основою средне-вѣковымъ переписчикамъ) былъ изъ числа подносимыхъ избраннымъ, а не изъ числа издаваемыхъ для продажи экземпляровъ, и по этой причинѣ долженъ былъ заключать наибольшее число замѣнъ однѣхъ эпиграммъ другими.

плярахъ; вымышленныя имена изображавшихся въ нихъ лицъ остаются тайною для насъ, но они не могли остаться неразгаданными современниками. Поэтому понятно, что Марціалъ не могъ подносить, напримѣръ, Сексту книгу, въ которой находились эпиграммы, выставлявшія на позоръ его противоестественныя наклонности; но зато, навѣрно, онъ помѣщалъ ихъ въ книгу, имѣвшую ту же нумерацію (извѣстно изъ II 103, что Марціалъ аккуратно надписывалъ номеръ надъ каждой книгой), но предназначавшуюся для поднесенія Квинту или Септиму, заклятому врагу и завистнику Секста.

Можно ли предположить, что V и VI книги, изъ которыхъ первая была посвящена Домиціану, а вторая, какъ видно изъ VI 1, 64 *), предназначалась для его чтенія, были изданы съ тѣми злыми насмѣшками надъ плѣшивыми, которыя въ нихъ встрѣчаются (V 49. VI 12, 57, 74), зная изъ Светонія, что плѣшивый Домиціанъ до болѣзненности раздражался малѣйшимъ намекомъ на свою и чью бы то ни было лысину? †) Очевидно, что означенныя эпиграммы могли попасть въ V и VI книги, какъ прибавленіе къ первоначальному изданію, только послѣ смерти Домиціана или же находились въ экземплярахъ, заготовленныхъ либраріями Марціала и предназначенныхъ только для лицъ, неблагорасположенныхъ къ Домиціану; можно, напримѣръ, съ увѣренностью предположить, что онѣ вошли въ полное собраніе изданныхъ имъ книгъ, которое онъ посылалъ въ 94 году Аппію Норбану (IX 84), тайному врагу Домиціана, принимавшему впослѣдствіи участіе въ заговорѣ противъ его жизни (Dio 67). У Марціала всегда было въ запасѣ множество законченныхъ стихотвореній, изъ которыхъ онъ могъ, въ случаѣ

*) Audebit (libellus) minus anxius tremensque
Magnas Caesaris in manus venire (VI 14–).
Has, inquam, nugas . . . . .
. . . . . .
Ipse etiam tanto dominus sub pondere rerum
Non dedignatur bis terque revolvere Caesar (VI 64, 14–).

†) (Domitianus) calvitio ita offendebatur, ut in contumeliam suam traheret, si cui alii ioco vel iurgio obiectaretur (Suet Dom. 18).

надобности, набрать цѣлую книгу въ сто эпиграммъ — число, котораго онъ обыкновенно придерживался *); это явствуетъ изъ XII praef. и II 1. Этотъ запасъ служилъ ему и въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда ему встрѣчалась надобность пополнить собраніе книгъ своихъ стихотвореній, уже имѣвшихся у его покровителей: или вторичною посылкой затерянной изъ этого

---

*) Марціалъ былъ весьма педантиченъ въ составленіи своихъ книгъ: онъ не только заботился о числѣ эпиграммъ, входившихъ въ нихъ, но и объ общемъ количествѣ всѣхъ стиховъ отдѣльныхъ книгъ (*Birt*, Das antique Buchwesen, p. 296 passim.). Среднее число эпиграммъ въ его книгахъ было 97; видимо онъ имѣлъ въ виду цифру 100 (число эпиграммъ въ III книгѣ, составленной имъ при наилучшихъ психическихъ и физическихъ условіяхъ); до этого числа онъ старался довести число эпиграммъ каждой книги. Самое большое число эпиграммъ выпадаетъ на долю I—118, самое меньшее—на VIII—82. Идеальной цифрой числа стиховъ въ каждой книгѣ онъ считалъ отъ 600 до 800, придерживаясь цифры стиховъ отдѣльныхъ книгъ большинства поэтовъ того времени, которая колебалась между 700 и 799 (*Birt*, l. c., p. 291 sq.). Самое большое число стиховъ принадлежитъ I кн. (859), самое меньшее—II (596. Эти числовыя ограниченія какъ въ отношеніи эпиграммъ, такъ и стиховъ, происходили отъ чисто механическихъ, размѣрныхъ причинъ. Марціалъ точно такъ же избѣгалъ оставлять пустое пространство къ концѣ папируснаго свертка—volumen, на которомъ писалось большинство его книгъ, какъ и опасался не умѣстить въ этомъ свертклѣ всѣ эпиграммы, предназначенныя имъ для какой либо отдѣльной книги. На каждомъ свертклѣ, имѣвшемъ всегда опредѣленные размѣры, онъ помѣщалъ по одной книгѣ (*Birt*, l. c. passim). Эта заботливость Марціала ясно высказывается во многихъ мѣстахъ его эпиграммъ:

Sunt bona, sunt quaedam mediocria, sunt mala plura
Quae legis hic aliter non fit, Avite, liber (I 16).
At nunc succincti quae sint bona discite libelli.
Hoc primum est, brevior quod mihi charta perit (II 1 3—4).
Ohe iam satis est, ohe libelle,
Iam pervenimus usque ad umbilicos.
Tu procedere adhuc et ire quaeris,
Nec summa potes in scheda teneri (IV 89 1—4).
Disticha qui scribit, puto, vult brevitate placere.
Quid prodest brevitas, dic mihi, si liber est? (VIII 29).
Si nimius videor seraque coronide longus
Esse liber, legito pauca: libellus ero (X 1—2).

Стихи VII 81 и VII 85 свидѣтельствуютъ о добросовѣстности, съ какою Марціалъ стремился наполнить по возможности хорошими эпиграммами до конца книгу, а также указываютъ на то, что онъ постоянно имѣлъ въ виду опредѣленные ея размѣры.

собранія, или высылкой вновь появившейся, еще не имѣвшейся у этого лица книги *); при этомъ онъ тщательно, часто собственноручно (VII 17[7]) исправлялъ эти экземпляры, и если находилъ при просмотрѣ ихъ стихотворенія, хотя годныя для чтенія толпы, но не подходящія, по его мнѣнію, подъ вкусъ благодѣтеля, то замѣнялъ ихъ другими, взятыми изъ запаса, которыя въ числѣ прочихъ этого запаса должны были бы появиться позднѣе въ другой книгѣ, долженствующей быть изданной, когда общее число заготовленныхъ эпиграммъ приблизилось бы къ сотнѣ. Такъ напримѣръ, посылая въ 94 году шесть вышедшихъ книгъ Норбану (IX 84), онъ, просматривая ихъ тщательно, быть можетъ нашелъ въ IV книгѣ, появившейся въ первый разъ въ 88 или 89 г., какое-нибудь стихотвореніе, направленное противъ Норбана или одного изъ близкихъ его друзей; надобно замѣнить эту эпиграмму, которая, замѣшавшись въ число прочихъ, можетъ лишить Марціала щедрой подачки отъ нажившагося при разгромленіи Сатурнина легата, — и вотъ Марціалъ беретъ эпиграмму, написанную тотчасъ послѣ этого возстанія, то-есть въ 93 году †), относящуюся къ послѣднему боевому подвигу Норбана, и смѣло ставитъ ее вмѣсто показавшейся ему предосудительною въ IV книгѣ, сохраняя такимъ образомъ нужное ему для полноты этой книги число стиховъ и весьма мало заботясь о томъ, что эта вставная эпиграмма (IV 11 въ предполагаемомъ нами случаѣ), быть можетъ, совершенно нарушитъ хронологическую связь между эпиграммами IV книги.

*) „Primus ubi est“, inquis, „cum sit liber iste secundus?“ (II 93[1]).
Dum novus est rasa nec adhuc mihi fronte libellus,
Pagina dum tangi non bene sicca timet,
I puer et caro perfer leve munus amico,
Qui meruit nugas primus habere meas (IV 10[1–4]).
Hos nido licet inseras vel imo.
Septem, quos tibi misimus libellos
Auctoris calamo sui notatos (VII 17[5–7]).

†) Ниже мы подробно излагаемъ причины, заставляющія насъ, вопреки мнѣнію Фридлендера, которымъ, понятно, особенно дорожимъ и котораго всегда стараемся держаться, предполагать, что возстаніе Сатурнина не могло быть ранѣе 91—92 годовъ.

Несостоятельность X 24, какъ коэффиціента для вычисленія года рожденія Марціала, выступаетъ еще рельефнѣе, если сопоставить эту эпиграмму съ III 36 и IV 40. Марціалъ говоритъ въ III книгѣ, вышедшей 87—88 годахъ:

Hoc per triginta merui, Fabiane, Decembres

Въ тридцать уже Декабрей, Фабіанъ, заслужилъ ли я только (III 36 7).—

и то же число лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Римѣ, обозначаетъ черезъ годъ послѣ этого въ IV книгѣ, вышедшей въ 88—89:

Tecum ter denas numeravi, Pestume, brumas

Я съ тобою, Постумъ, всѣхъ тридцать зимъ перечислилъ (IV 40 5).

Не придавая особаго значенія этой ариѳметической неточности въ одномъ годѣ, слѣдуетъ изъ совокупности смысла этихъ эпиграммъ заключить, что Марціалъ прибылъ въ Римъ въ періодъ времени между 57 и 59; а такъ какъ по X 24 видно, что ему въ 95 или, самое позднее, въ 99 было 57 лѣтъ, то возрастъ, въ которомъ онъ прибылъ въ Римъ, долженъ колебаться между 15 и 21 годами, что̀ совершенно невѣроятно и находится въ полномъ противорѣчіи съ мнѣніемъ Фридлендера (по его даннымъ мы, между прочимъ, дѣлаемъ всѣ эти вычисленія), весьма доказательно на основаніи X 103 и X 113 утверждающаго, что Марціалъ прибылъ въ Римъ въ возрастѣ отъ 23 до 26 лѣтъ, вполнѣ окончивъ свое образованіе въ Испаніи (Friedlaender, t. I, p. 4).

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ доводовъ мы считаемъ себя въ правѣ сомнѣваться въ томъ, что X 24 (безразлично, будь это 1-е или 2-е изданіе), несмотря на содержащееся въ ней драгоцѣнное по точности указаніе лѣтъ, которыя Марціалъ имѣлъ во время сочиненія этой эпиграммы, взятая отдѣльно можетъ имѣть какое-либо рѣшающее значеніе для опредѣленія года рожденія Марціала,—какъ это предполагаетъ Стокумъ (l. c., p. 83).

Противъ выкладокъ Брандта можно возразить только, что онъ придаетъ эпигр. X 24 и XI 1 слишкомъ рѣшающее въ этихъ выкладкахъ значеніе. XI книга вышла не послѣ 97 года, какъ это предполагаетъ Брандтъ, а въ 96 году, какъ это пространно доказано Стоббе (Philolog. XXVI, p. 63); а упомина-

піе въ XI 1 Парѳенія, убитаго въ 97 г., ничего противъ этого положенія Стоббе, принятаго также и Фрндлендеромъ (t. I, p. 62 sq.), не доказываетъ, такъ какъ этотъ же Парѳеній упоминается и въ XII 11, которая (съ этимъ и самъ Брандтъ не можетъ не согласиться) писана гораздо позднѣе его смерти. Слѣдовательно на XI 1, какъ на доказательство, что XI книга вышла послѣ 97 года, ссылаться нельзя, и она точно такъ же, какъ X 24 не можетъ быть принята за основаніе для точнаго опредѣленія какой-либо хронологической даты.

Иначе представляются намъ X 103, X 104 и XII 34, на которыя также ссылается Брандтъ для подкрѣпленія своихъ выводовъ. X 103 и X 104 несомнѣнно принадлежатъ къ 2-му изданію, такъ какъ писаны передъ самымъ отъѣздомъ Марціала изъ Рима—слѣдовательно не ранѣе прибытія туда Траяна; время же прибытія кесаря въ Римъ въ 99 году вполнѣ установлено. Въ обѣихъ этихъ эпиграммахъ Марціалъ положительно указываетъ на 34 года, проведенные имъ въ Римѣ:

Quattuor accessit tricesima messibus æstas,
Ut sine me Cereri rustica liba datis —

Тридцать четыре жнитва миновало за лѣтней порою,
Что безъ меня вы блиновъ сельскихъ Церерѣ несли (X 103 $^{7-8}$)—

пишетъ онъ своимъ землякамъ въ Билбилисъ (X 103 $^{6-7}$) и повторяетъ эту самую цифру въ наставленіи Флавію, долженствовавшему нѣсколькими мѣсяцами, можетъ быть только днями, предупредить его прибытіе въ Билбилисъ:

Ut sodales
Paucos sed veteres et ante brumas
Triginta mihi quattuorque visos
Ipsa protinus a via salutes.

Чтобы немногимъ друзьямъ только старинымъ,
Тридцать четыре зимы видѣнымъ прежде,
Съ самой дороги сейчасъ ты поклонилась (X 104 $^{9-11}$).

Подтвержденіе этого числа годовъ, проведенныхъ Марціаломъ въ Римѣ, съ ариѳметическою точностью *) можно найдти въ XII

*) Одинъ годъ разницы между 35 годами (XII, 31 ^{7}) и 34—жатвами (X 103 ^{7}) поясняется жатвою, собранною во время приготовленія Марціала къ отъѣзду и его путешествія.

31 [7], когда онъ говоритъ о подаренной ему Марцеллою дачѣ или помѣстьѣ близъ Билбилиса:

Munera sunt dominæ post septima lustra reverso.

Это дары госпожи на седьмой мнѣ люстръ возвращенья (XII 31 [7]).

Этихъ данныхъ совершенно достаточно, чтобы съ точностью опредѣлить годъ прибытія Марціала въ Римъ; годъ этотъ, такимъ образомъ, окажется 65, что находится въ полномъ соотвѣтствіи во-первыхъ съ упоминаніемъ имъ въ IV 40 Пизоновъ, которыхъ чертоги были еще открыты ему по прибытіи въ Римъ:

Atria Pisonum stabant cum stemmate toto,

Былъ открытъ мнѣ чертогъ Пизоновъ со своей родословной (IV 40 [1]).

погибшихъ только въ теченіе 65 года (Tacit. ann. XV 48); во-вторыхъ—съ отсутствіемъ въ эпиграммахъ Марціала указанія на какія-либо событія царствованія Нерона до 65 года, или его предшественника Клавдія.

Но, опредѣливъ такимъ образомъ съ достаточнымъ, намъ кажется, вѣроятіемъ время прибытія въ Римъ Марціала, мы все-таки не можемъ точно опредѣлить, какихъ лѣтъ онъ былъ въ это время, чтобы вывести изъ этого годъ его рожденія, такъ какъ не имѣемъ для этого другихъ данныхъ, кромѣ X 24, время появленія которой, какъ выше было сказано, даже съ приблизительною точностью опредѣлено быть не можетъ. Наименьшее колебаніе между двумя возможными для появленія этой книги датами — четыре года, то-есть время между появленіемъ X 24 въ первомъ въ 95 или во второмъ изданіи — въ 99. Поэтому, Марціалу могло быть въ 65 году 27 или 23 года и, слѣдовательно, онъ долженъ былъ родиться въ 38 или 42 году.

ГЛАВА II.

Воспитаніе, прибытіе въ Римъ, тамошніе его родные.—Описаніе наружности Марціала.—Его лѣкаря.

Слова Марціала:

„At me litterulas stulti docuere parentes:
Quid cum grammaticis rhetoribusque mihi?“

А обучили меня родители глупые чтенью:
Что же въ грамматикахъ мнѣ въ риторахъ пользы теперь? (IX 73 [7–8])

указываютъ намъ степень образованія, полученнаго Марціаломъ на родинѣ. Rhetoribusque удостовѣряетъ, что школа, въ которой онъ учился, не ограничивалась предварительнымъ заучиваніемъ латыни, какъ это предполагаетъ Гюбнеръ *), а была изъ разряда провинціальныхъ школъ, которыя, по выраженію Ванъ-Стокума †), были настоящія seminaria iuris consultorum et patronorum, гдѣ Марціалъ могъ почерпнуть юридическія познанія, которыми несомнѣнно обладалъ, какъ видно изъ I 17 [1]:

Cogit me Titus actitare causas“.

Тяжбами Титъ меня судитъ заняться (I 17 [1]).

„Nam si falciferi defendere templa sonantis ‡)
Sollicitisque velim vendere verba reis“.

Ибо у храма косой звенящаго, коль защищать бы,
И обвиненнымъ хотѣлъ скорбнымъ я рѣчь продавать (V 16 [5–6])

и другихъ мѣстъ. Быть можетъ, эта школа была неподалеку отъ Билбилиса въ Тараконѣ, гдѣ тогда училъ извѣстный въ свое время

*) *Hübner*. Wochenshrift f. klass. Philol. 1887, № 26.

†) *Van-Stockum*. De Martialis vita ac scriptis commentatio 1884, p. 12.

‡) Мы избрали чтеніе sonantis по L. (Leidensis), потому что tonantis, предикатъ Зевса, не подходитъ къ Сатурну, въ храмѣ котораго находилось казнохранилище, защитникомъ котораго, т.-е. интересовъ казны, Марціалъ здѣсь выражаетъ свою подготовленность выступить (Фридлендеръ, t. I, p. 394); храмъ этотъ (*Marquardt*, I, S, p. 234) имѣлъ на фронтонѣ два рога, чѣмъ поясняется этотъ предикатъ.

риторъ Флоръ (Hübner, l. c.). Вполнѣ подготовленный этою школою къ адвокатскому поприщу, Марціалъ, однако, никогда не соглашался, несмотря на уговоры друзей: Dives eris, si causas egeris (II 30[5]), выступить на немъ и даже высказывалъ частыми своими надъ адвокатами насмѣшками къ нему явное пренебреженіе (I 79, VI 19, VIII 16), впрочемъ, кажется, преимущественно потому, что оно представляло въ это время довольно мало выгодъ:

„Egit Atestinus causas et Civis; utrumque
Noras; sed neutri pensio tota fuit

Велъ Атестинъ дѣла и Цивисъ, ты знаешь обоихъ;
Но ни одинъ годовой платы найма не добылъ (III 38 [5—6])

и отвлекало-бы его отъ болѣе прибыльныхъ положеній кліента, стихотворнаго льстеца и угодника сильныхъ и богатыхъ римлянъ. Впрочемъ изъ стиха VIII 17[1]:

„Egi, Sexte, tuam, pactus duo milia, causam...“

Секстъ, твое дѣло я велъ за двѣ тысячи по уговору (VII 17[1])

и изъ стиха XII 68[1] можно предполагать, что иногда изъ дилетантизма онъ выступалъ защитникомъ случайныхъ довѣрителей. Кромѣ латинской грамоты, Марціалъ учился также и греческой. Это несомнѣнно изъ того основательнаго знанія греческой литературы, которое онъ такъ часто обнаруживаетъ; такъ напримѣръ, стихи II 43, 1 и 16 взяты имъ изъ Федра Платона; I 27[1] изъ дорическаго поэта, приводимаго Лукіаномъ (Sympos. 3); I 45[2]— беретъ онъ слово въ слово изъ Гомера; знакомство съ Каллимахомъ видно изъ X 4; стихи V 34[9—10] сконированы съ греческаго образца (Lessing VIII, p. 514), также VIII 29; кромѣ того, греческая цитата въ VI 6[2] свидѣтельствуетъ о точномъ знаніи сценическихъ правилъ греческой драматургіи и т. п. Вообще же всѣхъ мѣстъ у Марціала съ отдѣльными греческими словами или цѣлыми цитатами 40. Надо полагать, что педагогическіе пріемы въ этой школѣ, изъ товарищей по которой Марціалъ намекаетъ на одного Манія (X 20), были крутые, обращеніе учителей съ учениками самое суровое и даже жестокое. Марціалъ не сохранилъ о ней хорошихъ вос-

поминаній и всегда искренно сожалѣлъ о бѣдныхъ дѣтяхъ, предоставленныхъ подобнымъ педагогамъ, которыхъ онъ, какъ видно, отъ души ненавидѣлъ:

Praelegat ut tumidus rauca te voce magister
Чтобы напыщенъ тебя перечитывалъ хриплый учитель (VIII 3 15).

... Ludi selerate magister;
... противный школьный учитель (IX 68 4).

Вотъ какъ онъ ихъ обзываетъ и ни въ какомъ случаѣ не совѣтуетъ родителямъ отдавать въ школу своихъ дѣтей:

Omnes grammaticosque, rhetorasque
Devites moneo...

Риторовъ всѣхъ и грамматиковъ, помни,
Ты обѣгай (V 56 3—4).

Какія причины влекли молодого провинціала въ Римъ, съ точностью опредѣлить невозможно. Большинство біографовъ видитъ въ этомъ разсчетъ на карьеру ритора и адвоката подъ покровительствомъ богатыхъ и вліятельныхъ земляковъ иберійцевъ, трехъ братьевъ Сенеки: L. Annaeus Seneca, Annaeus Mela и Iunius Gallo (IV 40 2) и Квинтиліана (II 90 2) *), которые открыли ему доступъ въ столь значительные дома, какъ домъ Пизоновъ (вѣроятно L. Calpurnius и Piso Licinianus, IV 40), Меммія Геммела и Вибія Криспа (XII 36 7—8); но намъ кажется, что Марціалъ возлагалъ свои надежды вовсе не на этихъ лицъ, а главное на своихъ родственниковъ, которыхъ у него въ Римѣ было большое число:

Luce propinquorum, qua plurima mittitur ales
Dum Stellae turdos, dum tibi, Flacce, paro,
Succurit nobis ingens onerosaque turba,
In quo se primum quisque meumque putat.

*) Кружокъ иберійцевъ въ Римѣ во время прибытія Марціала былъ, какъ видно, довольно многочисленъ: кромѣ поименованныхъ выше, мы встрѣчаемъ въ эпиграммахъ Марціала слѣдующія имена испанцевъ: Канія Руфа изъ Гадеса (I 61), Деціана изъ Эмериты (I 8), Манія и Матерна изъ Билбилиса (I 96), Теренція Приска (XII 62), Л. Лициція Сура изъ Тарраконы (I 49).

Въ день родныхъ, на который птицъ посылаютъ такъ много,
Какъ готовилъ дроздовъ Стеллѣ я, Флакъ и тебѣ,
Набѣжали ко мнѣ большой и несносной толпою,
Въ косй первымъ себя всякъ признавалъ и роднымъ (IX 55 1–4).

Принимая во вниманіе, что Марціалъ по всѣмъ вѣроятіямъ былъ изъ рода Валеріевъ, такое количество propinquorum (IX 54) не должно насъ удивлять, такъ какъ родъ этотъ былъ настолько же многочисленъ и знатенъ, насколько и богатъ. На принадлежность Марціала къ этому роду указываетъ вся эпиграмма IX 55, описывающая праздникъ cara cognatio или caristia, справлявшійся 22-го февраля въ кругу ближайшихъ родныхъ (propinquorum) *), въ числѣ которыхъ онъ называетъ Флакка изъ рода Валеріевъ, C. Valerius Flaccus †). На принадлежность Марціала къ древнему римскому роду указываютъ также

*) Friedländer t. II, p. 79, приводящій Ovid. Fast. II, 617. Valer. Max. II 18.

†) Мы продолжаемъ думать, вмѣстѣ со всѣми прежними издателями, а изъ новѣйшихъ съ Тейффелемъ (R. L.), Беромъ (ib.), Лемэромъ и Пэлесмъ, что Flaccus эпигр. I 61 и 176 есть Валерій Флаккъ, знаменитый авторъ похода аргонавтовъ—Argonauticon libri. Первый, кажется, усумнился въ этомъ Тило (Georgius Thilo) въ prolegomena къ своему изданію C. Valerii Flacci Setini Balbi Argonauticon libri VIII. 1873. На основаніи *только* этого сомнѣнія отреклись отъ признанія тождественности этихъ двухъ Флакковъ—Фридлэндеръ, Гильбертъ, Гизе и др. а также и новѣйшій изслѣдователь жизни и твореній Валерія Флакка—Петерсъ (J. Peters de C. Valerii Flacci vita et carmine 1890).

Хотя Тило до извѣстной степени допускаетъ, что *Setinus* и *Balbus* могли быть прибавочныя cognomina поэта (вопреки мнѣнію Гейнзія, который видитъ въ нихъ только имена владѣльца или комментатора экземпляра Argonauticon, послужившаго оригиналомъ всѣмъ послѣдующимъ спискамъ, а также кардинала Коррадина—Petrus Marcellus Corradinus, — полагающаго, что *Setinus* обозначаетъ только уроженца города Setia), и поэтому отчасти раздѣляетъ мнѣніе Скардеонія (Bernardinus Scardeōnius), Dureau de Lamalle и др., называющихъ родиною поэта Patavium, тѣмъ не менѣе Тило сомнѣвается въ возможности дружбы Марціала съ Валеріемъ Флакком не столько вслѣдствіе разницы между *Patavium*—родиною Флакка, друга Марціала (по I 61 и I 76) и *Setia*—родиною Валерія Флакка поэта (по мнѣнію изслѣдователей, отвергающихъ *Setinus* какъ *cognomen*), а преимущественно на основаніи заключеній, выводимыхъ имъ изъ подробнаго разбора Mart. I 76 и IV 49, не допускающихъ по его мнѣнію, чтобы Флаккъ, упоминаемый въ I 61, 76, могъ быть Валерій Флаккъ, авторъ эпоса объ аргонавтахъ.

Намъ кажется, что аргументація и доводы Тило могутъ быть подвергнуты нѣкоторому сомнѣнію въ ихъ непогрѣшимости.

Въ отношеніи I 76 онъ увѣренъ, что Марціалъ обращается къ стихотворцу,

его три имени; а по Ювеналу (VI 127) tria nomina были признакомъ принадлежности не только къ римскому, но и къ древнему роду, принадлежностью къ которому можно было похвалиться. Эту принадлежность Марціала къ римскому роду можно также видѣть изъ X 20 [1], гдѣ говорится, что онъ и Маній по-

находящемуся въ крайней бѣдности, несовмѣстной съ званіемъ quindecimviri, которымъ былъ облеченъ Валерій Флаккъ на основаніи:

Phoebe, mone, si Cymææ mihi conscia vatis
Stat casta cortina domo, si laurea digna
Fronte viret. (Argon. I 5).

Вторая часть положенія Тило должна быть признана весьма вѣроятною, хотя Вагнеръ и Дюро де Ламаль вѣрно замѣчаютъ, что *domo* (6 ст.) находится въ полномъ противорѣчіи съ положительнымъ указаніемъ Тацита (Ann. VI 12), по которому Сивиллинскіе свертки не могли находиться въ частныхъ домахъ—*privatim*,—а должны были храниться въ храмѣ Аполлона, и кажется, нельзя не признать принадлежность Валерія Флакка къ collegium Quindecimvirorum: *laurea*, украшавшая его чело, и *cortina*, которая, можетъ быть, только хранилище Сивиллинскихъ книгъ—довольно вѣскія доказательства этого предположенія; но чтобы эти Quindecimviri были непремѣнно люди не только съ достаткомъ, но даже богатые, остается — для насъ по крайней мѣрѣ — несмотря на ссылку Тило на Marquardt. Antiq. Rom. III p. 2, вопросомъ открытымъ. Точно также для насъ вовсе не очевидно, что стихотворецъ Флаккъ, къ которому обращается Марціалъ въ I 76, находился въ крайней бѣдности; разборъ, безъ предвзятаго мнѣнія, этой эпиграммы можетъ только подтвердить, что Марціалъ совѣтуетъ своему другу избрать дѣятельность форума, какъ болѣе выгодную, нежели занятіе стихотворствомъ; но подобный совѣтъ вовсе не обусловливаетъ крайнюю нужду, нищету = egestas (*Thilo* p. VI) лица, къ которому онъ обращается.

Затѣмъ Тило заключаетъ изъ послѣднихъ стиховъ I 76:

at circum pulpita nostra
Et steriles cathedras basia sola crepant.

что они могутъ быть обращены Марціаломъ только къ такому же лирическому поэту, какимъ онъ былъ самъ, а не эпическому, какимъ исключительно былъ Валерій Флаккъ; мысль эту Тило проводитъ только на односторонемъ толкованіи: pulpita nostra = pulpita mea et tua, cathedra = женскія кресла и basia = поцѣлуи pulchrae puellae (p. VI sqq.). Но pulpita nostra можетъ и, намъ кажется, здѣсь должно быть = амвоны, съ которыхъ поэты вообще, а не только лирическіе, читали свои произведенія: cathedra = каѳедра грамматика, ритора и т. п. (Iuv. VII 203; Auson. Profess. 10, 1); basia = знаки одобренія вообще, а въ особенности поцѣлуи, посылаемые рукою (Phaedr. 5, 7, 8; Iuv. VI 118) слушателями сочинителямъ, читающимъ свои сочиненія, а также, какъ у Марціала I 37, выраженіе благодарности со стороны лектора за вниманіе и одобреніе, оказываемыя ему публикою.

сили toga praetexta — право, принадлежавшее исключительно римскимъ гражданамъ (cives romani) *).

Существовавшая близъ родины Марціала римская колонія Valeria †) даетъ возможность предполагать, что она была осно-

---

Другое доказательство положенія, что Марціалъ не могъ быть другомъ Валерія Флакка и что въ I 61 и I 76 подразумѣвается иной стихотворецъ Флаккъ. Тило полагаетъ найти въ эпиграммѣ IV 49 и утверждаетъ, что Марціалъ, имѣвшій по выраженію Плинія: *non salis tantum sed fellis etiam plurimum*, никакъ не ограничился бы, если бы только Flaccus названной эпиграммы былъ поэтъ Валерій Флаккъ, въ отместку за его нападки на эпиграмматическій родъ поэзіи, насмѣшками надъ ходульными эпосами, въ которыхъ расхвалились *grandia saevi Tereos* и *cena Thyestae* (IV 49 4—5), и непремѣнно привелъ бы въ примѣръ этой ходульности также походъ Аргонавтовъ (*Thilo*, proleg., p. VI)—Но вѣдь Плиній, признавая за Марціаломъ *sal* и *fel*, тотчасъ прибавляетъ, что онъ кромѣ этого имѣлъ *nec candoris minus*; въ силу этого *candor* и надобно думать, что онъ не пожелалъ уязвить друга его „*curarum pretium non vile*“ (I 76 1—если только IV 49 обращается къ Валерію Флакку, что̀ отрицаютъ новѣйшіе комментаторы) злою насмѣшкой надъ его произведеніемъ, которое онъ высоко цѣнилъ и внимательно изучалъ, что̀ видно изъ того, что въ эпиграммахъ Марціала безпрестанно встрѣчаются заимствованія изъ эпоса Валерія Флакка. Такъ напримѣръ, эпизодъ Hylas'a (Argos III 546 sqq.) встрѣчается у Марціала не менѣе 8 разъ, причемъ онъ постоянно придерживается формы изложенія моа избранной Флаккомъ, которая нѣсколько различествуетъ отъ разсказа Θеокрита, Аполлорода и Гигина.

Тило желаетъ и въ VIII 56 найти доказательство своего тезиса, что Флаккъ, эпическій поэтъ, не могъ быть другомъ Марціала, такъ какъ послѣдній въ такомъ случаѣ не сталъ бы утверждать въ этой эпиграммѣ къ тому же Флакку, что современная имъ эпоха не производитъ болѣе эпическихъ поэтовъ:

„Ingenium sacri miraris deesse Maronis
Nec quemquam tanta bella sonare tuba (VIII 56 3—4).

Но при этомъ Тило впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ передъ этимъ онъ вполнѣ вѣрно и убѣдительно доказывалъ, что всѣ Flacci, встрѣчающіеся въ эпиграммахъ, изданныхъ послѣ 90 года—самаго поздняго предѣла смерти поэта Аргонавтовъ, опредѣленнаго на основаніи Квинтиліана (Quint. Orat. X, 1, 90) изысканіемъ Крюгера (*Kruegerus*, Quint. instit. orat. 1361, p. 1), не имѣютъ ничего общаго съ этимъ Валеріемъ Флаккомъ; между тѣмъ VIII книга Марціала вышла не ранѣе 93 года.

Вотъ причины, побуждающія насъ полагать, что Flaccus эпиграммъ I 62 и I 76 былъ Флаккъ, пѣвецъ Аргонавтовъ и, какъ Валерій, родственникъ Валерія Марціала.

*) Guhl. p. 627.

†) Это мнѣніе Forbiger'a R. E. P. VI. 2321; впрочемъ не потверждемое ссылкою которую отъ дѣлаетъ на Plin. III, 3, 4.

вана римскими выходцами изъ gens Valeria, потомками которыхъ и могли быть родители Марціала *). Степень родства его Стеллою (L. Stella Arruntius) нельзя до сихъ поръ опредѣлить, но что это родство существовало, несомнѣнно изъ присутствія Стеллы на упомянутомъ празднествѣ †).

Кромѣ названныхъ, у Марціала безспорно былъ еще родственникъ Carus, такъ какъ онъ самъ называетъ его таковымъ:

„Care, daret sollemne tibi cognatio munus.
Каръ, даровало бъ тебѣ родство роскошный подарокъ (IX 54 [5])

и дальше:

Qualia si recipis, saepe propinquus eris ‡)
Ежели примешь ты ихъ, часто мнѣ будешь роднымъ (IX 54 [12]).

Могущественный и знатный родъ Валеріевъ имѣлъ въ то время въ Римѣ, кромѣ названныхъ, много другихъ вліятельныхъ представителей: консула suff. Квинта Валерія Вегета **), претора Валерія Лициніана (I 49; вѣроятно, онъ же въ IV 55, гдѣ онъ названъ Lucius), В. Мессалу Корвина, В. Капитона, В. Марина, игравшихъ, какъ видно изъ Тацита и Светонія, видныя роли при Неронѣ. Все это были лица, на которыхъ, вслѣдствіе сильно развитаго чувства cognationis между людьми, принадлежавшими къ одной и той же gens, молодой Валерій Марціалъ вѣроятно сильно расчитывалъ, ввѣряясь при поискахъ

*) Фридлендеръ допускаетъ это, такъ какъ t. I p. 4 онъ ставитъ въ скобкахъ Valerius около имени Fronto, считаемаго имъ, по нашему мнѣнію бездоказательно, отцомъ Марціала.

†) Такъ какъ Стелла и Флаккъ были оба изъ Патавія, и Марціалъ именно въ окрестностяхъ Патавія не только жилъ долгое время во время изданія III кн., но и намѣревался окончательно подъ старость тамъ поселиться (IV 25) и передъ отъѣздомъ изъ Италіи посѣтилъ, или, по крайней мѣрѣ, предполагалъ посѣтить для прощанія съ тамошними его близкими (X 93)—можно предположить, что вѣроятно тамъ были общіе всѣмъ имъ родственники изъ рода Валеріевъ, имѣвшіе, быть можетъ, въ окрестностяхъ Патавія, ихъ родового гнѣзда, помѣстья.

‡) Что Марціалъ понималъ слово propinquus въ его прямомъ значеніе—„родственникъ“, видно изъ единственнаго еще мѣста, гдѣ оно у него встрѣчается: XII 44, гдѣ онъ съ нимъ обращается къ своему consanguineus Unicus.

**) Lanciani Bollet. Archeol. Settembre. 1889, p. 379.

счастья въ столицѣ міра только своему рано развившемуся поэтическому таланту *).

Время этого рѣшающаго событія въ жизни Марціала можно довольно вѣрно опредѣлить по IV 40 [1—2]:

> Atria Pisonum stabant cum stemmate toto
> Et docti Senecae ter numeranda domus...
>
> Былъ открытъ мнѣ чертогъ Пизоновъ со всей родословной
> И Сенекинъ за трехъ домъ мудреца на счету (IV 40 [1—2]).

Ясно, что это не могло быть позднѣе 65 года, когда вслѣдствіе неудавшагося заговора противъ Нерона погибъ глава atrii Pisonum—Л. Кальпурній и его сынъ Галеріанъ, и съ ними померкъ блескъ stemmatis этого дома. Но, конечно, Марціалъ могъ прибыть ранѣе этого времени, и можно только догадываться, что это не было до воцаренія Нерона, такъ какъ Марціалъ въ I 20 упоминаетъ о его предшественникѣ Клавдіи только мимоходомъ, а слова Legenda temporum acta Claudianorum (III 20 [3]) какъ будто указываютъ на время этого царствованія, какъ на давно минувшее. Нѣтъ сомнѣнія, что родители Марціала, хотя были люди съ нѣкоторымъ достаткомъ, всетаки не обладали средствами настолько, чтобы доставить сыну возможность жить въ Римѣ своими лишь доходами, не прибѣгая къ какому-либо заработку. Марціалу пришлось избирать какое-нибудь поприще. Выборъ его, какъ надо полагать, остановился съ перваго раза на карьерѣ кліента, но не кліента, зависящаго всецѣло отъ своего патрона, а такого, у котораго сами патроны должны были заискивать, такъ какъ кліентъ этотъ въ совершенствѣ владѣлъ обоюдоострымъ оружіемъ—эпиграммой. Послѣдняя могла поднять на смѣхъ и отдать въ жертву общественному презрѣнію патрона, недостаточно внимательнаго и щедраго къ обладателю такого страшнаго оружія, или доставить ему извѣстность, славу, а иногда даже и безсмертіе †)

---

*) Quaecumque lusi ivenis et puer quondam
Apinasque nostras, quas nec ipse iam novi (I 113 [1—2]).

†) Gaudet et honorato sed multus nomine lector
Cui victura meo munere fama datur (V 15 [3—4]).

звучнымъ и ловкимъ стихомъ, передававшимся въ тысячахъ списковъ при помощи рабовъ либраріевъ *) до позднѣйшаго потомства.

Марціалъ зналъ всю силу своего таланта и съ первыхъ шаговъ въ Римѣ сталъ беззастѣнчиво имъ пользоваться, льстя одному, грозя обличеніемъ постыдныхъ тайнъ другому, поднося свои произведенія во множествѣ видовъ сонму покровителей и знакомыхъ, кланяясь, унижаясь, выпрашивая себѣ то обѣдъ или ужинъ, то денежную подачку, то подарокъ, хотя бы заключавшійся только въ тогѣ или лацерпѣ. Втираясь всюду, раболѣпствуя передъ сильными, жестоко издѣваясь надъ малыми и слабыми, зная всѣхъ и каждаго, Марціалъ успѣлъ устроить себѣ если не беззаботное и вѣрное, зато безбѣдное существованіе †).

Можно даже заключить, что со времени изданія III книги онъ обладалъ извѣстнымъ довольствомъ, такъ какъ въ это время, благодаря, быть можетъ, особой щедрости давальцевъ, онъ пріобрѣтаетъ домъ въ Римѣ (IX 18), пригородную дачу (IX 97), довольно значительное помѣстье въ окрестностяхъ Номента (VI 43) и наконецъ становится, получивъ званіе трибуна (III 95), равноправнымъ съ чванными equites Romani.

Даже на основаніи однѣхъ эпиграммъ Марціала мы можемъ составить себѣ довольно точное понятіе о его внѣшности, тѣлосложеніи, здоровьѣ и другихъ физическихъ особенностяхъ. Римлянинъ и Валерій родомъ, онъ былъ по матери испанецъ. Онъ называетъ себя:

....ex Hiberis
Et Celtis genitus Tagique civis (X 65).

Что онъ былъ смуглъ, видно изъ его энергическаго протеста

*) Was in der Gegenwart für die Litteratur die Presse ist, das war in Alterthum die Sklaverei!! (*Schmidt*, Gesch. d. Denk. u. Glaubensfreiheit im I Jahrh. p. 119).

†) Это видно изъ II 68 [4], гдѣ онъ говоритъ: Totis pillea sarcinis redemi...— и отказывается величать Ола прозваніями *rex* и *dominus*,—изъ III 46 [1], когда онъ уже могъ не только имѣть рабовъ, но и отпускать ихъ на волю, и изъ III 95 [4], гдѣ онъ считаетъ гордаго Невола—*не лучше, не знатнье себя: nec melior, Naevole, nec prior es.*

противъ сходства съ бѣлолицымъ, женоподобнымъ *) Карменіопомъ:

An vultu similes videmur esse
Можетъ быть сходны съ тобой кажемся видомъ? (X 65 [3]).

Голосъ у него былъ громкій, грубый, такъ какъ онъ увѣренъ, что даже дочь его, если бы она у него была, говорила бы громче Карменіона (Loquetur fortius X 65[10]); волоса у него были черные—Hispanis (X 65[7]) и, надо полагать, густые, иначе онъ бы не издѣвался такъ часто надъ плѣшивыми (V 49, VI 12, 57, 74, X 83); волоса его плохо поддавались щегольской прическѣ и стояли дыбомъ, что̀ давало ему нѣсколько свирѣпый видъ contumax, (X 65[7]); лицо обросло щетинистой бородою (hirsutis genis X 65[9]), которую онъ, подчиняясь обычаю большинства римлянъ той эпохи, брилъ (II 48[2], X 22) и, по свойству такихъ бородъ, долженъ былъ брить часто, что̀ и вызываетъ его негодованіе противъ неискусныхъ брадобрѣевъ и плохихъ бритвъ (XI 84) и восторженныя похвалы ловкимъ цирюльникамъ (VI 52, VIII 52). Голени и руки у него были покрыты волосами, которые онъ не считалъ нужнымъ удалить косметическими средствами, употреблявшимися для этой цѣли. На свою наружность онъ вообще не обращалъ особаго вниманія (VI 82, VIII 28, IX 49) †), быть можетъ, потому, что зналъ, какъ мало она была привлекательна—Iam scio, me nudum displicuisse tibi (Cottae) (I 23[4]), и какъ мало нравилась женщинамъ (III 51[4]). По нѣкоторымъ намекамъ (I 58, VII 55[6]) онъ не былъ богатырь ни ростомъ, ни тѣлосложеніемъ, и не считалъ себя по отношенію къ женщинамъ naturae largam liberalitatem expertum. Изъ сопоставленія I 23[4] съ III 51[4] и VII 55[6]

*) Женоподобность Карменіона обличается презрительнымъ soror (X 65[15]).

†) Что его неряшливая одежда, протертая тога, рваная лацерна были только слѣдствіемъ малаго вниманія къ своей внѣшности и развѣ только вывѣскою бѣдности, весьма удобною для его попрошайничества, а не были налагаемы дѣйствительнымъ недостаткомъ, доказывается многочисленными эпиграммами, свидѣтельствующими объ извѣстной степени довольства, даже излишка, которымъ онъ, не смотря на вѣчныя жалобы и просьбы, уже съ 85 года пользовался въ Римѣ (IV 15, VIII 61, 67, IX 97, XI 35).

можно даже предположить нѣкоторую физическую особенность, повліявшую, быть можетъ, на вѣроятную бездѣтность Марціала и дѣлавшую его болѣе похожимъ на Цезаря, чѣмъ на Клавдія въ сравненіи, которое дѣлаетъ между обоими Ювеналъ (VI 327). Подобное сложеніе особенно располагаетъ къ libidini paederasticae (Rosenberg die Lustseuche im Alterthum p. 121 sq.; Forberg, Antonii Panormitae apophoreta, p. 234—277); а что эта противоестественная наклонность была преобладающимъ порокомъ Марціала, видно изъ I 46, III 65, IV 7, 42, V 46, VI 34, VIII 46, 63, XI 8, 26, 43. 58, 104, XIV 205. Замѣчательно, что эта гнусная страсть усиливалась въ Марціалѣ по мѣрѣ приближенія старости; всего чаще изобличаетъ онъ себя въ ней въ XI книгѣ, когда ему было за 55 лѣтъ; но даже достигнувъ предѣловъ старости, онъ не оставляетъ ея, такъ какъ и въ XII книгѣ въ эпиграммахъ 71 и 75 встрѣчаются намеки на нее *).

Немудрено, что, при слабомъ развитіи мускулатуры, развратной жизни, паразитскихъ обжорливыхъ наклонностяхъ и утомительной службѣ кліента, Марціалъ бывалъ часто боленъ. Можно только дивиться, что болѣзни стали посѣщать его сравнительно поздно. До 89 года, времени появленія V книги, онъ, несмотря на то, что ему было болѣе пятидесяти лѣтъ, пользовался, повидимому, отличнымъ здоровьемъ, которымъ и похваляется:

Quid tibi cum medicis? dimitte Machaonas omnes.
Vis fieri sanus? stragula sume mea

Что обращаться къ врачамъ? Махаоновъ всѣхъ отпусти ты..
Хочешь здоровъ быть? Возьми ты одѣяла мои (II 16 5—6).

Онъ даже хвастаетъ своею силою in laboribus Venereis:

An possim vetulam quaeris, Matronia: possum.

Къ старой могу ли придти, Матронія, ты вопрошаешь
Къ старой могу . . . . . (III 32 1—2).

Но уже съ кн. V 9 мы слышимъ о его болѣзни, на этотъ разъ впрочемъ незначительной: онъ только languebat (V 9⁷),

*) Впрочемъ, Розенбергъ въ своей любопытной книгѣ и этотъ фактъ объясняетъ патологическимъ процессомъ.

и лихорадка, которую онъ получилъ отъ прикосновенія рукъ учениковъ врача Симмаха, не могла быть опасною *).

Только стихъ VI 43[3]:

Me Nomentani confirmant otia ruris

Укрѣпляетъ меня Номентанской деревни бездѣлье (VI 43 3).

въ первый разъ наводитъ на мысль, что Марціалъ перенесъ серьезную болѣзнь, послѣ которой ему былъ необходимъ отдыхъ и пребываніе на чистомъ деревенскомъ воздухѣ. Слѣдуетъ думать, что эта confirmatio его здоровья была непрочна и непродолжительна, такъ какъ тотчасъ послѣ этой эпиграммы начинается рядъ другихъ, гласящихъ о новыхъ, частыхъ и тяжкихъ заболѣваніяхъ Марціала. Таковы, напримѣръ, V 58, 86, VI 47, VIII 25. Въ одной изъ нихъ онъ съ горечью долженъ сознаться infantes sumus et senes videmur (VI 70[21]).

Къ этому же времени относится и большинство его ѣдкихъ насмѣшекъ надъ лѣкарями (VI 31, 53. VIII 74, X 77, XI 71, 74), въ которыхъ онъ, какъ видно, часто нуждался, такъ какъ зналъ и упоминаетъ многихъ. Кромѣ лѣчившаго его Симмаха (V 9, VI 70, VII 18), онъ называетъ еще Дазія и Алкона (VI 70); Гермократа (VI 53), Гераса (VI 78), Кара (X 77), Пацція (XIV 78), Евкта (XI 28); хирурговъ: Фаннія, Эроса, Гермеса и окулиста Гигина (X 56). Насмѣшки эти являются, вѣроятно, отместкой за неудачное лѣченіе врачей, имена которыхъ по большей части, кажется, не вымышлены †). Быть можетъ, испытавъ тщетность ихъ науки, Марціалъ пересталъ довѣрять врачамъ и предпочиталъ обращаться къ силамъ природы въ той религіозной, мистической формѣ, которую пантеистическое міровоззрѣніе древнихъ придавало всѣмъ ея проявленіямъ; отсюда тотъ родъ культа, который Марціалъ питалъ къ источнику, бывшему въ саду Іантиды—Ianthis, подруги Стеллы. Онъ

*) Calderinus въ своихъ комментаріяхъ къ этой эпиграммѣ полагаетъ даже, что эта внезапно появившаяся лихорадка была только febris amoris.

†) Надо, впрочемъ, замѣтить, что Марціалъ и прежде, будучи еще здоровымъ, не долюбливалъ Махаоновъ,—какъ онъ презрительно обзывалъ врачей; это видно изъ I 20, 47, II 16.

хвалитъ его блестящія струи (VII 15[1]), называя ихъ gloria conspicuae deliciumque domus.... (VII 50[2]), и ожидаетъ цѣлебнаго дѣйствія отъ чудотворной его влаги, находившейся подъ покровительствомъ особой нимфы (VI 47[1–2]); онъ вѣрилъ болѣе въ живительный воздухъ Бай (XI 80[1]) *) и въ успокоительное вліяніе отдыха въ Номентѣ (VI 43), нежели во всѣ предписанія врачей.

Марціалъ еще въ молодости былъ довольно лѣнивъ. Чтобы его менѣе безпокоили, онъ рано сталъ принимать роль старика (I 108[4]), страшился пройти пѣшкомъ двѣ тысячи шаговъ (II 5); живя на Квириналѣ, считалъ Эсквилинскій холмъ дальнею, только съ трудомъ одолѣваемою горою (V 22), и уже тогда во всѣхъ желаніяхъ проявлялъ изнѣженнаго, хотя и не слишкомъ изящнаго въ своихъ требованіяхъ сибарита (I 55, II 48, 90); съ годами это расположеніе къ лѣнивому покою и отвращеніе ко всякому движенію усиливалось. Et satis est, pigro si licet esse mihi (VI 43[10]) говорилъ онъ уже въ пятьдесятъ лѣтъ, и лѣнь его служила даже предметомъ насмѣшекъ друзей (XI 79). Подъ старость онъ обрюзгъ, отяжелѣлъ и сдѣлался апатичнымъ ко всему: сонъ, покой, избѣжаніе всякихъ стѣсненій становятся его главными вожделѣніями (X 74, XII praef., 18, 57, 68), удовлетворивъ которымъ, онъ всетаки не чувствовалъ себя счастливымъ. Грустное настроеніе просвѣчиваетъ въ каждой строкѣ его вступленія въ XII книгу. Быть можетъ это расположеніе духа, сопряженное съ отсутствіемъ движенія, и ускорило его кончину, не давъ ему дожить до семидесяти пяти лѣтъ, составлявшихъ предѣлъ его желаній: post hunc Nestora nec etiam rogabo, говоритъ онъ въ X 24[11].

*) Морскія купанья въ Байяхъ онъ особенно часто посѣщалъ (I 59, III 58, IV 57, X 58, XI 80).

ГЛАВА III.

Первые годы пребыванія Марціала въ Римѣ. — Его покровители и друзья.

Мы находимся въ совершенномъ невѣдѣніи касательно того, какъ Марціалъ провелъ первые годы своего пребыванія въ Римѣ, совпадавшіе съ послѣдними годами жизни Нерона, краткими правленіями Гальбы, Оттона, Вителлія и съ царствованіемъ Веспасіана; только въ 80 году, при открытіи амфитеатра Флавіевъ, воздвигнутаго Титомъ, заявляетъ онъ впервые о своемъ существованіи стихотвореніями по поводу означеннаго торжества. Эти стихотворенія вошли впослѣдствіи въ отдѣльную книгу, извѣстную подъ названіемъ Epigrammaton liber или Liber Spectaculorum.

Можно предполагать, что Марціалъ, обладая нѣкоторымъ достаткомъ и пользуясь кромѣ того покровительствомъ, а, быть можетъ, и матеріальною поддержкою своихъ многочисленныхъ родичей Валеріевъ, велъ праздную жизнь молодого римлянина, захудалаго потомка знатнаго рода, состоящаго въ разрядѣ кліентовъ: толкался въ переднихъ знатныхъ, сопутствовалъ имъ на прогулкахъ на форумѣ и въ термы, снискивалъ ихъ расположеніе, добивался приглашенія къ обѣдамъ и ужинамъ низкопоклонствомъ и подобострастной лестью, обдѣланной въ ловкій элегическій дистихъ, заимствованный у Катулла и дававшійся ему легко, такъ какъ онъ упражнялся въ стихосложеніи съ самыхъ юныхъ лѣтъ (I 113 [1–2]); въ особенности же онъ тѣшилъ своихъ патроновъ ядовитыми, злыми нападками на людей, имъ непріятныхъ, или остроумными насмѣшками надъ ихъ сотрапезниками и часто пріятелями, надъ слабостями которыхъ они, при холодномъ сарказмѣ, составлявшемъ отличительную черту римлянъ того времени, были всегда рады потѣшиться, не видя въ этомъ какого-либо нарушенія дружбы или пріятельскихъ отношеній.

Нападки и насмѣшки эти тѣмъ болѣе нравились, что Марціалъ умѣлъ облекалъ ихъ въ форму эпиграммъ по греческому образцу, вошедшихъ тогда въ моду, благодаря Катуллу, Тибуллу, Эннію, Марсу и Педону.

Кромѣ его родственниковъ—Стеллы, Флакка, Кара *), Валерія Лицинніана, Валерія Квинта и другихъ Валеріевъ †), а также иберійскаго кружка, о которомъ говорилось выше, у него скоро образовался обширный кругъ друзей и покровителей изъ числа лицъ, считавшихся передовыми въ Римѣ по богатству, знатности или талантамъ.

Первыми въ ряду его покровителей являются Титъ и Домиціанъ—кесари, царствованія которыхъ были полностью пережиты Марціаломъ въ Римѣ ‡). Титъ первый отличилъ талантъ молодого провинціала, проявившійся въ стихотвореніяхъ, написанныхъ по случаю освященія амфитеатра Флавіевъ. Хотя вышеозначенная книга, Liber Spectaculorum издана Марціаломъ только при Домиціанѣ **), тѣмъ не менѣе по содержанію она

---

*) Carus, родство котораго съ Марціаломъ несомнѣнно доказывается IX 54, былъ, вѣроятно, еще ребенкомъ при первомъ появленіи Марціала въ Римѣ, такъ какъ имя его упоминается въ первый разъ только въ VII 74, слѣдовательно, около 92 года, когда онъ вступилъ въ первый бракъ, заключавшійся римлянами въ ранней молодости. Поэтому онъ не могъ оказывать какого-либо вліянія на первые шаги Марціала въ римскомъ обществѣ.

†) Lanciani въ Bollet. archeol. Settembre 1889, p. 379, говоря о покровительствѣ Марціалу со стороны его родственника консулара Квинта Валерія, предполагаетъ даже, что домъ, въ которомъ Марціалъ жилъ на Квириналѣ и который считался его собственностью (IX 18, 97, X 58), принадлежалъ этому Квинту Валерію, и что Марціалъ былъ въ немъ только приживальщикомъ богатаго родственника.

‡) По Моммсену (St. R. II 852) и Гюбнеру (Hübner *Deutsche Rundschau*, April, 1887) слѣдовало бы въ число покровителей Марціала отнести и Веспасіана. Гюбнеръ l. c. различаетъ въ II 95 praemia 5 ст. отъ natorum iura trium 6 ст. и полагаетъ, что эти praemia, заключавшіяся въ дарованіи званія всадника и трибуна, были знакомъ благоволенія къ Марціалу Веспасіана и Тита.

**) Фридлендеръ полагаетъ, что epigrammaton liber вышелъ въ послѣдній годъ правленія Тита, 80; но мы болѣе склонны принять дату Стоббе (Philol. XXVI)—83 годъ, такъ какъ многія эпиграммы, какъ напримѣръ 9, 22, 25[b] относятся къ царствованію Домиціана, съ чѣмъ соглашается и самъ Фридлендеръ (t. I., p. 136). Впрочемъ, вопросъ этотъ слѣдуетъ считать до нѣкоторой

относится почти вполнѣ къ различнымъ эпизодамъ царствованія Тита, которому, несомнѣнно, отдѣльныя ея стихотворенія и были подносимы поэтомъ по мѣрѣ ихъ появленія. Титъ не остался въ долгу передъ Марціаломъ за всѣ похвалы, которыя тотъ ему столь щедро расточалъ въ своемъ Liber Spectaculorum (Epp. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 17, 20, 21, 26, 28 и 29) и былъ однимъ изъ Caesar uterque (III 95[5], IX 97[5]), которымъ Марціалъ былъ обязанъ тѣмъ выдающимся положеніемъ, какое онъ, какъ eques и tribunus militaris *) (III 95, V 13, IX 49, XII 26), занималъ, вѣроятно, уже съ 80 года въ Римѣ; даже ius trium liberorum, котораго такъ желалъ Марціалъ (II 91) и которымъ онъ такъ гордился (III 95, IX 97), было, какъ надо полагать, первоначально даровано ему Титомъ и только подтверждено Домиціаномъ †).

Что касается покровительства, оказаннаго Марціалу лично вторымъ изъ uterque Caesar—Домиціаномъ, то трудно опредѣлить, въ чемъ оно, за исключеніемъ подтвержденія милостей, дарованныхъ Титомъ, выразилось.

степени еще открытымъ, такъ какъ главный аргументъ въ пользу позднѣйшаго составленія эпиграммъ 9 и 22, именно упоминаніе въ нихъ о носорогѣ, первое появленіе котораго на римской аренѣ относилось, на основаніи монеты Домиціана (Eekhel D. N. VI 393), ко времени его царетвованія, оспаривается многими учеными, въ томъ числѣ Schmieder'омъ, доказывающимъ въ своей монографіи объ epigrammaton liber, что носорогъ былъ показываемъ въ Римѣ еще при Августѣ (Schmieder Mart. d. Spectac. lib. par. I., pag. 16).

*) Вѣроятно только eques honoris causa и tribunus supra numerum, „по запасу“ (Iuv, VII 89).

†) Этотъ вопросъ подробно разобранъ Vertranius'омъ de Mauro, пришедшимъ къ заключенію, вполнѣ, намъ кажется, правдоподобному, что не Домиціана, а Тита слѣдуетъ считать первымъ, даровавшимъ это право Марціалу; изъ сопоставленія III 95 и IX 97 Vertranius выводитъ: Ex quibus elicio impetratum Ius liberorum cum vita principum expirasse, et perpetuum viventi privilegium minime fuisse: instituerat enim Tiberius, ut donata concessave beneficia a superioribus principibus rata non essent, nisi insequentes eadem confirmassent, novoque quodam quasi beneficio iterum ipsi dedissent, ut ait Sext. Aurel. Victor, a quo in Tito 8 non discrepat Sueton. Inde quod a Tito primum habuisset, a Domitiano ius natorum orbus Martialis rogavit et obtinuit (De iure liberorum p. 337). Что право это давалось не навсегда, а только на извѣстное время, видно также изъ Свѣтонія: iura trium liberorum vix uni atque alteri, ac ne his quidem nisi ad certum praefinitumque tempus (Suet. Galba 14).

Если только справедлива гипотеза Дау (De Mart. libellor. rat. tempor., p. 29), что ep. 32 lib. spect:

> Da veniam subitis: non displicuisse meretur
> Festinat, Caesar, qui placuisse tibi
>
> Спѣшнымъ стихамъ ты прости: не заслужилъ неугодными,
> Цезарь, быть тотъ, кто спѣшитъ, какъ бы тебѣ угодить (lib. spect 32)

составляетъ продолженіе I 5:

> Do tibi naumachiam, tu das epigrammata nobis:
> Vis, puto, cum libro, Marce, natare tuo.
>
> Я навмахій тебѣ даю, ты мнѣ эпиграммы:
> Хочешь, я думаю, Маркъ, плавать ты съ книжкой своей (I 5 1—4)

неизвѣстно, какимъ образомъ попавшее въ Epigrammaton lib., и заключаетъ отвѣтъ Марціала на злую шутку Домиціана, то I 5 какъ нельзя лучше характеризуетъ отношенія кесаря къ поэту и то малое вниманіе, которое Домиціанъ обращалъ на его стихотворенія.

Нельзя найти никакихъ указаній на какія бы то ни было милости или даже знаки вниманія, которыми Домиціанъ отплатилъ бы злосчастному своему панегеристу за всю не знавшую предѣловъ и стыда лесть и неумѣренныя восхваленія, которыя Марціалъ расточалъ ему почти на всякой страницѣ; даже приглашеніе къ царскому столу, которое Фридлендеръ (t. I, p. 7) усматриваетъ въ IX 93, намъ кажется весьма сомнительнымъ *); ни денегъ, которыхъ онъ проситъ у кесаря въ VI 10, ни даже простого разрѣшенія провести воду въ свой загородный домъ (IX 18) Марціалъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Immhof (Domit. p. 138), никогда не получалъ; слѣдовательно, единственнымъ знакомъ вниманія Домиціана къ поэту остается развѣ только весьма

*) Кажется невѣроятнымъ, чтобы пиръ, описываемый въ IX 93, происходилъ въ Палатинскомъ дворцѣ у Домиціана. Всегда строгій въ отношеніи соблюденія этикета, нелюдимый кесарь навряд ли бы позволилъ подобную разнузданность своимъ гостямъ, какъ та, которая, очевидно, царствовала на этомъ пиру. По всей вѣроятности это была оргія, устроенная однимъ изъ царедворцевъ Домиціана, и Марціалъ могъ надѣяться, что тотъ передастъ господину объ усердіи, съ какимъ поэтъ выражалъ свое боготвореніе кесаря числомъ осушенныхъ кубковъ и лобзаній своего pueri exoleti.

нетрудно достигавшееся въ то время дарованіе римскаго гражданства лицамъ, за которыхъ ходатайствовалъ Марціалъ; какъ видно, даже и это небольшое удовлетвореніе его самолюбія приводило въ восторгъ *) не избалованнаго милостями кесаря поэта. Домиціанъ, какъ кажется, полагаетъ что для Марціала достаточной наградой за всѣ его диѳирамбы должна быть честь, которую онъ оказывалъ ему, принимая и читая ихъ (IV 27, V 6, VI 64, VII 12); далѣе, впрочемъ:

Vis, puto, cum libro, Marce, natare tuo

не шли милостивыя обѣщанія зловѣщаго даже въ своихъ шуткахъ кесаря (Dio LXVII 9; Halberstadt p. 77).

Нерва и Траянъ, несмотря на то, что Марціалъ восхвалялъ ихъ не менѣе ихъ предшественника, были, какъ кажется, еще равнодушнѣе къ поэту, чѣмъ Домиціанъ. Уже съ 89 года Марціалъ начинаетъ ухаживать за будущимъ кесаремъ — Нервою, восхваляя пока еще только его благодушіе — quies (V 28 [1]); но при увеличивавшемся значеніи Нервы увеличиваются и похвалы Марціала: въ VIII 70 прославляется уже не одна его quies, но и facundia, ingenium, pudor и, что̀ важно для историка, согласно съ указаніемъ Плинія (Ep. V 3, 5), находящимъ здѣсь подтвержденіе, говорится о литературномъ дарованіи Нервы; по свидѣтельству Марціала, оно заслужило ему отъ docti Neronis прозваніе Тибулла его времени, Виргиліемъ котораго Неронъ, конечно, считалъ себя самого. Объ этомъ же дарованіи Нервы и объ уваженіи къ нему Нерона, какъ къ эстетическому критику, свидѣтельствуетъ и IX 26. Эпиграммы XI 2, 4, 5, 7 говорятъ о Нервѣ, уже какъ объ императорѣ, при чемъ въ XI 7 особенно восхваляется его цѣломудріе — довольно легкая добродѣтель въ лѣта, которыя имѣлъ тогда Нерва. Чтобы заручиться милостью новаго кесаря, Марціалъ прибѣгъ къ прежнимъ пріемамъ: какъ прежде Домиціану, такъ теперь Нервѣ подноситъ онъ свои послѣднія книжки, сокращая

---

*) Quot mihi Caesareo facti sunt munere cives,
Nec famulos totidem suspicor esse tibi (III 95 [11-12]).

и обдѣлывая ихъ во вкусѣ новаго владыки: artatus labor est et breve rasit opus (XII 5 [2]), прежде всего заботясь замѣнить въ нихъ эпиграммы, содержавшія восхваленія его предшественника, другими, гдѣ въ такихъ же почти выраженіяхъ обоготворялся новый кумиръ съ прибавкою глумленія и порицанія сверженному (XII 6).

Къ тому же Парѳенію, черезъ котораго подносилъ онъ свои произведенія Домиціану (V 6) — Парѳеній сохранилъ свое значеніе и при новомъ дворѣ — обращается онъ, восхваляя его самого до небесъ, съ просьбою передать libellum и сопровождавшую его посвятительную эпиграмму кесарю, прося его только замолвить о немъ слово:

Hunc tua Roma legit
. . . . . Римъ твой читаетъ ее (XII 11 8) *).

Съ воцареніемъ Траяна звѣзда Марціала въ Римѣ окончательно закатилась: его могущественнаго покровителя при Палатинскомъ дворѣ — Парѳенія не стало, и можно даже сомнѣваться, доходили ли до Траяна тѣ немногія эпиграммы (X 6, 7, 34, XII 8, 11, 15), въ которыхъ о немъ говорится и которыя были видимо написаны съ тайною надеждой, что на нихъ остановится взглядъ императора. Двери Палатина закрылись для поэта и его произведеній. Благорасположенные къ нему царедворцы, посредствомъ которыхъ доходили до кесарей, какъ отдѣльныя стихотворенія, такъ и экземпляры полнаго собранія его сочиненій, или погибли вмѣстѣ съ Парѳеніемъ въ кровавомъ дворцовомъ переворотѣ 97 года, или утратили всякое значеніе при новомъ дворѣ; это были — Сигерій, cubicularius Домиціана (IV 78). Ентеллъ — Entellus, завѣдывавшій принятіемъ прошеній, подаваемыхъ на имя кесаря (VIII 68), и впослѣдствіи принимавшій участіе въ заговорѣ противъ жизни Домиціана (Dio LXCII 15); Секстъ — Sextus a — studiis Caesaris — библіотекарь

*) Фридлендеръ допускаетъ, что въ XII 11 и 15 говорится о Нервѣ; но въ этомъ можно сомнѣваться: щедрый кесарь послѣдней эпиграммы скорѣе Траянъ. Старчески скупой Нерва навряд ли бы сдѣлалъ столь щедрыя приношенія Капитолійскому Зевсу.

Домиціана, обязанностію котораго было докладывать о подносимыхъ ему книгахъ, назначать имъ соотвѣтствующія мѣста и хранить ихъ въ Палатинской библіотекѣ (V 35); Евфемъ (Euphemus), триклиніархъ Домиціана, чрезъ котораго была поднесена кесарю IV книга (IV 8). Лишившись этихъ ходатаевъ, Марціалъ и не помышляетъ болѣе прямо подносить новыя свои сочиненія Траяну, а посылаетъ ихъ въ Римъ на имя только Стеллы съ слабо выраженной надеждой, что, быть можетъ, имъ удастся проникнуть за limina templi novi,—Reddita Pierio sunt ubi tecta choro (XII 3^{7-8}), къ владыкѣ же этого храма музъ Марціалъ уже не рѣшается, какъ бывало прежде, обратиться съ непосредственнымъ на его имя посвященіемъ.

Наиболѣе дѣйствительнымъ и могущественнымъ покровителемъ Марціала во все время правленія Домиціана является, конечно, постельничій=cubicularius Парѳеній, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ кесарю *), имѣвшій ius gladii (Dio LXVII 15), право носить при дворѣ мечъ, каковымъ правомъ не пользовались даже консулы и преторы (Stockий; Dio LIII 13). Уже въ 88 году Марціалъ обращается къ нему съ поздравительными стихами по случаю шестого дня рожденія его сына Бурра (V 45) †). Черезъ него Марціалъ поднесъ Домиціану свою пятую книгу (V 6). Въ часы, свободные отъ обязанности прочитывать прошенія, подаваемыя кесарю, Парѳеній былъ также поэтомъ (XII 11)—memorabile vatis—Munus (IX 49^{3}). Онъ продолжалъ оказывать свое покровительство Марціалу и при Нервѣ, при дворѣ котораго сумѣлъ сохранить первое время свое вліятельное положеніе; черезъ его посредство была вручена Нервѣ brevis libellus (XII 11^{6}), состоявшій изъ избранныхъ стихотвореній X и XI книгъ (Stobbe Philolog. XXVI). Оказывая Марціалу свое могущественное покровительство при дворѣ, Парѳеній не былъ, кажется, во всемъ прочемъ особенно

*) См. IV 4, 5, 78, V 6, VIII 28, IX 49, XI 1, XII 11.

†) Фридлендеръ обсчитывается, какъ это вѣрно замѣчаетъ Dau p. 71, утверждая, что IV 45 написана къ пятому дню рожденія Бурра. Если вѣрить Орозію (Orosius I 1), что Парѳеній былъ евнухъ, то Бурръ былъ только его filius adoptivus.

щедрымъ патрономъ Марціала; подаривъ ему разъ великолѣпную бѣлую тогу (VIII 28), онъ этимъ и ограничился, оставаясь, повидимому, глухимъ къ намекамъ поэта о желательности имѣть этотъ даръ дополненнымъ подходящимъ къ нему плащемъ (l. c. v. 21—22) и о необходимости послѣ долгаго употребленія замѣнить изношенную тогу новою (IX 49). Пароеній, какъ извѣстно изъ Діона, былъ въ числѣ убійцъ Домиціана и въ 97 г. погибъ самъ трагической смертью.

Кромѣ названныхъ, поэту покровительствовалъ также вліятельный отпущенникъ Домиціана Криспинъ, отмѣченный еще Ювеналомъ, какъ pars Niliacae plebis и verna Canopi (Iuv. I 27). Черезъ него Марціалъ поднесъ кесарю свою VII книгу (VII 99). О щегольствѣ его, въ особенности дорогими плащами, осмѣянномъ Ювеналомъ (l. c.), упоминаетъ и Марціалъ VIII 4.

Можно сомнѣваться, чтобы другое весьма приближенное къ Домиціану лицо изъ придворнаго штата, молодой его наперсникъ и виночерпій, мальчикъ кастратъ Эаринъ—Flavius Earinus—могъ оказать какое-либо покровительство Марціалу, хотя послѣдній имъ, навѣрно, не гнушался бы, такъ какъ посвятилъ этой жертвѣ кесарскихъ прихотей шесть эпиграммъ IX книги: 11, 12, 13, 16, 17 и 36. Онъ былъ родомъ фригіецъ изъ Пергама (l. c. 16[2], 17[4]), въ храмъ Эскулапа въ этомъ городѣ онъ послалъ, въ исполненіе обѣта за своего господина, обрѣзанныя свои кудри и зеркало; эта мало привлекательная тема послужила и Стацію для одной пѣсни (Silv. III 4).

Но кромѣ этихъ высокихъ покровителей изъ ряда владыкъ Палатинскаго дворца и окружавшей ихъ высшей придворной сферы, у ловкаго, искательнаго Марціала было много другихъ вліятельныхъ и щедрыхъ патроновъ среди лицъ, пользовавшихся въ Римѣ большою извѣстностью, даже заслуженною славой. Большинство именъ ихъ, помимо эпиграммъ Марціала, сохранилось для потомства въ историческихъ документахъ и произведеніяхъ современныхъ и позднѣйшихъ классиковъ. Еще болѣе у него было друзей, не отмѣченныхъ исторіей, праздныхъ и богатыхъ, принадлежавшихъ, почти безъ исключенія, къ высшимъ слоямъ римскаго общества, съ которыми Марціалъ дер-

жалъ себя, или по крайней мѣрѣ дѣлалъ видъ, что держится, на равной ногѣ, что, впрочемъ, не мѣшало ему при всякомъ случаѣ и у нихъ вымрашивать подачки и подарки.

Изъ родственниковъ Марціала исторически наиболѣе извѣстенъ Аррунцій Стелла—Stella Arruntius, такъ какъ личность его вполнѣ опредѣлена, какъ свидѣтельствомъ Стація (Silvae I 2), во всемъ подтверждающаго отзывы Марціала о богатствѣ, щедрости и связяхъ Стеллы, такъ и одною надписью *) (Orelli 784), удостовѣряющею дѣйствительность его консульства, упоминаемаго Марціаломъ въ XII 3. Этотъ колоссально богатый,—припомнимъ его пиры всему Риму по случаю побѣдъ Домиціана (VIII 78) — талантливый и щедрый вельможа имѣлъ наибольшее вліяніе на судьбу Марціала. Изъ всѣхъ своихъ друзей и покровителей поэтъ всего чаще упоминаетъ Стеллу; имя его встрѣчается въ эпиграммахъ всѣхъ книгъ, за исключеніемъ II и III. Не менѣе Стеллы благоволила къ Марціалу и его подруга Violentilla (у Марціала Ianthis, у Стація Asteris Silv. I 2), о чемъ можно заключить изъ многихъ эпиграммъ съ обращеніемъ къ ней.

Почти со всѣми выдающимися писателями своего времени, за исключеніемъ Стація, ни разу имъ не упоминаемаго, Марціалъ находился въ близкихъ, со многими изъ нихъ даже въ дружескихъ отношеніяхъ.

Квинтиліанъ — gloria Romanae togae принималъ самое живое участіе въ судьбѣ Марціала и, кажется, совѣтовалъ ему посвятить себя юриспруденціи (II 90). У знаменитаго автора Punica, консулара Силія Италика Марціалъ былъ

*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Rasi—De L. Arruntio Stella poëta Patavino 1890, p. 16 sq.—всего болѣе вѣроятно, что консульство Стеллы относится къ 102 г.; эту дату выводятъ также Borghesi (Bollett. 1853) и Henzen, и на ней первоначально остановился Stobbe (Philol. XXVI, p. 74). Если Фридлендеръ Т. I, p. 66 такъ стоитъ за 101 г., то это, кажется, не столько на основаніи доводовъ Моммсена, который въ этомъ вопросѣ не высказывается положительно (das Consulat Stellas, kann frühestens in das Jahr 101 gestellt werden. Hermes III, p. 125), сколько изъ желанія подкрѣпить свое мнѣніе, что Марціалъ оставилъ Италію уже въ 98; эту послѣднюю дату при 102 годѣ консульства Стеллы никакъ нельзя согласовать съ trienni desidiae Марціала (XII praef.).

своимъ человѣкомъ, дѣлившимъ его семейныя радости (VIII 66), а также и печали: Марціалъ утѣшалъ его въ горѣ, постигшемъ его по случаю смерти сына Севера (IX 86) *).

Дружескія отношенія Марціала къ Ювеналу †), засвидѣтельствованныя VII 24, 91 и XII 18, составляютъ самую важную, единственно поддающуюся критической провѣркѣ дату въ хронологіи жизни великаго сатирика.

Perfida lingua, старающійся поссорить двухъ поэтовъ (VII 24^2), по мнѣнію Гюбнера ‡) есть Стацій, на котораго, быть можетъ, намекаетъ Марціалъ и въ IX 50^4. Къ Плинію Младшему Марціалъ также былъ близокъ; ему посвятилъ онъ X 19, его поправокъ своихъ стиховъ ожидаетъ въ V 30 и къ нему обратился онъ съ просьбою о вспомоществованіи на дорогу въ Испанію (Plin. Epist. III 21).

Плиній, уже находившійся въ то время въ большой милости у Траяна, не обинуясь однако говоритъ въ этомъ письмѣ о своей дружбѣ къ Марціалу, что краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о почетномъ положеніи, которое послѣдній занималъ въ Римѣ. Смѣлую порицательницу Домиціана, поэтессу Сульпицію Марціалъ не опасается воспѣть въ X 35 **). У знаменитаго стратега и автора De aquae ductibus Romae — Фронтина

*) Фридлендеръ, полагая, что 3 и 4 ст. IX 86 указываютъ, что этотъ Северъ былъ также поэтъ, отождествляетъ его въ своемъ Index съ Северомъ въ II 6, V 11, 80, VI 8, VII 34. 38. 49. 79. VIII 61 и XI 57; по мнѣнію Тейффеля, Гизе и Дау въ этихъ эпиграммахъ имѣется въ виду совершенно другой Северъ, *Septimius Severus*, богатый, образованный всадникъ, поэтъ и ораторъ, о которомъ говоритъ и Стацій (Silv. IV 5)—Северъ, не имѣющій ничего общаго съ одноименнымъ ему сыномъ Силія; это видно изъ того, что послѣдній въ IX 86, слѣдовательно въ 94 году, показанъ умершимъ, между тѣмъ Марціалъ черезъ 2 года обращается къ doctus Severus (IX 57), очевидно къ тому же, котораго испрашиваетъ censoriam limam въ V 80^{12}.

†) Г. Андреевскій (стр. 79, 110) пока одинъ и, кажется, не безъ нѣкотораго основанія, усумнился въ тождественности Ювенала эпиграммъ Марціала съ сатирикомъ, основывая свое сомнѣніе на существенной разницѣ въ характерѣ и философскихъ воззрѣніяхъ обоихъ.

‡) Hübner Wochenschr. f. klass. Philol. 1889. № 50.

**) Конечно, не въ первомъ изданіи этой книги; это одно изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ, что до насъ дошло только второе изданіе.

Марціалъ не только часто бывалъ гостемъ въ его помѣстьяхъ около Анксура и въ Байяхъ, но и принималъ участіе въ его ученыхъ трудахъ (X 58).

Изъ извѣстныхъ воспачальниковъ домиціановскаго времени Марціалъ долженъ былъ близко знать знаменитаго усмирителя возстанія Сатурнина Норбана (L Appius Norbanus Maximus), читавшаго его произведенія даже среди тревогъ боевой жизни (IX 84); почтеннаго встерана Нероновскихъ войнъ, вождя Веспасіановскихъ легіоновъ Антонія Прима (Marcus Antonius Primus *), который особо отличалъ Марціала, такъ какъ подарилъ ему тогу съ вышитымъ на ней своимъ именемъ †) и свой портретъ, который Марціалъ хранилъ среди цвѣтовъ (X 32[1]). Вѣроятно, былъ къ нему благорасположенъ и блестящій, родовитый ‡) начальникъ гвардіи Домиціана — sacri lateris custos Martisque togati — Корнелій Фускъ (Cornelius Fuscus), такъ какъ Марціалъ посвящаетъ память вождя, павшаго жертвою своей беззавѣтной **) храбрости въ экспедиціи противъ даковъ, сочувственную эпитафію (VI 76).

Престарѣлый воспный трибунъ Юлій Марціалъ, принимавшій въ этомъ званіи участіе еще въ кровавой распрѣ Гальбы съ Оттономъ ††), былъ, несмотря на значительную разницу въ лѣтахъ (I 15[3]), однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей Марціала ‡‡). Не достигнувъ высшихъ военныхъ поче-

---

*) Г. Благовѣщенскій въ своей интересной, талантливо написанной статьѣ „Римскіе кліенты“ (Русская Мысль, апрѣль, 1890), изъ которой мы много заимствовали для характеристики Марціала и его времени, считаетъ Антонія Прима (по опекѣ, вѣроятно, названнаго *А. Приском*ъ) соотечественникомъ Марціала (стр. 41). Это не совсѣмъ сходится съ показаніемъ Свстонія (Suet. Vitellius, 18), называющаго его Галломъ, и съ Марціаломъ IX 99[1], по которому мѣстомъ его рожденія была Толоза, въ Gallia Narbonensis.

†) Такъ, по крайней мѣрѣ, толкуетъ Conington (Stephenson, p. 394) затруднительное мѣсто X 72[8].

‡) Tacit. Hist. II 86.

**) Imhof., p. 57.

††) Tacit. Hist. I 28, 82.

‡‡) Фридлендеръ и Гизе не высказываются относительно тождества друга Марціала съ трибуномъ Гальбы и Оттона. Признавая его, мы слѣдуемъ указаніямъ Пэлей, Тейффеля и Рамирезъ де Прадо (Ramirez d. Prado, Comm. ad

стей, Юлій Марціалъ жилъ частнымъ богатымъ человѣкомъ въ Римѣ, гдѣ владѣлъ, кромѣ дома на улицѣ Testa (III 5), великолѣпною пригородной дачей, воспѣтой въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Марціала (IV 64), который гордился, что въ большой библіотекѣ ея собраны его произведенія. Достигнувъ глубокой старости, Юлій Марціалъ до конца жизни сохранилъ дружбу къ поэту (XII 34^{1-2}). Не менѣе этого высокообразованнаго покровителя благоволила къ Марціалу и его жена, не уступавшая мужу въ литературномъ развитіи (III 5).

Многочисленны были также благопріятели Марціала изъ числа лицъ, занимавшихъ высшія государственныя должности— консуловъ, сенаторовъ и правителей отдѣльныхъ провинцій. Первое мѣсто между ними занимаетъ Лициній Сура (Licinius Sura), землякъ Марціала по Тарраконской Испаніи (I 49^{40}), бывшій прежде консуломъ, первый разъ еще при Неронѣ, способствовавшій воцаренію Траяна (Mommsen in Ind. Plin.) и пользовавшійся поэтому большимъ вліяніемъ во время его правленія.

Марціалъ съ первыхъ годовъ своего пребыванія въ Римѣ, вѣроятно, былъ многимъ обязанъ покровительству Суры, бывшаго тогда консуломъ; благодарность свою онъ выразилъ въ прекрасномъ посланіи къ нему (VII 47) по случаю его выздоровленія.

Другой консулъ 92 г. *) Стертиній Авитъ (Stertinius Avitus) доводилъ свою дружбу къ Марціалу до того, что помѣстилъ его портретъ въ своей библіотелѣ (IX praef.)—знакъ уваженія, довольно рѣдкій въ римской жизни.

Сенаторъ †) Валерій Лицинніанъ (Valerius Licinianus), чуть было не поплатившійся жизнью въ процессѣ весталки Корнеліи, помимо земляческихъ отношеній по Билбилису и родственныхъ— какъ Валерій, былъ очень близокъ къ Марціалу ‡), какъ видно

Mart.) и полагаемъ, что возрастъ Юлія Марціала, опредѣляемый по I 15^3, вполнѣ допускаетъ возможность этого предположенія.

*) Orelli-Henzen 6446. Marini Atti p. 462.

†) Plin. Ep. IV 11.

‡) IV 55 относится, по весьма правдоподобному мнѣнію Тейффеля (R. L. G.), къ этому же Лицинніану, хотя онъ тутъ названъ Lucius.

изъ I 49, 61 и IV 55. Съ легатомъ въ Ликіи и консуломъ 97-го года *) Аполлинаріемъ Домиціемъ (Appolinaris Domitius) Марціалъ былъ на самой дружеской ногѣ; онъ посѣщалъ его помѣстье около Формій (X 30), подносилъ свои произведенія (IV 86) и даже вѣники изъ розъ (VII 29), вѣроятно, въ обмѣнъ на болѣе цѣнные подарки. Также несомнѣнна по тону I 55 его дружба съ извѣстнымъ адвокатомъ, а впослѣдствіи въ 96 году консуломъ Фронтономъ (Catius Fronto) †): Clarum militiae, togaeque decus. Будущему legatus Aug. propr. въ Нумидіи—Мунацію Галлу (Munatius Gallus) ‡) Марціалъ не стѣсняется поручать свою защиту отъ выдаваемыхъ за его произведенія поддѣлокъ (X 33). Изъ правителей испанскихъ провинцій Марціалъ могъ быть не болѣе, какъ знакомъ съ Целеромъ (VII 52); съ Пальмой—Cornelius Palma, легатомъ въ Тарраконской провинціи, онъ, быть можетъ, сблизился только въ Испаніи (XII 9), но съ двумя правителями самой значительной изъ испанскихъ провинцій—Бэтики (Baetica)—Мацеромъ—Baebius Macer, бывшимъ curator viae Appiae (X 17), а впослѣдствіи префектомъ Рима (praefectus Urbi) **), и преемникомъ его на этомъ мѣстѣ Инстанціемъ Руфомъ (Instantius Rufus, XII 98) Марціалъ былъ въ наилучшихъ—съ послѣднимъ даже въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ (VIII 73, XII 95). Однимъ изъ самыхъ богатыхъ патроновъ Марціала былъ Вибій Максимъ—Vibius Maximus (I 7, 69 VII 73, V 70, XI 106), владѣвшій въ Римѣ тремя домами (VII 73), покровительство-

*) C. I. G. 4236 и Plin. Ep. IX 13.

†) Iuv. I 12. Plin. Ep. II 11.

‡) Mommsen (ad. C. I. L. III 1443). Совершенно непонятно, какимъ образомъ Фридлендеръ (t. II, p. 126) могъ усмотрѣть изъ 2 ст. X 33: Cecropium superas qui bonitate senem, что Мунацій уже тогда былъ старымъ человѣкомъ и поэтому не могъ быть въ 100 году легатомъ, о чемъ гласитъ надпись, разъясненная Моммсеномъ. Мысль Марціала совершенно ясна: Мунацій превосходилъ superat—кекропійскаго старца—Эпикура или Сократа—bonitate-добродушіемъ, но не aetate-годами.

**) Plin. Ep. III 5. Friedlaender Dissertat. 1870. Впослѣдствіи, въ своемъ изданіи Фридлендеръ мѣняетъ свой взглядъ и думаетъ, что Macer-Curator Viae Appiae и Macer-praetor Baeticae—два различныя лица. Мы предпочитаемъ держаться прежняго мнѣнія Фридлендера, согласно съ editt vett.

вавшій также и Стацію, посвятившему ему оду Silv. IV 7, изъ которой видно, что онъ былъ, такъ же какъ и его отецъ, храбрый воинъ, съ юности посвятившій себя военному ремеслу, будучи при этомъ небезъизвѣстнымъ въ литературѣ; впослѣдствіи, въ 104 г. онъ былъ префектомъ въ Египтѣ *), а въ 96 г., когда Марціалъ посылалъ ему 106-ую эпигр. XI книги, онъ занималъ, вѣроятно, служебное положеніе въ Римѣ †).

Одинъ изъ друзей Марціала, имя котораго особенно часто у него встрѣчается, былъ Павлъ—Paullus. Такъ какъ изъ X 10[1]:

Cum tu, laurigeris annum qui fascibus intras

Если встрѣчаешь ты годъ при связкахъ, лавромъ увитыхъ (X 10[1]),

слѣдуетъ заключить, что этотъ Павлъ былъ консуломъ, то это долженъ быть Vettius Paullus, который былъ консуломъ въ 81 году (Henzen, Acta fr. Arval. p. 200) ‡). Фамиліарный тонъ, который Марціалъ позволяетъ себѣ въ этой эпиграммѣ въ отношеніи вельможи-сановника, тонъ насмѣшки надъ его низкопоклонствомъ и заискиваніемъ заставляетъ предполагать, что этотъ Павлъ тотъ самый веселый (V 28[6]), богатый (V 22) Paullus, товарищъ его любовныхъ похожденій (IV, 17), обладавшій обширною практикою адвокатъ (VII 72), о которомъ говоритъ Ювеналъ въ Sat VII. 143.

---

*) Letronne, Recherches, p. 217.

†) Фридлендеръ въ index нѣсколько сомнѣвается, что всѣ поименованные Maximi тождественны съ Виѳіемъ XI 106. Гизе положительно всѣхъ ихъ, за исключеніемъ XI 106, считаетъ personis fictis.—Намъ кажется, что подробности, относящіяся до домовъ Максима въ VII 73, удостовѣряютъ, что тутъ рѣчь о дѣйствительной личности, имѣющей общей чертою съ Максимомъ V 70 большое богатство. Такъ какъ Стацій называетъ Максима (Silv. IV 7) Юніемъ, а не Виѳіемъ, то намъ кажется, что Гизе былъ бы только послѣдователенъ въ своемъ скептицизмѣ, отвергнувъ тождественность и упоминаемаго въ XI 106 Максима съ лицомъ, къ которому обращается Стацій.

‡) Конечно, при этомъ является вопросъ, какимъ образомъ Марціалъ привѣтствуетъ не ранѣе 95 года (предполагая даже, что X 10 находилась уже въ первомъ изданіи X) консула 81 года, какъ бы только что вступающаго въ свою должность. Но это только подтверждаетъ положеніе Дау (пропустившаго, впрочемъ, эту эпиграмму) о недостаткѣ хронологической послѣдовательности эпиграммъ.

Личность друга Марціала Атедія Меліора (Atedius Melior), не игравшаго никакой политической роли, но извѣстнаго всему Риму своимъ щегольствомъ, расточительностію (IV 54), роскошной обстановкой дома и изысканнымъ столомъ (II 69), вполнѣ засвидѣтельствована Стаціемъ, многими мѣстами II книги его Сильвъ; въ первомъ стихотвореніи этой книги онъ, такъ же какъ Марціалъ въ VI 28 и 29, оплакиваетъ смерть Главкія—Glaucias, молодого вольноотпущенника Меліора.

Благодаря Плинію (Ep. VIII 18), мы можемъ съ точностью опредѣлить, кто были братья Lucanus и Tullus, взаимную дружбу которыхъ Марціалъ такъ восхваляетъ (I 36, IX 51): это были богатые патриціи Domitii, и если не друзья, то, навѣрно, патроны Марціала, вѣроятно часто пользовавшагося вмѣстѣ съ своимъ другомъ, веселымъ поэтомъ Канісмъ Руфомъ—Canius Rufus (I 61), гостепріимствомъ на ихъ дачѣ, въ окрестностяхъ Рима (III 20[17]).

Неблаговидную тѣнь бросаетъ на Марціала его тѣсная дружба съ однимъ изъ самыхъ презрѣнныхъ и ненавистныхъ клевретовъ Домиціана—Регуломъ—M. Aquilius Regulus, omnium bipedum nequissimus (Plin. Ep. I 6), этимъ in summa infamia gloriosus, какъ его называетъ Плиній (Ep. IV 2).

Доносчикъ еще временъ Нерона (Tacit. Hist. IV 42), продолжавшій свое гнусное ремесло еще съ большимъ успѣхомъ и при Домиціанѣ, во времена котораго онъ non minora flagitia commisit quam sub Nerone (Plin. Ep. I 5), несмѣтно богатый, благодаря своему адвокатскому заработку, а въ особенности своимъ хищеніямъ, Регулъ былъ послѣ Стеллы всего чаще упоминаемымъ патрономъ Марціала, пользовавшагося его милостями съ перваго своего появленія на литературномъ поприщѣ: уже первая книга подносится ему (I 111), и уже тогда Марціалъ не стыдится восхвалять наравнѣ съ умомъ и талантомъ—pietatem человѣка, имя котораго произносилось съ проклятіемъ всѣмъ Римомъ; даже трехлѣтній сынъ Регула является въ глазахъ паразита-поэта какимъ то чудомъ ума и проницательности (VI 38). Надо полагать, что въ послѣднее время своего пребыванія въ Римѣ Марціалъ утратилъ, быть можетъ, слишкомъ

назойливымъ попрошайничествомъ (VII 16) благорасположеніе Регула, имя котораго, начиная съ VIII книги, болѣе не встрѣчается, хотя онъ пережилъ своего усерднаго кліента и умеръ только въ 106 году (Plin. Ep. VI 2).

Къ этой длинной вереницѣ друзей и покровителей Марціала, засвидѣтельствованныхъ несомнѣнными историческими документами, слѣдуетъ прибавить еще многихъ, которые, хотя упоминаются только Марціаломъ, тѣмъ не менѣе такъ часто называются въ его эпиграммахъ, обрисованы съ такими подробностями и полнотою, что не допускаютъ никакого сомнѣнія въ реальности своего существованія. Первое мѣсто въ числѣ этихъ лицъ принадлежитъ землякамъ Марціала — иберійцамъ, составлявшимъ въ Римѣ какъ бы особую колонію, группировавшуюся послѣ смерти трехъ Сенекъ около Поллы Аргентаріи, вдовы Лукана, около знаменитаго Квинтиліана и столь вліятельнаго Лициніи Суры.

Таковыми являются: высокообразованный, нелицемѣрный послѣдователь философіи Стои Децианъ (Decianus), родомъ изъ Эмериты (I 61), которому Марціалъ посвятилъ свою II книгу (II praef.). Вѣчно веселый, всегда смѣющійся (III 20) Канній Руфъ (Canius Rufus) изъ Гадеса (I 61), богато одаренная личность; историкъ (III 20), поэтъ (VII 69[7]), увлекательный разказчикъ (III 64), онъ былъ особенно любимъ Марціаломъ, не искавшимъ отъ Руфа ничего кромѣ его дружбы и веселаго общества *). Теренцій Прискъ (Terentius Priscus), сынъ богатаго сосѣда Марціала около Билбилиса (XII 62); ему была поднесена XII книга, появленію которой онъ главнымъ образомъ способствовалъ (XII praef.). Адвокатъ Матернъ (Maternus) (I 96) и ровесникъ Марціала Манній (Manius) (X 20) были изъ числа самыхъ раннихъ друзей поэта, сохранившаго и въ Римѣ свои дружескія съ ними отношенія, завязавшіяся еще въ годы дѣтства въ Билбилисѣ, общей ихъ родинѣ.

За ними слѣдуютъ имена тѣхъ лицъ изъ богатой, собственно

*) Фридлендеръ полагаетъ въ Index, что III 94 относится къ этому же Руфу.— Гизе, намъ кажется, совершенно основательно не раздѣляетъ этого мнѣнія: жестокость и скупость выведеннаго въ этой эпиграммѣ Руфа вовсе не соотвѣтствуютъ веселому и беззаботному характеру Канія.

римской знати, дружбою и покровительствомъ которыхъ Марціалъ особенно пользовался, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя эпиграммы. Всего чаще встрѣчается среди нихъ имя Флакка (отличнаго отъ поэта Валерія Флакка), самаго близкаго друга и товарища вакхическихъ и любовныхъ похожденій Марціала во все время его пребыванія въ Римѣ (I 57, VII 82, XI 27, 100 и др.) *). Дружба поэта съ Юліемъ Прокуломъ (Iulius Proculus), владѣльцемъ великолѣпнаго дома на Палатинѣ (I 70), высказывается посылкой Прокулу первой книги его произведеній (1. c.) и прелестнымъ стихотвореніемъ, обращеннымъ къ нему по случаю его выздоровленія (XI 30). Еще чаще засвидѣтельствована дружба Марціала съ богатѣйшимъ Фавстиномъ (Faustinus), владѣвшимъ многочисленными помѣстьями, воспѣтыми поэтомъ: въ Баяхъ (III 58), около Требулы (V 71), въ окрестностяхъ Тибура (IV 57) и на прибрежьи Анксура (X 51); ему, какъ знатоку и дилетанту въ литературѣ (I 25), Марціалъ неоднократно посылалъ свои произведенія (III 2, IV 10).

Вліятельный критикъ Квинтіанъ (Quintianus I 52), богатый щеголь Публій (Publius) †) съ своей собачкою Issa (I 109) и красивыми прислужниками (X 98), плохой сельскій хозяинъ Бассъ (Bassus) (III 47), чадолюбивый Лупъ (Lupus), подарившій ему rus suburbanum (XI 18), Непотъ (Nepos), его сосѣдъ по городскому дому и по Номентанскому имѣнію (VI 27), знатный родомъ Аттикъ (Atticus VII 22): — всѣ они должны по тону эпиграммъ, въ которыхъ упоминаются, быть причислены къ друзьямъ Марціала и всѣ они несомнѣнно принадлежали къ высшимъ слоямъ римскаго общества, гдѣ Марціалъ исключительно искалъ себѣ не только покровителей, но и друзей.

---

*) Судя по IV 42 и IX 90, Флаккъ, такъ же какъ и Марціалъ, былъ занятъ пап libidine paederastica.

†) Гизе считаетъ этого Публія наравнѣ съ прочими упоминаемыми Марціаломъ — persona ficta. — Подтвержденіе въ VII 87 [8] его привязанности къ собачкѣ, намъ кажется, вполнѣ убѣждаетъ, что Публій этой эпиграммы тождественъ съ Публіемъ I 109, и что они дѣйствительныя лица.

Исключеніемъ изъ этого правила житейской мудрости Марціала является только его пріязнь къ Помпею Луктy—Pompeius Auctus, небогатому стряпчему (togae limatus in usu VII 51*), вѣроятно обусловленная фанатическимъ поклоненіемъ Лукта передъ талантомъ Марціала, стихотворенія котораго онъ зналъ всѣ наизусть и безъ устали при всякомъ случаѣ декламировалъ съ такою дословностью, что могъ замѣнить самую книгу, и дружба къ центуріону Аврлу Пудентy (Aulus Pudens), подтвержденная 17 эпиграммами, въ которыхъ встрѣчается это имя. Пудентъ былъ, какъ видно, солдатъ по ремеслу и не могъ быть ни знатенъ, ни богатъ, иначе онъ не оставался бы всю жизнь субалтернъ-офицеромъ, центуріономъ, достигшимъ цѣли своихъ скромныхъ служебныхъ желаній сдѣлаться centurio primi pili, то-есть старшимъ центуріономъ, командиромъ перваго манипула *) (I 31) только послѣ пяти лѣтъ боевой службы (V 48), тогда какъ извѣстно, что со времени упадка республиканскихъ правовъ и ослабленія прежнихъ болѣе строгихъ военныхъ порядковъ молодые люди знатнаго происхожденія достигали званія трибуновъ, непосредственныхъ начальниковъ для центуріоновъ, обходя совершенно этотъ чинъ или оставаясь въ немъ самое непродолжительное время †). Почетнаго, дававшагося заслуженнымъ, но бѣднымъ офицерамъ за боевыя отличія званія eques equo publico Марціалъ желаетъ получить Пудентy въ VI 58, но надо думать, что и этой, также не особо высокой награды, Пудентъ, которому видимо не везло по службѣ, не получилъ, иначе, надо полагать, Марціалъ упомянулъ бы о ней въ послѣдующихъ обращенныхъ къ Пудентy эпиграммахъ. Другой другъ Марціала изъ военнаго сословія былъ Марцеллинъ (Marcellinus), юноша, съ отцомъ котораго поэтъ былъ особенно друженъ (VI 25), также воинъ по призванію, такъ какъ онъ сражался подъ римскими орлами вездѣ, куда только они переносились домиціановскими легіонами: на Рейнѣ (VI 25),

*) Liv. VII 41, XXV 19.

†) Cic. Brut. 89. Цезарь приводитъ примѣръ командованія даже легіономъ юношей (adolescens) Крассомъ. Caes. b. g. III, 7.

на Дунаѣ (VII 80) и на берегахъ Эвксина (IX 45). Но какъ сынъ богатыхъ родителей (III 6), котораго поэтому Марціалъ отличалъ посылкою своихъ книгъ (VIII 80), онъ, вѣроятно, сдѣлалъ болѣе блестящую карьеру, нежели честный служака Пудентъ.

Достойно вниманія, что злой, столь мало стѣснявшійся въ своихъ выраженіяхъ эпиграмматистъ Марціалъ, избравшій такъ часто мишенью своихъ язвительныхъ насмѣшекъ женщинъ, имѣлъ много поклонницъ и покровительницъ, читавшихъ и цѣнившихъ его произведенія, изъ среды самыхъ знатныхъ римскихъ матронъ. — Ихъ несомнѣнно дѣйствительныя имена, встрѣчающіяся во всѣхъ его книгахъ, являются протестомъ противъ слишкомъ строгаго осужденія въ цинизмѣ и безнравственности, произносимаго иногда надъ Марціаломъ въ настоящее время, когда идеалъ нравственности и критерій приличія такъ различествуютъ отъ существовавшихъ въ кесарскомъ Римѣ.

Наиболѣе извѣстной покровительницею Марціала была Полла Аргентарія (Polla Argentaria), вдова поэта Лукана, сына главы одного изъ Senecae ter numerandae domus, такъ широко открывшаго свои двери Марціалу по прибытіи его въ Римъ (IV 40). Эта высокообразованная женщина унаслѣдовала славныя преданія семьи своего мужа, и ея домъ продолжалъ быть центромъ, гдѣ собирались литераторы (Stat. Silv. praef. lib. II): regina—называетъ ее Марціалъ въ X 64, casta Polla говоритъ о ней Стацій (Silv. II 7 [62]). Оба они посвящаютъ ей стихи по случаю памяти дня рожденія ея мужа: Стацій, многоглаголивый, какъ всегда, цѣлую 7 пѣснь II книги, Марціалъ три четверостишія: VII 21, 22, и 23 *). Полла, судя по стиху Сидонія Аполлинарія (carm. 24 165), вышла второй разъ замужъ и опять за поэта. Вдова Лукана съ 65 года, она должна была быть тогда уже очень пожилыхъ лѣтъ, такъ какъ по тону

*) Нѣтъ сомнѣнія, что они появлялись ежегодно по одному; соединеніе ихъ въ одной книгѣ опять указываетъ на отсутствіе хронологической послѣдовательности въ наборѣ эпиграммъ.

обращенія къ ней Марціала въ X 64 *) (эпиграммѣ, писанной не ранѣе 95 г.) она въ то время еще была вдовою.

О расположеніи къ Марціалу Віолентиллы, подруги Стеллы, которую онъ воспѣваетъ въ семи стихотвореніяхъ подъ именемъ Іантиды (Ianthis), было говорено; ученая, умная и умѣвшая цѣнить аѳинскихъ философовъ жена Канія Руфа Теофила заслужила своимъ вниманіемъ къ поэту прелестную надпись къ своему портрету (VII 69), гдѣ онъ, сравнивая ее съ Санфо, говоритъ:

Castior haec, et non doctior illa fuit.

Эта скромнѣе, а та все жъ не искуснѣй была.

Жена Юлія Марціала, имя которой не сохранилось, была восторженная читательница поэта: Est illi coniunx, quae te manibusque sinuque—Excipiet, tu vel pulverulentus eas, говоритъ онъ, обращаясь къ своей III книгѣ, при посылкѣ ея Юлію Марціалу изъ Forum Cornelii (III 5). Цезонію (Caesonia), жену Руфа, вѣроятно Инстанція, онъ привѣтствуетъ въ день ея рожденія, какъ близкій другъ дома (IX 39). Сабинѣ, женѣ Климента, гостепріимствомъ которой онъ, повидимому, пользовался во время пребыванія своего въ Эмиліи и къ которой предполагалъ заѣхать проститься передъ отъѣздомъ изъ Италіи, онъ посылаетъ свою X книгу, особо заботясь объ ея наружномъ убранствѣ (X 93). Нигрину, жену Антистія Рустика, Марціалъ восхваляетъ, какъ inter Latias gloria prima nurus, ставитъ примѣромъ супружеской любви и вѣрности (IV 75), вмѣстѣ съ нею оплакиваетъ смерть ея мужа (IX 30). Дружескій привѣтъ шлетъ онъ Норбанѣ по случаю ея обрученія съ его родственникомъ Каромъ †), побѣдителемъ на албанскомъ состязаніи (VII 74).

Слѣдуетъ замѣтить, что съ большинствомъ изъ своихъ друзей, имена которыхъ встрѣчаются уже въ первой его книгѣ,

*) Эта эпиграмма и предыдущая X 63, заключающая въ себѣ эпитафію почтенной матери десяти дѣтей, подтверждаютъ своими послѣдними откровенно порнографическими стихами высказанное выше объ условномъ взглядѣ на приличія Рима эпохи Марціала.

†) Гильбертъ и Шнейдевинъ имѣютъ Cagro и Tagro, мы слѣдуемъ Фридлендеру и editt. vett.

Марціалъ сохранилъ дружескія отношенія до самаго конца своего пребыванія въ Римѣ, что видно изъ присутствія этихъ самыхъ именъ и въ послѣднихъ трехъ книгахъ. Это служитъ доказательствомъ, что Марціалъ, при всѣхъ своихъ крупныхъ недостаткахъ, обладалъ характеромъ ровнымъ и уживчивымъ. Разъ подружившись, онъ умѣлъ сохранить расположеніе своихъ друзей, а среди нихъ весьма многіе, какъ напримѣръ, Квинтиліанъ, Ювеналъ, Силій Италикъ, Антоній Примъ по своимъ несомнѣннымъ личнымъ качествамъ и достоинствамъ стояли столь высоко, что возвышаютъ въ глазахъ потомства обликъ эпиграмматиста, столь низко стоящаго по мѣрилу самой невзыскательной морали, если его судить только по безотносительному содержанію его твореній.

ГЛАВА IV.

Положеніе Марціала въ римскомъ обществѣ; характеристика его произведеній.

Среди всѣхъ поименованныхъ лицъ, изъ которыхъ каждое могло тѣмъ или другимъ путемъ быть ему полезнымъ, Марціалъ вращался съ необычайной ловкостью, несокрушимымъ терпѣніемъ и неутомимой назойливостью, стараясь угодить всѣмъ и каждому беззастѣнчивымъ низкопоклонствомъ, безсовѣстной, не знавшей предѣловъ лестью, наглымъ восхваленіемъ самыхъ грубыхъ страстей, не краснѣющимъ потворствомъ низкимъ, животнымъ и противоестественнымъ наклонностямъ столь часто чванныхъ въ отношеніи къ нему патроновъ; — и все это дѣлалось не столько подъ гнетомъ не разбирающей средствъ нужды, которой онъ въ дѣйствительности никогда не испытывалъ *), сколько въ силу того неприглядnаго паразитизма, той неудержимой потребности пресмыкаться передъ сильными міра, того безграничнаго стремленія къ легкой наживѣ, къ даровому пользованію излишествами и роскошью праздnаго богатства и къ удовлетворенію прихотей утонченнаго разврата, которые составляли отличительныя черты характера Марціала.

Этого невысокаго идеала и недалекой цѣли жизни Марціалъ достигъ весьма скоро: не особо выдающіеся, но вполнѣ удовлетворявшіе его мелкому честолюбію знаки благорасположенія кесарей были дарованы ему почти съ перваго выступленія его на литературномъ поприщѣ, и уже съ первыхъ книгъ видно, какъ многочисленны были подарки, дѣлаемые ему друзьями покровителями, несмотря на продолжающіеся скорбные его возгласы о недостаточномъ поощреніи его таланта:

Sint Maecenates, non deerunt, Flacce, Marones

Будь Меценаты, о Флаккъ, недостатка въ Маронахъ не будетъ (VIII 56[1]).

*) См. напр. II 68, III 46, VIII 61, 67, IX 97.

Pisones Senecasque Memmiosque
Et Crispos mihi redde, sed priores

Ты Пизоновъ, Сенекъ и Мемміевъ тоже
Съ Криспами мнѣ возврати, только старинныхъ (XII 36[8—9]).

Подарки эти, конечно, различествовали по своей цѣнности; иной разъ это были крупныя подношенія въ родѣ rus suburbanum, подареннаго ему Лупомъ (XI 18), и Номентанскаго помѣстья, подареннаго Сенекою *) (II 38), или драгоцѣнные кубки, серебряныя издѣлія работы древнихъ мастеровъ (VIII 51, 71), но чаще долженъ онъ былъ довольствоваться небольшими денежными подарками, спортулой (III 7, IX 88, 100, X 70), иногда даже присылкой тоги, плаща (VI 82, VIII 28, X 73), или черепицы для его развалившейся крыши (VII 36). На всѣ эти подачки Марціалъ смотрѣлъ, какъ на должныя воздаянія, на которыя онъ имѣлъ законное право разсчитывать, и потому приходилъ въ непритворное негодованіе, когда бывалъ ими обойденъ (V 36, VII 16, VIII 33, 71); частыя, чуть не ежедневныя приглашенія къ обѣдамъ и ужинамъ, гдѣ, впрочемъ, онъ не всегда занималъ почетное мѣсто и зачастую бывалъ обносимъ блюдами (I 43, III 49, 60, VI 11), займы у друзей, которые онъ и не думалъ когда либо отдавать (IX 102),— все это, вмѣстѣ взятое, давало Марціалу возможность casu vivere (III 38[14]), избѣгая всякаго профессіопальнаго труда и не прибѣгая къ занятію адвокатурою, какъ это ему совѣтовали друзья (II 30, V 16).

Къ этому нужно присовокупить гонораръ †), конечно не

---

*) Это—предположеніе Фридлендера T. I, p. 227; въ послѣднее время оно оспаривается, съ представленіемъ весьма вѣскихъ противъ него аргументовъ, Ванъ Стокумомъ (V. Stockum., p. 35).

†) На основаніи только четырехъ мѣстъ Марціала:

. . . . Nullos referentia nummos
Carmina cum scribas (XIV 219).
Et tantum gratis pagina nostra placet (V 16[30]).
Cum Scorpus una quindecim graves hora
Ferventis auri victor (говоря про состязателя на аренѣ) auferat saccos
Non ego meorum praemium libellorum
— Quid enim merentur?—Appulos velim campos. (X 74 [5—6]).

крупный, который онъ получалъ отъ своихъ издателей *) (I 117, IV 72, XI 108, XIII 3), или выручалъ отъ непосредственной личной продажи своихъ книгъ II 66, VII 77, а также вознагражденіе, какое онъ бралъ за эпитафіи, изъ копхъ многія посятъ на себѣ явно отпечатокъ заказной работы †), (I 93,

---

Dicitur et nostros cantare Britannia versus.
Quid prodest? Nescit sacculus ista mens (XI 3 5—6).

Многіе ученые, какъ то: Haenny, Schriftsteller u. Buchhändler d. Ant. Roms, p. 87, Göll, Ueber d. Buchwesen b. d. Griechen u. Römern, p. 10, Bernhardy, G. d. Röm. Litt. Anm. 16, отвергаютъ, что Марціалъ получалъ какое бы то ни было вознагражденіе со стороны своихъ издателей. Едва ли подобное увѣреніе имѣетъ достаточно основанія; вѣроятнѣе, что приведенныя мѣста Марціала выражаютъ только его недовольство размѣрами вознагражденія: но чтобы въ то время авторы въ Римѣ не пользовались никакимъ гонораромъ со стороны издателей, справедливо оспаривается другими учеными, во главѣ которыхъ стоитъ *Бирть* (Birt): въ своемъ капитальномъ сочиненіи Über d. ant. Buchwesen, p. 355, онъ прямо заявляетъ, что Марціалъ, какъ и другіе римскіе авторы, получалъ гонораръ, конечно, въ формѣ и размѣрахъ, различествующихъ отъ нашихъ современныхъ. Къ этому мнѣнію присоединяются и другіе ученые, спеціально изслѣдовавшіе этотъ вопросъ: *Schmitz*, de Bibliopolis Romanorum, p. 12, *Schmidt*, Geschichte d. Denk-u. Glaubensfreiheit, p. 138, *Becker*, Gallus II, p. 455, взгляды которыхъ, намъ кажется, вполнѣ подтверждаетъ самъ Марціалъ въ I 117, IV 72 и въ особенности своимъ *lector, solve!* XI 108 4.

*) Были ли эти лица, о которыхъ говорилось выше, издатели, или только книгопродавцы, трудно опредѣлить, хотя можно прослѣдить по Марціалу, какая у каждаго изъ нихъ была спеціальность изданія его книгъ: 1) Квинтъ Валеріанъ Поллій—Q. Valerianus Pollius—собралъ и продавалъ *iuvenilia* Марціала, тѣ его юношескія nugae и apinae, о существованіи которыхъ онъ и самъ позабылъ (I 113); 2) *Секундъ*, отпущенникъ Луцензія—Secundus libertus Lucensis, продававшій на форумѣ Паллады сочиненія Марціала въ маломъ форматѣ, писанныя на пергаментѣ въ формѣ книжки — codex (I 2); 3) Атректъ—Atrectus, книжная лавка—taberna которато находилась въ мѣстности, называемой Argiletum, напротивъ форума Transitorium, впослѣдствіи Нервы (I 117), продавалъ экземпляры большихъ размѣровъ, писанные на папирусѣ, въ формѣ—наиболѣе употребительной — свертка = volumen; 4) извѣстный издатель и книгопродавецъ, вѣроятно, первый по своимъ оборотамъ въ Римѣ—Трифонъ—*Tryphon bibliopola* (IV 72, XIII 3), издававшій также сочиненія Квинтиліана (Quintil. Inst. orat. praef.). Haenny (op. c. p. 67) только за Трифономъ и за Полліемъ признаетъ право называться издателями Марціала; Атректъ и Секундъ, по его мнѣнію, довольно правдоподобному, были только книгопродавцы.

†) Вѣроятно также, что „докладная записка" въ стихахъ Домиціану (VIII 32), была составлена по заказу Аратуллы, точно такъ же какъ хвалебный гимнъ

VI 28, 29, VII 96, X 26, 63). Кромѣ того бывали неудачные стихотворцы, которые, не будучи въ состояніи сами составить эпиграмму или элегію, покупали ихъ готовыми отъ Марціала и потомъ выдавали за свои *). Отсюда становится понятнымъ, что онъ при своихъ прихотливыхъ, но довольно дешевыхъ пожеланіяхъ (I 55, II 48), имѣлъ совершенно достаточно средствъ, чтобы вести жизнь не только безбѣдную, но даже, какъ онъ, несмотря на свои вѣчныя жалобы и постоянное попрошайничество, иногда самъ проговаривается, довольно роскошную †).

Надобно отдать справедливость Марціалу, что, зарабатывая себѣ это довольство литературнымъ трудомъ, онъ относился къ нему крайне добросовѣстно; онъ работалъ надъ своими произведеніями не спорадически, урывками, а постоянно, какъ только

гладіатору Гермесу V 24 былъ, весьма правдоподобно, внушенъ и оплаченъ Марціалу одной изъ знатныхъ и богатыхъ обожательницъ красавцевъ этого разряда, которыхъ, какъ говоритъ Ювеналъ (VI 111—113), въ Римѣ было много.

*) Что этотъ обычай былъ довольно распространенъ въ Римѣ и служилъ однимъ изъ источниковъ дохода Марціала, усматривается изъ его словъ:

Secreta quaere carmina et rudes curas,
. . . . . .
Mercare: tales habeo; nec sciet quisquam (I 66 5—12).
Si dici tua vis, hoc eme, ne mea sint (I 29 4).

и изъ II 20, XII 46.

†) Для подкрѣпленія этого положенія, идущаго нѣсколько въ разрѣзъ съ общепринятымъ мнѣніемъ, что Марціалъ былъ крайне бѣденъ (Friedl. t. I, p. 24, Van Stockum p. 50 sq. Nisard p. 355, Brandt p. 24), обращаемъ вниманіе на III 46 2, гдѣ онъ говоритъ о своемъ отпущенникѣ: Non eo, libertum sed tibi mitto meum, на VIII 61 7, гдѣ онъ не довольствуется болѣе нанятыми мулами: Vehimurque mulis non, ut ante, conductis; въ VIII, 67 у него является не только нахлѣбникъ-паразитъ, но и servus procurator — дворецкій Каллистъ: Curre, age, et inlotos revoca, Calliste, ministros (ст. 5); въ IX, 97 онъ похваляется завистью, которую возбуждаетъ столько же его литературная слава, сколько и домъ въ Римѣ съ пригородной его дачею; mille dabam nummos— предлагаетъ онъ за одну ночь гетерѣ Галлѣ (X 75 6).

Все это указываетъ на достатокъ, даже на роскошь, о которыхъ нѣтъ и слѣдовъ у современныхъ Марціалу дѣйствительно бѣдныхъ поэтовъ, какъ Ювеналъ, Стацій и Валерій Флаккъ.

это ему дозволяли уносившія столько времени обязанности кліента. Цѣлый годъ посвящалъ онъ составленію одной книги:

Quod mihi vix unus toto liber exeat anno

Что едва въ цѣлый годъ одну выпускаю я книжку (X 70)

и горько жаловался на судьбу, если притязанія гордыхъ патроновъ заставляли его терять, къ явному ущербу его славы, время, которому онъ, въ справедливомъ сознаніи своего дарованія, зналъ всю цѣну, и оставляли ему такъ мало досуга, что въ тридцать дней онъ еле поспѣвалъ написать одну страницу. Hoc damnum tibi non videtur esse, говоритъ онъ по этому случаю одному изъ этихъ патроновъ:

Si quod Roma legit, requirit hospes,
Non deridet eques, tenet senator,
Laudat causidicus, poeta carpit,
Propter te perit?

Если что Римъ прочтетъ, иностранецъ добудетъ,
Всадникъ не осмѣетъ и оцѣнитъ сенаторъ,
Стряпчій будетъ хвалить и поэтъ опорочитъ:
Изъ за тебя пропадетъ (XI 24 $^{6-9}$).

. . . . . .

Triginta prope iam diebus una est
Nobis pagina vix peracta

. . . . . .

Въ тридцать то дней почти одну лишь страницу
Я окончилъ едва (XI 24 $^{13-14}$).

Онъ не былъ импровизаторомъ, какъ Стацій *); онъ тщательно обдумывалъ и взвѣшивалъ каждый стихъ и заранѣе подготовлялъ остроту, которую потомъ, какъ бы ex tempore, подносилъ за обѣдомъ или ужиномъ.

Затѣмъ, набравъ книгу своихъ эпиграммъ, педантически заботливо относясь при этомъ не только къ числу эпиграммъ,

*) Какимъ не совсѣмъ справедливо считаетъ его Фридлендеръ T. I, p. 20. Если бы онъ былъ таковымъ, то, вѣроятно, написалъ бы болѣе въ теченіе своей литературной дѣятельности, простиравшейся съ 80 по 102 годъ. Импровизовать даже длинное стихотвореніе не очень трудно, быть краткимъ требуетъ обдуманности и поэтому много времени (Гюбнеръ).

въ нее входившихъ, но и къ общему итогу стиховъ, изъ которыхъ она составлялась, онъ не выпускалъ ее ранѣе, какъ подвергнувъ самому внимательному просмотру, lima rasa (X 2[3]), съ цѣлью чтобы она предстала читателю въ строго выдержанной формѣ:

Quod si cui forte legeris,
Sis licet usque malus, non odiosus eris

. . . . . коль кто читать тебя станетъ случайно,
Будь хоть плоха до конца, не надоѣшь ты ему (II 1 [7—8]);

безъ излишнихъ длинноть:

Carmina quod faciam, quae brevitate placent,

Что сочиняю стихи, краткость которыхъ мила (IX 50 [2]);

съ краткостью и вмѣстѣ съ тою ясностью выраженія, чтобы carmina его:

Grammaticis placeant, ut sine grammaticis;

Нравятся грамотнымъ пусть и безъ грамматиковъ (X 21 [6]);

тщательно избѣгая всякихъ варваризмовъ и темныхъ мѣстъ:

Si qua videbuntur chartis tibi, lector, in istis
Sive obscura nimis, sive latina parum,
Non meus est error: nocuit librarius illis.

Если покажется что тебѣ въ этихъ бумагахъ, читатель,
Или излишне темно, или латынью плохой,
То не мои тутъ грѣхи, а имъ повредилъ переписчикъ (II 8 [1—3]).

Опасаясь неточности этихъ переписчиковъ, онъ лично провѣрялъ каждую страницу—calamo manuque nostra (VII 11[1]), исправляя собственноручно могущія встрѣтиться въ его книгахъ ошибки, и отсылалъ ихъ по назначенію только auctoris calamo sui notatos (VII 17 [7]).

Слѣдующею за симъ заботою Марціала было ревниво охранять свои произведенія отъ всякихъ поддѣлокъ; отъ нихъ и отъ плагіаторовъ не перестаетъ онъ остерегать своихъ читателей и искать защиты у друзей (I 52, 53, X 3, 100). О добросовѣстности Марціала, какъ литературнаго дѣятеля, свидѣтельствуетъ также то, что онъ не только не избѣгалъ и не страшился критики, но, напротивъ, искалъ ее у своихъ образованныхъ чита-

телей и всегда съ благодарностью ее принималъ (IV 10, 86, V 80, VI 1). Не довольствуясь полученнымъ въ школѣ образованіемъ, онъ постоянно заботится о расширеніи его, посѣщая для этого общественныя библіотеки *) и старательно изучая древніе образцы, читая не только Катулла, котораго онъ столь высоко цѣнилъ (V 5, VII 99, X 78) и которому такъ много и часто подражалъ †), но и Овидія, заимствованія котораго разбросаны по всѣмъ книгамъ ‡), Вергилія **), Тибулла и Проперція ††), а въ особенности Горація ‡‡), вліяніе котораго проглядываетъ въ столькихъ стихотвореніяхъ; между прочимъ очевидно, что Марціалъ читалъ его посланіе къ Пизонамъ и подчинялся содержащимся въ немъ правиламъ. Греческіе авторы — Гомеръ, Платонъ, Каллимахъ и другіе изучались имъ въ подлинникахъ *†), что свидѣтельствуется частыми и всегда точными выдержками изъ ихъ твореній, встрѣчающимися въ эпиграммахъ.

Только такимъ усидчивымъ трудомъ, такою постоянною работой надъ самимъ собою могъ Марціалъ, не получившій отъ природы поэтическаго дара, отмѣченнаго печатью геніальности †‡), достигнуть того почетнаго мѣста, какое онъ занимаетъ среди

---

*) Публичныя библіотеки въ Римѣ, во время пребыванія Марціала, стояли на высокой степени развитія, такъ какъ Домиціанъ, не взирая на свое равнодушіе къ современнымъ литераторамъ, обращалъ на устройство и пополненіе библіотекъ особое вниманіе (Suet. Domit.).

†) Paukstadt, De Mart. Catulli imit. (pass.).

‡) Zingerle Martials Ovid-Studien (pass.). Wagner, De Mart. poetarum Aug. aetat. imit. p. 46 sq.

**) Wagner op. c. pp. 4—15.

††) Wagner op. c. pp. 26—35.

‡‡) Wagner op. c. pp. 17—25.

*†) См. II главу.

†‡) Это доказывается какъ многочисленными мѣстами его стихотвореній—въ особенности первыхъ имъ изданныхъ epigrammaton—столь плохими, что ревнивые къ его славѣ комментаторы Рутгерсъ и Скриверій даже сомнѣвались, чтобы они могли выйдти изъ-подъ его пера, такъ и явными ошибками противъ правильнаго латинскаго языка, вырывавшимися у него, какъ только онъ, побуждаемый къ этому обстоятельствами, начиналъ работать спѣшно, невнимательно, не прибѣгая къ столь полезнымъ для него liturae (I 3, IV 10, VII 17) и lima (V 80, X 2). Болѣе выдающіяся ошибки приводятся Фридлендеромъ t. I p. 20 и Гильбертомъ въ Quaest. critic. pp. 3—4.

писателей уже начинавшагося тогда періода упадка римской литературы, и оставаться въ такъ называемомъ серебряномъ ея вѣкѣ вѣрнымъ послѣдователемъ преданій и образцовъ золотого вѣка Августовской эпохи.

Въ отличіе отъ современныхъ ему поэтовъ и ближайшихъ предшественниковъ, у которыхъ риторство часто заглушало истинную поэзію, съ трудомъ пробивавшуюся изъ оковъ, налагаемыхъ на нее тяжеловѣсною школою грамматиковъ и педантизмомъ стилистическихъ и ораторскихъ упражненій риторовъ, Марціалъ стремился прежде всего быть яснымъ и при этомъ краткимъ *); благоговѣя передъ поэтами времени Августа, онъ избѣгалъ ходульности темъ, архаизмовъ и напыщенности выраженій, царившихъ подъ авторитетомъ громкихъ именъ римской литературы—эпохи, смѣнившей Августовскую:

Colchida quid scribis, quid scribis, amice, Thyesten?
Quo tibi vel Nioben, Basse, vel Andromachen?

Что о Колхидянкѣ, другъ, пишешь, и что о Тіестѣ?
Бассъ, Ніобея тебѣ иль Андромаха на что? (V 53 1—2).

спрашиваетъ онъ у Басса, увлекающагося модными сюжетами, и предостерегаетъ отъ подобныхъ стихотворцевъ читателя:

Quid te vana iuvant miserae ludibria chartae?
Hoc lege, quod possit dicere vita „Meum est".
Non hic centauros, non Gorgonas Harpyiasque
Invenies: hominem pagina nostra sapit.

Что за отрада въ игрѣ пустой печальныхъ писаній?
То читай, о чемъ жизнь можетъ сказать: „Вотъ мое".
Ни Центавровъ ты здѣсь, ни Горгонъ не отыщешь, ни Гарпій,
А человѣкомъ разитъ только страница моя (X 4 7—10).

Жестоко издѣвается онъ надъ поэтами, считающими достойными своей лиры только:

. . . . . prandia saevi
Tereos, aut cenam, crude Thyesta, tuam

. . . . . про завтракъ Терея
Яраго, или про твой ужинъ ужасный, Тіестъ (IV 49 3—4).

---

*) II 8, 77, VIII 3, IX 50.

и смѣется надъ архаикомъ Секстомъ:

Scribere te quae vix intellegat ipse Modestus
Et vix Claranus *), quid rogo, Sexte iuvat?

Такъ писать, чтобы самъ Модестъ едва разобрать могъ,
Или Кларанъ, ты скажи, Секстъ, что за польза тебѣ? (X 21 1—2).

Самъ онъ гордится тѣмъ, что:

A nostris procul est omnis vesica libellis,
Musa nec insano syrmate nostra tumet.

Всякихъ надутостей мы въ своихъ чуждаемся книжкахъ.
Муза у насъ не чванна яркой хламидой своей (IV 49 7—8).

При всемъ постоянномъ стремленіи быть не только краткимъ, но и въ особенности яснымъ и понятнымъ, надобно все-таки полагать, что большою массой читавшихъ его современниковъ Марціалъ былъ мало оцѣненъ въ томъ, что̀ у него есть лучшаго; постигать и восхищаться тонкой игрою словъ и изящнымъ умомъ не есть удѣлъ каждаго—non cuicumque datum est habere nasum (I 41[18]), не всѣмъ дана illa iudiciorum subtilitas, которой онъ требовалъ отъ читателей (XII Praef.); и если, не смотря на это, онъ пользовался среди нхъ огромной популярностью при жизни и еще долго послѣ своей смерти, то это было не столько благодаря его блестящимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ часто глубокимъ мыслямъ, почти всегда изложеннымъ въ необыкновенно сжатой, безукоризненной формѣ латинскаго стиха, Марціаломъ наиболѣе освобожденнаго отъ слѣпого подражанія греческимъ образцамъ, сколько благодаря тѣмъ непригляднымъ сторонамъ его произведеній—цинизму, ужасающему разврату картинъ и описаній, вызывающихъ порою справедливое негодованіе въ наше время. Самъ Марціалъ, сознавая, какъ у него luxuria pagina nulla vacat (III 69 4), считалъ себя обязаннымъ прінскивать себѣ извиненія въ примѣрахъ своихъ предшественниковъ на эпиграмматическомъ поприщѣ — sic scribit Catullus,

*) Модестъ и Кларанъ извѣстные грамматики временъ Домиціана (Teuffel R. L. G. pp. 282, 328).

sic Marsus, sic Pedo, sic Gaetulicus (I, Praef.)—и во вкусахъ и требованіяхъ современнаго ему общества:

Lex haec carminibus data est iocosis,
Ne possint, nisi pruriant, iuvare

Этотъ самый законъ данъ пѣснямъ забавнымъ,
Если онѣ не зудятъ, не имѣть имъ успѣха (I 35 10—11).

а въ особенности въ контрастѣ, представляемомъ его жизнью съ его произведеніями:

Lasciva est nobis pagina, vita proba

Пусть шаловливы стихи, жизнь безупречна моя (I 4 8).

Mores non habet hic meos libellus *).

Нравы ничуть не мои въ этой вотъ книжкѣ (XI 15 14).

Между тѣмъ среди всей порнографической грязи у Марціала встрѣчается такъ много мѣстъ, проникнутыхъ глубокимъ философскимъ мышленіемъ и возвышеннымъ дидактизмомъ, какъ напримѣръ:

Extra fortunam est, si quid donatur amicis:
Quas dederis, solas semper habebis opes

Внѣ случайности лишь одно, что друзьямъ отдается:
Что отдашь, тѣмъ всегда будешь богатствомъ владѣть (V 42 7—8).

---

*) Мы, впрочемъ, вовсе не увѣрены, что чтеніе: Mores non habet hic *meos* libellus—правильное, хотя оно и принято всѣми новѣйшими издателями. Намъ кажется, что прежнее чтеніе editt. vett: Mores non habet hic *meus* libellus — имѣющее за себя авторитетъ *всѣхъ*, за исключеніемъ трехъ рукописей, основательнѣе и что оно болѣе соотвѣтствуетъ всему содержанію и общему смыслу XI 15. Только въ Палатинскомъ (P), Ганноверскомъ (h) и Лейденскомъ (Z) спискахъ встрѣчается чтеніе *meos*, за которое ухватились Скривеій, Дуза (Douza) и Гейнзій, имѣя главнымъ образомъ въ виду обѣлить по возможности Марціала отъ упрека въ развратной жизни. Z и h могутъ считаться почти копіями съ P: такъ мало представляютъ они противъ послѣдняго варіантовъ, а переписчикъ P, какъ заявляетъ Шнейдевинъ (Prolegom. LXXV, XCVII), былъ „homo religiosissimus“, который много „in textu et margine emendavit“; поэтому возможно допустить, что замѣна буквы *u* буквою *o*, совершенно измѣняющая смыслъ 13 ст. и превращающая его, въ судоговореніи о нравственности Марціала, изъ свидѣтеля обвиненія въ свидѣтеля защиты, есть одна изъ этихъ emendationum, примѣненная съ благою, по его понятіямъ, цѣлью этимъ librario homine religiosissimo.

Quod sis, esse velis nihilque malis;
Summum nec metuas diem nec optes

Чтобъ ты чѣмъ есть быть хотѣлъ, ничего не желая,
Чтобы послѣдняго дня ты ни боялся, ни звалъ бы (X 47 12—13).

Aestate pueri si valent, satis discunt.

Лѣтомъ коль мальчикъ здоровъ, вдосталь учился (X 62 12).

Ampliat aetatis spatium sibi vir bonus: hoc est
Vivere bis, vita posse priore frui

Добрый мужъ у себя бытія объемъ расширяетъ:
Дважды живешь, если жизнь можешь былую вкушать (X 23 7—8).

Quisquis plus iusto non sapit, ille sapit.

Кто не чрезмѣру мудритъ, тотъ то воистину мудръ (XIV 210 2).

Qui fingit sacros auro vel marmore vultus,
Non facit ille deos: qui rogat, ille facit

Кто изъ злата творитъ иль мрамора лики святые,
Не создастъ тотъ боговъ; молитъ кто,—тотъ создастъ (VIII 24 5—6).

Счастливо выраженныя правила житейской мудрости, изъ которыхъ многія перешли впослѣдствіи въ живущія и понынѣ пословицы, являются результатомъ тонкаго психологическаго анализа и облечены въ конкретную форму блестящихъ афоризмовъ, въ родѣ:

Ille dolet vere, qui sine teste dolet.

Тотъ правдиво груститъ, въ комъ безъ свидѣтелей грусть (I 33 4).

Calvo turpius est nihil comato.

Нѣтъ ничего гнуснѣй плѣшиваго въ космахъ (X 83 11).

Dantur opes nulli nunc nisi divitibus.

Нынѣ богатство даютъ только однимъ богачамъ (V 81 2).

Non bene olet, qui bene semper olet.

Нехорошо пахнетъ тотъ, пахнетъ кто вѣкъ хорошо (II 12 4).

Fortuna multis dat nimis, satis nulli.

Многимъ Фортуна даетъ лишнее, всыть никому (XII 10 2).

Qui sua metitur pondera, ferre potest.

Кто можетъ тяжесть свою взвѣсить, тотъ можетъ и снесть (XII 98 8).

Итакъ, Марціалъ былъ въ правѣ пророчески сказать о себѣ:

Et cum rupta situ Messalae saxa iacebunt
Altaque cum Licini marmora pulvis erunt,
Me tamen ora legent et secum plurimus hospes
Ad patrias sedes carmina nostra feret.

И какъ памятника Мессалы развалятся камни
И обратится уже мраморъ Лициния во прахъ,
Все меня будутъ читать, и чужеземецъ нерѣдко
Въ свой отеческій край пѣсни мои унесетъ (VIII 3 5—8).

Pigra per hunc fugies ingratae flumina Lethes
Et meliore tui parte superstes eris.
Marmora Messalae findit capricus, et audax
Dimidios Crispi *) mulio ridet equos:
At chartis nec fata nocent et saecula prosunt,
Solaque non norunt haec monumenta mori

Черезъ него избѣжишь теченья лѣниваго Леты
И останешься жить лучшею частью твоей.
Корень смоковницы рветъ мраморъ Мессалы, и дерзкій
Надъ изъяномъ коней Криспа погонщикъ трунитъ
А письменамъ ни судьбы не вредятъ и вѣка имъ на пользу,
Этимъ однимъ не дано памятникамъ умереть (X 2 7—12).

Sic inter veteres legar poetas,
Nec multos mihi praeferas priores.

Такъ средь поэтовъ меня бъ древнихъ читали,
И предпочелъ бы ты мнѣ мало изъ прежнихъ (X 78 14—15).

Слова его сбылись: его усердно изучаютъ и по сіе время на западѣ, много читали даже въ средніе вѣка, читали сухіе схоластики, щепетильные казуисты, верховные первосвященники Римской Церкви, а впослѣдствіи съ увлеченіемъ комментировали и издавали сыны Игнатія Лойолы, трудамъ которыхъ—Домиціи Кальдерина, Турнеба, Фарнабія и Колессо мы обязаны лучшими, по времени, изданіями и комментаріями твореній Марціала.

Не взирая на его скабрезность (которая, впрочемъ, въ численномъ отношеніи не очень велика, — такъ какъ изъ 1172

*) Марціалъ имѣетъ въ виду великолѣпные надгробные памятники Валерія Мессалы Корвина и Пассіена Криспа. Памятникъ послѣдняго, вѣроятно, былъ украшенъ квадригою (Friedländ. t. II, pp. 3, 109).

эпиграммъ первыхъ 12 книгъ въ изданіи in usum Delphini 1701 г. Колессо устраняетъ только 150), Марціалъ, быть можетъ, заслуживаетъ болѣе широкаго распространенія и внимательнаго изученія, чѣмъ какое ему выпало на долю у насъ въ Россіи. Англичане, нація, которая извлекаетъ наиболѣе пользы отъ образованія, построеннаго почти исключительно на классической основѣ, не пренебрегаютъ Марціаломъ даже для школьнаго дѣла. Избранныя эпиграммы рекомендуются для чтенія и учебныхъ занятій мальчиковъ отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ даже такимъ извѣстнымъ педагогомъ, какъ Морганъ; въ предисловіи къ своему 2-му изданію Selections from Martial 1888 г. онъ говоритъ: „Латынь Марціала безупречна, его слогъ сжатъ и ясенъ, и его эпиграммы—превосходные образцы для упражненій въ латинскомъ стихосложеніи. Онъ переполненъ подробностями ежедневнаго обихода римской жизни, и изученіе этой книги (Selections) окажется большимъ подспорьемъ для одолѣнія впослѣдствіи Горація и Ювенала“ *). Въ такомъ же смыслѣ выражаются о Марціалѣ Пэлей и Стонъ въ предисловіи къ школьному изданію его эпиграммъ; они прямо заявляютъ что ихъ цѣль: упрочить Марціалу мѣсто въ ряду римскихъ поэтовъ, изучаемыхъ въ нашихъ школахъ. (Select epigrams from Martial. by Paley and Stone 1888, p. VI).

Для объясненія этого кажущагося увлеченія слѣдуетъ имѣть въ виду, что слава никогда и никѣмъ не превзойденнаго эпиграмматиста, имя котораго содѣлалось вѣками какъ бы principium essendi и вмѣстѣ съ этимъ cognoscendi эпиграммы, далеко не исчерпываетъ литературнаго значенія Марціала; весьма многочисленны его эпиграммы, подходящія совершенно къ роду идиллій †) (Феокрита), и никто изъ поэтовъ временъ имперіи, за исключеніемъ Тибулла ‡), не превозносилъ болѣе Марціала прелести сельской жизни, противополагая ее городской; другія его стихотворенія только по названію эпиграммы, по содержа-

*) Котораго у насъ, къ сожалѣнію, также мало изучаютъ не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ.

†) I 49, 55, III 58, IV 64, IX 61, X 30.

‡) Bernhardy. Gesch. d. Röm Lit. p. 515.

нію же, а нѣкоторыя даже по размѣрамъ, они вполнѣ представляютъ изъ себя короткія сатиры *); на поприщѣ элегіи, въ современномъ намъ значеніи этой отрасли поэзіи, Марціалъ является однимъ изъ лучшихъ корифеевъ, почти выдерживающимъ сравненіе съ Проперціемъ: его пенін на смерть Эротіоны (V 34, 37), Алцима (I 88), Руфа (VI 85), Канаки (XI 91) и многія другія могутъ служить образцами этого рода.

Римлянинъ бездушнаго I вѣка, хранившаго въ отношеніи прекраснаго пола, по наружности по крайней мѣрѣ, horridum maritale supercilium (Valer. Max. VI 3, 10 — 12) своихъ суровыхъ предковъ, но въ дѣйствительности совершенно поднавшаго подъ вліяніе женщинъ, стоявшихъ среди общаго нравственнаго разложенія все-таки выше своихъ мужей, такъ какъ многія изъ нихъ уже являются носительницами христіанскихъ идеаловъ—дѣвственницы, супруги и матери, Марціалъ умѣетъ цѣломудренно склонить свой вакхическій стихъ къ ногамъ женщины, не какъ преклоненіе передъ ея физической красотою, не въ формѣ страстной эротической мольбы, какъ у Тибулла, Катулла или Проперція, а какъ непритворную, восторженную дань чистаго уваженія передъ ея нравственными качествами, какъ возвышенный гимнъ ея духовной красотѣ: развѣ не этимъ звучатъ его обращенія къ памяти Порціи, достойной подруги Брута (I 42), Арріи, геройской супруги Тразея (I 13), его восторженная ода въ Сульпиціи, этой соперницѣ Сапфо:

Hac condiscipula vel hac magistra
Esses doctior et pudica, Sappho:
Sed tecum pariter simulque visam
Durus Sulpiciam Phaon amaret.
Frustra: namque ea nec Tonantis uxor
Nec Bacchi nec Apollinis puella
Erepto sibi viveret Caleno,

Будь наставницей та твоей иль подругой,
Ты бы ученѣй была и стыдливѣе, Сапфо:
Но увидавши съ тобой Сульпицію рядомъ,
Непреклонный ее Фаонъ полюбилъ бы.

---

*) I 41, II 14, III 82, 93, VI 64, VII 20, XI 56.

Тщетно: затѣмъ, что она ни женой Громовержца,
Ни Аполлоновою, ни Вакховой дѣвой,
Еслибъ Калена отнять, жить бы не стала (X 35 [15–21]);

его хвалебный гимнъ Марцеллѣ:

Tam rarum, tam dulce sapis: Palatia dicent,
Audierint si te vel semel, esse suam;
. . . . . .
Nec cito ridebit peregrini gloria partus,
Romanam deceat quam magis esse nurum.
Tu desiderium dominae mihi mitius urbis
Esse iubes: Romam tu mihi sola facis.

Такъ особенно ты и нѣжно умна: Палатинъ бы,
Разъ услыхавши тебя, тотчасъ назвалъ бы своей.
. . . . . .
И улыбнется дитя чужестранное въ славѣ не скоро,
Коему болѣе къ шло Римскою женщиной быть.
Ты заставляешь во мнѣ стремленье къ владычной столицѣ
Умаляться: одна цѣлый ты Римъ для меня (XII 21 [3–4; 7–10]);

его эпиоаламій двумъ Клавдіямъ — Перегринѣ, *) которой онъ желаетъ:

Diligat illa senem quondam, sed et ipsa marito
Tum quoque, cum fuerit, non videatur anus,

Стараго нѣкогда пусть она любитъ, и мужу въ то время
Старой не кажется пусть, хоть ужъ и станетъ стара (IV 13 [9–16]);

и Руфинѣ, уроженкѣ Британіи—которую

Romanam credere matres
Italides possunt, Atthides esse suam.
Di bene, quod sancto peperit fecunda marito,
Quod sperat generos quodque puella nurus.
Sic placeat superis, ut coniuge audeat uno
Et semper natis gaudeat illa tribus.

. . . . . Итальянскія матери видѣть
Въ ней бы Римлянку могли, Аттика счесть за свою.
Дали бъ ей боги родить благородному мужу обильно,
Чтобъ молодой ждать зятьевъ да и невѣстокъ себѣ.

*) Англичане Пэлей и Стефенсонъ хотятъ видѣть землячку въ этой Клавдіи и поэтому допускаютъ ея тождественность съ Руфиной XI 53. Еще менѣе правдоподобно предположеніе нѣкоторыхъ коммептаторовъ (см. Paley p. 108), что это та самая Клавдія, которую упоминаетъ Апостолъ Павелъ въ II посл. къ Тимоѳею, гл. 4.

Воля всевышнихъ да будь однимъ веселиться сй мужемъ
И на радость себѣ трехъ сохранять сй дѣтей (XI 53 3—8).

Многія изъ стихотвореній Марціала, бывшаго современникомъ Домиціана и еще помнившаго Нерона, опережаютъ вѣка и кажутся мадригалами французской школы XVI и XVIII столѣтій, достойными Маро, Ронсара и Вольтера, какъ напримѣръ:

Arctoa de gente comam tibi, Lesbia, misi,
Ut scires, quanto sit tua flava magis,

Люда Арктійскаго я волоса тебѣ, Лезбія, выслалъ,
Чтобы ты знала, въ какой мѣрѣ свѣтлѣе твои (V 68).

Intactas quare mittis mihi, Polla, coronas?
A te vexatas malo tenere rosas.

Что нетронутые вѣнки посылаешь мнѣ, Полла?
Смятыя розы тобой предпочитаю я въ даръ (XI 89).

Но, помимо эпиграммы, элегіи, неніи, сатиры, оды, эпиоаламіи и даже мадригала, у Марціала—этого Протея лирики—остается еще одна сторона таланта, быть можетъ самая рѣшающая для опредѣленія того выдающагося мѣста, которое ему подобаетъ въ ряду классиковъ, изученіе которыхъ необходимо для уразумѣнія древняго міра, столь различнаго по своимъ проявленіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по вѣчнымъ началамъ красоты и мышленія, въ немъ родившимся и въ немъ уже достигшимъ полнаго развитія,—міра, столь близкаго къ нашему, продолжающему почерпать въ немъ свои художественные идеалы, свои поэтическіе образцы: сторона эта—безсознательное бытописаніе, которое даетъ Марціалу полное право вмѣстѣ съ Ювеналомъ занимать среди римскихъ поэтовъ первенствующее мѣсто поэтовъ-историковъ. Безъ этихъ двухъ геніальныхъ наблюдателей для насъ не было бы ясной картины римской жизни эпохи кесарей, и большая часть археологическихъ открытій, которыми такъ богата вторая половина отходящаго вѣка, оставалась бы для филологовъ неразрѣшимою загадкою, тогда какъ теперь они, такъ сказать, служатъ иллюстраціями къ твореніямъ этихъ двухъ великихъ жанристовъ стиха.

Въ этомъ отношеніи Марціалъ стоитъ еще выше Ювенала; не увлекаясь риторствомъ послѣдняго, не выводя никакихъ за-

ключеній изъ видѣнныхъ и нередаваемыхъ имъ картинъ римской жизни и не задаваясь вовсе мыслью исправить своими твореніями современное ему общество, онъ сосредоточилъ всѣ свои силы для точнаго его изображенія, порицая иногда, осмѣивая всегда не дурныя и порочныя стороны этого общества, а только отдѣльныхъ болѣе выдающихся представителей необузданныхъ страстей, грязныхъ пороковъ, чудовищныхъ извращеній человѣческаго ума и сердца, характеризующихъ эту эпоху. Именно вслѣдствіе этого сосредоточенія таланта Марціала на описательномъ элементѣ, его многообразныя картины быта Рима кесарей, сохранившіяся для насъ въ его многочисленныхъ эпиграммахъ, отличаются необыкновенной точностью и замѣчательной законченностью въ отдѣлкѣ частностей и подробностей.

Онъ все видѣлъ и все описалъ: блюда и обстановку богатаго пира и убогаго угощенія, нарядъ щеголя и убранство гетеры, тайны римскихъ термъ и сналенъ, роскошь городскихъ дворцовъ и загородныхъ дачъ, всѣ прельщенія и развратъ театровъ и цирка, вакханаліи Субурры и ужасы Колизея и вмѣстѣ съ тѣмъ—такова обаятельная сила его дарованія — заставляетъ еще насъ, послѣ восемнадцати столѣтій, грустить съ нимъ надъ смертью рабыни-малютки и сочувствовать отцу, льющему слезы надъ могилой безвременно похищенной дочери.

ГЛАВА V.

Пребываніе въ Эмиліи. Изданіе III книги.

Марціалъ провелъ въ Римѣ ровно тридцать четыре года; это неоспоримо доказывается многими его эпиграммами:

Quattuor accessit tricesima messibus aestas,
Ut sine me Cereri rustica liba datis.

Тридцать четыре жнитва миновало за лѣтней порою,
Что безъ меня вы блиновъ сельскихъ Церерѣ несли (X 103 7—8).

. . . . . et ante brumas
Triginta mihi quattuorque visos.

Чтобы немногимъ друзьямъ, только старинымъ,
Тридцать четыре зимы видѣннымъ прежде (X 104 9—10).

Munera sunt dominae: post septima lustra reverso *).

Это дары госпожи на седьмой мнѣ люстръ возвращенья (XII 31 7).

Triginta mihi quattuorque messes
Tecum, si memini, fuere, Iuli.

Тридцать четыре уже съ тобою я жатвы
Пережилъ, ежели мнѣ такъ помнится, Юлій (XII 34 1–2).

Въ продолженіе всего этого времени только одна эпоха можетъ быть съ нѣкоторою приблизительною точностью опредѣлена; это та, которая соотвѣтствуетъ довольно продолжительному отсутствію Марціала изъ Рима, совпадающему съ изданіемъ его III книги †), то-есть въ 87 или 88 году.

---

*) Разницу въ одномъ годѣ, прибавленномъ въ этой эпиграммѣ, противъ 34 лѣтъ въ трехъ остальныхъ—Фридлендеръ объясняетъ (T. II, p. 164) тѣмъ, что Марціалъ, какъ видно изъ X 104 2, готовился отплыть по морю *faventis undae*, то-есть, въ такое время года, которое считалось древними самымъ благопріятнымъ для морскихъ путешествій: съ 5-го марта по 11-е ноября; до этого времени было снято 34 жатвы, а 35-я, пополняющая седьмой lustrum, была снята послѣ того, какъ Марціалъ оставилъ Римъ.

†) Мы не рѣшаемся нарушить хронологію появленія книгъ Марціала, выработанную такими спеціалистами по этому вопросу, какъ Фридлендеръ, Стоббе и Гиршфельдъ, выводы которыхъ представляютъ между собою самую малую

Но и эти годы опредѣляются довольно гадательно, такъ какъ во всей III книгѣ нѣтъ указанія на какое-нибудь историческое событіе, время котораго было бы вполнѣ опредѣлено. Эдиктъ Домиціана о распредѣленіи мѣстъ въ театрахъ по рангамъ (III 95) не можетъ быть пріуроченъ къ какому-нибудь опредѣленному году; изъ Свѣтонія (Suet. Dom. 8) можно только заклю-

---

разницу,—и слѣдуемъ оной, хотя въ послѣднее время начинаютъ возникать самыя серіозныя сомнѣнія въ точности ихъ хронологическихъ датъ; такъ напримѣръ, Риббекъ (Ribbek Gesch. de röm as Dichtung t. II p. 349) опредѣляетъ время выхода XIV книги только въ 90—92 годахъ, вмѣсто 84—85, которые установлены, какъ время ея изданія Фридлендеромъ и вышеназванными учеными. Въ отношеніи III книги мы принимаемъ установленную ими хронологію; однако дѣлаемъ это non sine dubio, такъ какъ главнѣйшій ихъ аргументъ для опредѣленія времени ея изданія заключается въ предположеніи, что III книга несомнѣнно вышла ранѣе IV-й, и что эта послѣдняя, въ которой говорится о возстаніи Сатурнина, не могла выйти ранѣе 89 года, когда, по ихъ мнѣнію, основанному преимущественно на авторитетѣ Моммсена (*Momms.* R. G. V. 137) и Бергка (*Bergk,* Rheinl. Jahrb. VIII. 1876) — должно было быть означенное возстаніе. Мы же, слѣдуя въ этомъ вопросѣ выводамъ: Клинтона (Clinton Fasti Rom. I, p. 77—88), Тейфеля и Haakh (R. E. P. I, p. 1191), Гальберштадта (*Halberstadt,* Disput. de Imp. Domit. morib. et rebus. 1877, p. 92—97), Дюрюи (*Duruy,* Hist. d. Rom. IV, p. 225), Мерривала (*Merrival,* Rom. Hist.—въ нѣмецкомъ переводѣ—IV. LXI, p. 243 sq.), Имгофа (*Imhof,* Kais. Domit., p. 66), Кревье (*Crevier,* Hist. des Emp. Rom. VII, p. 128)—склонны скорѣе думать, что это возстаніе было гораздо позднѣе, именно въ 92—93 годахъ (у Клинтона 91); подтвержденіе нашему мнѣнію мы находимъ въ Аврелія Викторѣ (Victor Aurel. Epit. Cap. XI).—слова котораго: (Anton. Saturn.) per Norbanum Appium acie strato, Domitianus longe tetrior, in omne hominum genus etiam in suos, ferarum more grassabatur,—указываютъ на перемѣну къ худшему въ Домиціанѣ, происшедшую въ 93 году, когда началось гоненіе на философовъ и на всѣ чѣмъ-либо выдающіяся личности въ Римѣ; такая перемѣна должна была наступить немедленно по подавленіи мятежа Норбаномъ, такъ какъ послѣдній, уничтоживъ всѣ бумаги Сатурнина (Dio, 67, 11), поставилъ Домиціана въ полную неизвѣстность, кто именно были его враги и единомышленники Сатурнина въ Римѣ; вслѣдствіе этого Домиціанъ, не зная, на комъ остановить свой гнѣвъ, сталъ подозрѣвать и преслѣдовать всѣхъ. Кровожадный деспотъ врядъ ли на цѣлыхъ три года отложилъ бы удовлетвореніе своихъ мстительныхъ инстинктовъ съ того момента, какъ они были возбуждены возстаніемъ одного изъ самыхъ приближенныхъ его легатовъ, вѣроятно соучастника его оргій. Аврелій Викторъ повѣствуетъ, что причина возстанія Антонина была: qua se scortum vocari dolebat (Sex. Aur. Vict Epit. 12).

Но намъ кажется, что если даже брать для опредѣленія этого возстанія только эпиграммы Марціала и хронологію ихъ согласно Фридлендеру и Стоббе,

чить, что это было въ началѣ царствованія Домиціана; точно также неизвѣстно, когда былъ изданъ эдиктъ, возобновившій выдачу спортулы натурою, а не деньгами (Suet. Dom. 7),— эдиктъ, на который намекаютъ III, 7, 14, 30. Въ виду этой неопредѣленности, а также и того обстоятельства, что у Марціала было обыкновеніе, общее многимъ римскимъ поэтамъ,

---

то и тогда можно утвердительно сказать, что возстаніе не могло быть ранѣе 93 года. Для этого надо только обратиться къ IX 84, гдѣ Марціалъ также говоритъ объ этомъ возстаніи, и примѣнить къ ней съ такою же увѣренностью, какъ къ IV 11 аксіому: событія, изображаемыя въ эпиграммахъ Марціала, находятся между собою въ той же хронологической связи, порядкѣ и послѣдовательности, въ какой стоятъ эпиграммы, ихъ изображающія, и самыя книги, въ которыхъ дошли до насъ эти эпиграммы. Дѣйствительно, примѣняя эту аксіому къ IV 11, нѣтъ никакой причины не допускать ее относительно IX 84. Но тѣми же учеными, которые только на основаніи IV 11 рѣшили, что возстаніе Сатурнина должно было имѣть мѣсто въ 89 году, опредѣлено, что изданіе IV книги было въ 94 году. Возстаніе Сатурнина, о которомъ говорится въ этой книгѣ, должно было быть одновременно съ сочиненіемъ 84-й эпиграммы IX-й книги. Это видно изъ 1—3 стих;,

Cum tua sacrilegos contra, Norbane, furores,
Staret pro domino Caesare sancta fides,
Haec ego Pieria ludebam tutus in umbra.

Конечно, ученые, признающіе вышеприведенную аксіому, относятъ, для поддержанія своего воззрѣнія, слова *bis trieteride* 9-го стиха къ шестилѣтнему отсутствію Норбана изъ Рима; но намъ кажется, что по меньшей мѣрѣ съ такимъ же правомъ можно отнести *bis trieteride* къ шестилѣтней дѣятельности Марціала, результатъ которой онъ подноситъ нынѣ при этой эпиграммѣ (haec 3 ст.) Норбану. Годъ разницы между 93 годомъ — временемъ возстанія по нашимъ вычисленіямъ—и 94 годомъ—годомъ изданія книги—объясняется тѣмъ, что Норбанъ послѣ подавленія возстанія, вѣроятно оставался еще нѣкоторое время на берегахъ Рейна, театрѣ событія, куда Марціалъ и посылаетъ ему при посвященіи, заключающемся въ IX 84, IX книгу и произведенія своего пера за послѣднія шесть лѣтъ. Что же касается до перваго извѣстія объ этомъ возстаніи у Марціала въ IV 11, то мы полагаемъ, что эта эпиграмма должна быть отнесена къ такимъ, которыя по изслѣдованію Дау: posteriore tempore orta atque inter priorum librorum epigrammata posita sunt (*Dau*, p. 59). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Фридлендеръ, столь строго въ этомъ случаѣ придерживающійся аксіомы параллельности порядка событій съ порядкомъ эпиграммъ, самъ какъ будто заподозрѣваетъ непогрѣшимость этого метода, когда въ примѣчаніи къ IV 49 говоритъ: eine Mahnung zur Vorsicht bei der Benutzung von Aeusserungen der Autoren zu chronologischen Bestimmungen. Полагаемъ, что эта осторожность была бы не лишней и при хронологическомъ опредѣленіи IV 11.

издавать не болѣе одной книги въ годъ (Vix unus toto liber exeat anno X 70), а въ I и IV есть эпиграммы, указывающія на событія, хронологія которыхъ вполнѣ установлена, какъ напримѣръ, въ I—о цензурѣ (Innocuos censura potest permittere lusus I 4 [7]), слѣдовательно относящееся къ 85 году (Friedl. T. I, p. 55), а въ IV книгѣ эпиграмма 1-я указываетъ на празднованіе дня рожденія Домиціана въ 88 году (Friedl. T. I, p. 334), то, отдѣливъ 86 годъ на изданіе II книги, получимъ 87 годъ— какъ весьма вѣроятное время для изданія III книги; этотъ годъ указанъ и Фридлендеромъ, дошедшимъ до него однако совершенно другою аргументаціей (T. I, p. 55), основаніемъ которой принятъ тезисъ, что возстаніе Сатурнина было въ 89 г.,— положеніе, остающееся, какъ мы стараемся пояснить въ примѣчаніи, по меньшей мѣрѣ не доказаннымъ.

Причины, побудившія Марціала оставить Римъ на болѣе или менѣе продолжительное время, изложены имъ въ III 4^{5-8}:

> Cur absim, quaeret: breviter tu multa fatere:
> „Non poterat vanae taedia ferre togae".
> „Quando venit"? dicet: tu respondeto: „Poeta
> Exierat: veniet, cum citharoedus erit".
>
> Если спроситъ, зачѣмъ я ушелъ, отвѣчай покороче:
> „Переносить онъ не могъ тоги безплодной тоску".
> Спроситъ,—когда я вернусь? отвѣтить: „онъ вышелъ поэтомъ.
> А вернется, когда явится въ немъ китаредъ" (III 4^{5-8}).

Но если прослѣдить его предыдущія произведенія, видно, что недовольство римскою жизнью зародилось у него уже за годъ передъ тѣмъ, какъ онъ рѣшился на этотъ шагъ. Недовольство это было, быть можетъ, главнымъ образомъ основано на неполномъ удовлетвореніи чрезмѣрныхъ требованій, съ которыми онъ, упоенный успѣхами въ началѣ литературнаго поприща, считалъ себя въ правѣ обращаться къ обществу и въ особенности къ своимъ патронамъ. Въ I книгѣ, менѣе увѣренный въ себѣ, онъ не сознавалъ еще всей своей силы въ обществѣ, которое онъ не только забавлялъ, но и держалъ въ страхѣ передъ острымъ жаломъ своихъ эпиграммъ. Менѣе самонадѣянный и болѣе скромный въ своихъ вожделѣніяхъ, поэтъ не проявляетъ такого не-

довольства римскою знатью и жизнью патроновъ, какое встрѣчается на каждой страницѣ II-й книги. Въ этой послѣдней онъ то жалуется на отвращеніе, внушаемое ему кліентскою службой, и высказываетъ желаніе избавиться отъ ея тяготы и насладиться полною свободой:

Vis fieri liber? mentiris, Maxime, non vis:
Sed fieri si vis, hac ratione potes.
. . . . . si mentis tanta potestas,
Liberior Partho vivere rege potes.

Хочешь свободнымъ ты стать? Но лжешь, Максимъ, ты не хочешь:
Ежели хочешь имъ стать, можешь съ условіемъ такимъ:
. . . . . .
Если есть сила на то и властенъ ты такъ надъ душою,
Можешь свободнѣе жить ты и владыки Парѳянъ (II 53 1—2; 9—10).

Esse sat est servum, iam nolo vicarius esse.
Qui rex est, regem, Maxime, non habeat.

Быть довольно слугой, намѣстникомъ быть не хочу я.
У царя, о Максимъ, быть ужь не должно царя (II 18 7—8).

Reges et dominos habere debet,
Qui se non habet atque concupiscit,
Quod reges dominique concupiscunt.

Быть у того подобаетъ царямъ и владыкамъ,
Кто не владѣетъ собою и зависть питаетъ
Ко всему, что царямъ и владыкамъ завидно (II 68 5—7);

то сѣтуетъ на неблагодарность и слабодушіе друзей и скупость патроновъ:

Non bene, crede mihi, servo servitur amico:
Sit liber, dominus qui volet esse meus.

Вѣрь мнѣ, нехорошо служить служащему другу;
Будь свободенъ, кто стать хочетъ владыкой моимъ (II 32 7—8).

Ex opibus tantis veteri fidoque sodali
Das nihil et dicis, Candide, κοινὰ φίλων?

Ничего изъ богатствъ старинному вѣрному другу
Ты, Кандитъ, не даешь, а твердишь все (II 43 15—16):

Durum est, Sexte, negare, cum rogaris,
Quanto durius, antequam rogeris!

Тяжело отказать, о Секстъ, когда у насъ просятъ,
Но гораздо того тяжелѣе до просьбы (II 44 11—12),

или на докучную назойливость пріятелей и лицемѣріе расточаемыхъ ими поцѣлуевъ: II 10. 21, 22. 38. Въ этихъ и многихъ другихъ мѣстахъ II книги передъ нами человѣкъ раздраженный, недовольный всѣмъ и всѣми и поэтому стремящійся уйти куда бы то ни было отъ окружающей его среды; а между тѣмъ Марціалъ былъ уже въ то время трибуномъ, пріобрѣлъ ius trium liberorum (II 92), владѣлъ своимъ Номентанскимъ помѣстьемъ (II, 38) и пользовался общею извѣстностью:

Toto notus in orbe Martialis (I 1²).

Но всего этого ему было мало: онъ искалъ бо̀льшаго и не нашелъ его. Вотъ, кажется, главная причина добровольнаго удаленія Марціала изъ недостаточно его цѣнившаго, по его мнѣнію, Рима въ Цисальпинскую *) Галлію, гдѣ у него, быть можетъ, также были родные: одинъ изъ самыхъ близкихъ его родичей—Валерій Флаккъ—былъ родомъ изъ Patavium (I 76²).

Этотъ годъ (87) Марціалъ провелъ въ различныхъ мѣстахъ какъ Циспаданской, такъ и Транспаданской Галліи и всего больше, вѣроятно, въ Forum Cornelii—мѣстѣ изданія III книги (III 4¹). Марціалъ, кромѣ того, бывалъ въ Равеннѣ, какъ видно изъ III 56, 57; въ Бононіи (Bononia, теперь Bologna): III 16, 59, 99, въ Мутинѣ (Mutina, теперь Modena): III 59; и хотя объ Альтинумѣ, между Падуей и Аквилеей, составлявшей, какъ кажется, предѣлъ его странствованій на сѣверѣ, онъ упоминаетъ только въ IV 25, однако несомнѣнно, что онъ посѣтилъ Альтинумъ въ 87 году, такъ какъ на другое какое-либо путешествіе его на сѣверъ Италіи нѣтъ никакихъ указаній †).

Надо полагать, что Марціалъ остался доволенъ своимъ пребываніемъ въ Цисальпинской Галліи, и что оно оставило въ немъ самыя пріятныя воспоминанія, такъ какъ много лѣтъ спустя онъ

*) Марціалъ называетъ ее Gallia togata (III 1⁵); но это былое народное названіе всей провинціи Galliae Cisalpinae, дѣлившейся на G. Transpadana и G. Cispadana; togatae назывались на народномъ языкѣ обѣ эти части, Decima и octava regiones, въ отличіе отъ Gallia braccata по ту сторону Альпъ (Baumstark. R. E. P. III 635).

†) Въ X 93 онъ выражаетъ только желаніе вновь посѣтить эти страны.

съ благодарностью вспоминаетъ о ней и даже выражаетъ желаніе провести тамъ свои послѣдніе дни:

Vos eritis nostrae requies portusque senectae,
Si iuris fuerint otia nostra sui.

Будьте пристанью вы и отдыхомъ старости нашей,
Если покой избирать станемъ по волѣ своей (IV $25^{7\ 8}$).

Онъ пріобрѣлъ тамъ не мало друзей, съ которыми, уѣзжая въ 99 году окончательно изъ Италіи, предполагалъ поѣхать проститься (X 93^{1-2}), не взирая на значительное разстояніе отъ Рима.

Между томомъ первыхъ двухъ книгъ и третьей — огромная разница: въ I-й — Марціалъ у всѣхъ заискиваетъ, всѣмъ льститъ, всѣмъ кланяется и этимъ достигаетъ желаемыхъ результатовъ; во II-й, возмечтавши о себѣ, онъ недоволенъ достигнутымъ, разыгрываетъ роль обиженнаго, обойденнаго, озлобленнаго, но все еще недостаточно обезпеченнаго, чтобы дать волю накипи злобы и неудовлетвореннаго мелкаго честолюбія. Въ III-й же книгѣ онъ является человѣкомъ, уже считающимъ себя вполнѣ обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи и поэтому позволяющимъ себѣ роскошь фрондерства; тутъ онъ рѣшается дать волю чувству негодованія противъ гордости, чванства, скупости патроновъ и порабощенія ими своихъ кліентовъ. Эпиграммы 12, 13, 21, 26, 30, 37, 49 немилосердно бичуютъ его вчерашнихъ идоловъ, низвергнутыхъ имъ съ пьедесталовъ. Живя въ Цисальпинской Галліи, вдали отъ Рима, вспоминая съ горечью, цѣною какихъ униженій, какого раболѣпства онъ завоевалъ себѣ въ этомъ Римѣ положеніе, которому многіе завидовали (III 95), онъ впервые и, быть можетъ, въ послѣдній разъ почувствовалъ себя независимымъ человѣкомъ, равноправнымъ съ гордыми dómini и régcs Рима: они ему болѣе не нужны, ихъ онъ болѣе не боится. Вотъ почему накипѣвшая противъ нихъ желчь никогда не изливалась такъ неудержимо, какъ въ эпиграммахъ этой книги; его теперь не заставятъ молчать убогою подачкой—

Centum miselli iam valete quadrantes,
Сто несчастныхъ теперь прощайте квадрантовъ (III 7^{1}).
Sportula quod non est, prosit: edamus idem
Благо подачки то нѣтъ, будемъ все то же мы ѣсть (III 60^{10}).

говоритъ онъ скаредному Поптику; его болѣе не ослѣпятъ выказываніемъ богатства и роскошною обстановкой:

Plus habuit Didymus, plus Philomelus habet.

Пуще богатъ былъ Дидимъ, пуще богатъ Филомелъ (III 31 [6]).

Haec animo magno credis te, Quinte, parare?
Falleris: haec animus, Quinte, pusillus emit.

Этимъ ли, Квинтъ, ты душой великой казаться мечтаешь?
Квинтъ, ты ошибся: душѣ мелкой все это скупать (III 62 [7–8]),

Его не заманятъ на пышные пиры, гдѣ онъ долженъ выслушивать хозяина или восхищаться плохими виршами:

Quod si non scombris scelerata poemata donas,
Cenabis solus iam, Ligurine, domi.

Если злодѣйскихъ своихъ стиховъ не сдашь ты макрелямъ,
Уже одинъ, Лигуринъ, ужинать будешь въ дому (III 50 [9–10]).

Nec volo boletos, ostrea nolo: tace.

Ни грибовъ не хочу, устрицъ не нужно,—молчи (III 45 [6]).

гордо бросаетъ онъ въ лицо амфитріону—пиитѣ; не ублаготворятъ его никакими денежными подарками: всѣ они кажутся ему малыми и недостойными его величія:

Tu magnus, quod das? immo ego, quod recipis.

Ты ли великъ, что даешь? Я ль, что пріемлешь ты вспять (III 40 [4]).

Вотъ съ какимъ высокомѣріемъ относится онъ къ лицамъ, полагавшимъ возможнымъ задобрить его, какъ бывало прежде, денежными, вѣроятно небольшими въ настоящемъ случаѣ, ter quinquagena (сестерція) подарками или ссудами въ надеждѣ на отдачу. Теперь о клиентской службѣ онъ и слышать не хочетъ:

Hoc per triginta merui, Fabiane, Decembres,
Ut sim tiro tuae semper amicitiae *)?

Въ тридцать уже Декабрей, Фабіанъ, заслужилъ ли я только,
Чтобъ новобранцемъ всегда дружбы остаться твоей? (III 36 [7–8]).

*) Мы не отдѣляемъ эту эпиграмму отъ прочихъ той-же книги, въ особенности потому, что она пропитана одинаковымъ духомъ; тѣмъ не менѣе совершенно согласны съ Дау, что она принадлежитъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ Марціала (Dau p. 68), и не можемъ согласиться съ Стефенсономъ, который, для соглашенія хронологіи книгъ и отдѣльныхъ эпиграммъ Марціала въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, съ triginta Decembres, рѣшается

надменно говоритъ онъ Фабіану, полагавшему возможнымъ обращаться съ нимъ попрежнему, и презрительно отвѣчаетъ Кандиду, требовавшему отъ него кліентскихъ услугъ:

Non eo, libertum sed tibi mitto meum.
Самъ нейду, своего шлю отпущенца тебѣ (III 46 [2]).

Свое презрѣніе къ столь недавно боготворимымъ имъ патронамъ онъ выражаетъ также подъ маской благодушныхъ совѣтовъ нищимъ счастья въ Римѣ провинціаламъ. Когда одинъ изъ нихъ, Секстъ, объявляетъ Марціалу, что надѣется достичь успѣха тѣмъ, что:

„Atria magna colam“,—

онъ съ насмѣшкой совѣтуетъ ему лучше casu vivere, такъ какъ:

Vix tres aut quattuor ista
Res aluit, pallet cetera turba fame.
„Буду въ преддверьяхъ вельможъ“. Это дѣло кормитъ едва ли
Трехъ или четырехъ; съ голоду блекнетъ толпа (III 38 [11—13]).

Вообще, вся книга можетъ считаться остроумнымъ и злымъ протестомъ кліенства противъ патроната. Какъ всѣ другія книги, она имѣетъ посвященіе, и Марціалъ разсылаетъ ее такъ же усердно, какъ и прочія свои произведенія, многочисленнымъ друзьямъ; но при этомъ нѣтъ и тѣни заискиванія, пресмыканья, намековъ на ожиданіе воздаянія за эти подношенія; онъ относится, какъ равный къ равнымъ, и если чего либо ожидаетъ отъ лицъ, такимъ образомъ имъ отличаемыхъ, такъ только ласковаго пріема, совѣтовъ и благихъ указаній (III 2, 5, 100).

Во всей III-й книгѣ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ домогательствъ, которыя въ столь разнообразныхъ формахъ и оттѣнкахъ, начиная отъ назойливой, тонкой лести выпрашиванья и до самаго нахальнаго, беззастѣнчиваго требованія, встрѣчаются во всѣхъ остальныхъ книгахъ. Въ ней Марціалъ является съ совершенно не присущими ему въ предыдущихъ и послѣдующихъ произведеніяхъ качествами: неподкупностью, самостоятельностью и стойкостью убѣжденій.

на предположеніе, что Марціалъ въ III 36 говоритъ не отъ своего имени (Stephenson p. 244). Въ виду упоминаемой въ 9 ст. знаменитой toga trita, столько разъ воспѣваемой Марціаломъ, мы увѣрены, что онъ говоритъ отъ своего лица.

ГЛАВА VI

Дома, въ которыхъ Марціалъ жилъ въ Римѣ, его дача и помѣстье.

Марціалъ, уѣзжая изъ Рима въ Эмилію, предполагалъ, что его отсутствіе будетъ продолжительно, и поэтому, какъ кажется, сдалъ квартиру, занимаемую имъ, какъ надобно заключить изъ Factus in hac ego sum iam regione senex *) (I 108 [4]), съ самаго своего прибытія въ Римъ. Квартира эта была въ VI регіонѣ—Alta semita на Квиринальскомъ холмѣ и находилась на юго-западномъ склонѣ, такъ какъ изъ его cenacula †) было видно Випсаніево лавровое насажденіе:

At mea Vipsanas spectant cenacula laurus
Мой же чуланъ съ чердака глядитъ на Випсанскіе лавры (I 108 [3]):

а это насажденіе было близъ Випсаніева портика, около Campus Agrippae въ VII регіонѣ — Via Lata ‡). Урочище, гдѣ находился этотъ домъ, называлось ad Pirum:

Longum est, si velit ad Pirum venire
Далеко коль дойти онъ захочетъ до Пира (I 117 [6]),

---

*) Римляне обыкновенно называли людей пожилыхъ, между 45 и 60 годами, senior; до 45 лѣтъ мужчина считался iuvenis и только послѣ 60 лѣтъ становится senex (Varro ap. Censor. de die natali 14). Но это былъ болѣе обычай, весьма, впрочемъ, укоренившійся, нежели обязательное правило; у Горація и Ливія мы часто встрѣчаемъ senes, не достигшихъ еще 60 лѣтъ. Марціалъ, видимо, не очень стѣснялся этимъ обычаемъ: такъ, въ XII 68[6], когда ему навѣрно уже перешло за 60 лѣтъ, онъ себя считаетъ еще только senior; въ стихѣ же 4-мъ, I 108 называетъ себя уже senex, тогда какъ могъ имѣть не болѣе 53 лѣтъ (даже принимая самый ранній годъ его рожденія, по Фридлендеру, 34-й по Р. Х., и самый поздній—годъ изданія I книги, по Стоббе—87-й).

†) Cenacula — верхній этажъ дома, къ которому вела особая лѣстница (Gilbert, Top. III p. 51). Въ немъ находились обыкновенно дешевыя квартиры, населенныя бѣднымъ классомъ—Rarus venit in cenacula miles (Iuv. X 18).

‡) Портикъ Vipsania (по сестрѣ Агриппы Vipsania Polla: Lanciani Anc. Rome 2 p. 94, 98) граничилъ съ одной стороны, вѣроятно восточной, съ Campus Agrippae.

и имя это сохранилось на Квириналѣ до среднихъ вѣковъ. (Friedl. 1. I., p. 234). Судя по I 86[2]: de nostris Novius potest (tangi) fenestris, видно, что рядомъ или насупротивъ былъ домъ хорошаго пріятеля Марціала Новія, отмѣннаго игрока въ шашки ludus latrunculorum (VII 72) *). На основаніи указанія этихъ двухъ видовъ изъ оконъ Марціала: 1) на лавры Випсаніева портика (I 108[3]) и 2) на домъ Новія (I 86[2]) слѣдуетъ заключить, что домъ этотъ былъ угольный, съ двумя различными изъ него видами, какъ домъ Вибія Максима на улицѣ Vicus Patricius (VII 73).

Только спустя по крайней мѣрѣ годъ послѣ возвращенія своего изъ Цисальпинской Галліи, около 89 года Марціалъ опять упоминаетъ о своей квартирѣ, также довольно обстоятельно указывая на мѣстность, въ которой она находилась, именно около pila Tiburtina:

Sed Tiburtinae sum proximus accola pilae
Но Тибуртинскаго я столба ближайшимъ сосѣдомъ (V 22 [2]) †).

Онъ говоритъ, что отсюда былъ виденъ древній храмъ Юпитера ‡) и храмъ сельской Флоры — qua videt antiquum rustica Flora Iovem **) (V 22[4]).

Bis vicine Nepos—nam tu quoque proxima Florae Incolis
Дважды ты, Непотъ, сосѣдъ—вѣдь ты же по близости Флоры
Проживаешь..... (VI 27 [1—2]).

Этимъ самымъ онъ указываетъ, что хотя домъ этотъ нахо-

*) Послѣднія раскопки въ Римѣ позволяютъ предполагать, что этотъ Новій былъ Novius Clemens, и подтверждаютъ указанія Марціала, гдѣ находился домъ, въ которомъ онъ жилъ въ первое время своего пребыванія въ Римѣ. Въ 1876 году былъ найденъ въ мѣстности VI регіона, вблизи отъ юго-западнаго склона Квиринальскаго холма обломокъ водопроводной трубы съ надписью; L. Novi Clementis; можно думать, что тамъ и былъ домъ пріятеля Марціала, а въ недальнемъ разстояніи отъ него, на самомъ откосѣ Квиринала — жилище поэта (Lanciani Aqued. et Rom Atti. de Linc. IV p. 434).

†) Pila—колонна, столбъ (Vitruv. Horat.), воздвигнутый на какомъ-нибудь перекресткѣ (compitum) двухъ улицъ. У Катулла встрѣчается pila въ смыслѣ—taberna—харчевня (Catull. 37 [2]).

‡) Этотъ храмъ—тотъ же Capitolium Vetus (Richter, p. 182).

**) Храмъ этотъ былъ на восточномъ склонѣ Квиринала (Gilb. Top. III p. 245).

дился также на Квиринале, но былъ нѣсколько восточнѣе отъ урочища ad Pirum, откуда эти два храма врядъ ли могли быть видны. Кромѣ этихъ указаній, имѣется еще одно, весьма важное, въ V 64, устраняющее всякую возможность смѣшивать домъ, названный въ I 108, 117, съ домомъ въ V 22, 64. Пиръ, о которомъ говорится въ V 64, несомнѣнно происходитъ у Марціала: имена его рабовъ Алцима и Каллиста, повторяющіяся въ I 88 и въ VIII 67, не позволяютъ въ этомъ сомнѣваться. Находясь въ V книгѣ, этотъ фактъ долженъ быть отнесенъ ко времени, слѣдующему за возвращеніемъ Марціала изъ Цисальпинской Галліи, и пиръ поэтому долженъ былъ происходить въ домѣ, обозначенномъ въ V 22 и VI 27. Вмѣстѣ съ тѣмъ 5 ст. V 64: Tam vicina iubent nos vivere Mausolea опредѣляетъ ясно, что это было около templum gentis Flaviae, который служилъ тогда мавзолеемъ династіи Флавіевъ (Becker Top. I. 586); мѣстность же этого храма въ настоящее время почти въ точности опредѣлена Lanciani на основаніи послѣднихъ раскопокъ въ Римѣ *) и надписей (C. I. L. VI 1334) и должна находиться неподалеку отъ нынѣ существующей церкви Sta Susanna. Стоитъ взглянуть на карту древняго Рима, съ показаніемъ на ней современныхъ улицъ и зданій, чтобы убѣдиться въ томъ, что изъ мѣстности, гдѣ стоитъ церковь Св. Сусанны, видъ и притомъ близкій (spectant I 108[3])—на Campus Agrippae на Марсовомъ полѣ невозможенъ. Поэтому мы не сомнѣваемся, что домъ, указанный въ I 108 и 117, находившійся въ урочищѣ ad Pirum съ видомъ на Виписаніевъ портикъ, долженъ быть отличаемъ отъ дома, названнаго въ V 22, 64 и VI 127, находившагося около Tiburtina pila, неподалеку отъ храма Gentis Flaviae и имѣвшаго видъ на Capitolium Vetus и на храмъ Флоры †). Сосѣдомъ по этой своей квартирѣ Марціалъ назы-

*) Bollet. Archeol. Agosto 1889, p. 331—350 e Settembre 1889, p. 379; надпись разобрана тамъ-же, 1887, p. 214.

†) Фридлендеръ и Пэлей—другого воззрѣнія; послѣдній даже, повидимому, смѣшиваетъ урочище ad Pirum съ мѣстностью Tiburtina Pila (*Paley* p. 38). Оба же они полагаютъ, что у Марціала до самаго пріобрѣтенія имъ собственнаго дома (IX 18) была только одна квартира, которую поэтому, надо думать, онъ

ваетъ Непота (Nepos VI. 27[1]), одного изъ близкихъ своихъ друзей (X 48[5]), бывшаго также его сосѣдомъ по Номентанскому имѣнію, такъ какъ Непотъ имѣлъ близко отъ послѣдняго помѣстье на Via Salaria, около древняго мѣстечка Ficelia или Ficulea.

На этой квартирѣ Марціалъ жилъ недолго, такъ какъ уже въ 94 году, времени изданія IX книги, владѣлъ собственнымъ домомъ: Parvi sunt (mihi) et in urbe lares (IX 18[2]), для котораго онъ проситъ позволенія у Домиціана провести воду изъ водопровода Марція (Aqua Marcia), находившагося въ столь близкомъ разстояніи, что было слышно журчанье его воды:

Cum mihi v'cino Marcia fonte sonet *)

Какъ по сосѣдству со мной Марціи плещется ключъ (IX 18[6]).

оставлялъ за собою во время продолжительнаго отсутствія своего изъ Рима въ 87 году. На нехозяйственность подобной мѣры со стороны человѣка не особенно богатаго и весьма расчетливаго, какимъ всегда былъ Марціалъ, первый, кажется, указалъ Ванъ Стокумъ (*Van Stockum* p. 33); а различіе между Pila Tiburtina и ad Pirum, признанное уже Канниной (*Canina* p. 185) и Тейфелемъ (R. E. P. t. IV. p. 1601), нынѣ подтверждается и Гильбертомъ въ его громадномъ трудѣ: Топографія Рима (Gilb. Top. t. III p. 368). При этомъ однако слѣдуетъ обратить вниманіе на противорѣчіе съ самимъ собою, въ которое впадаетъ Гильбертъ, такъ какъ въ томъ же сочиненіи на стр. 245 онъ утверждаетъ, что домъ Марціала, указанный въ I 108, тождественъ съ домомъ, указаннымъ въ V 22.

*) Эта эпиграмма, безспорно свидѣтельствующая, что у Марціала въ это время былъ въ городѣ свой собственный домъ—in urbe lares, вовсе не доказываетъ. по нашему пониманію, что онъ проспілъ воду изъ водопровода Марція именно для этого дома. Мы скорѣе готовы предполагать, что онъ проспілъ ее для дома, находившагося въ его rus minimum (IX 18[2]), гдѣ, вѣроятно, у него также были lares. Причины, заставляющія насъ толковать такимъ образомъ 3—6 стихи этой эпиграммы, заключаются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: такъ какъ домъ Марціала, о которомъ говорится въ IX 18, находился на Квириналѣ (это слѣдуетъ изъ его тождественности съ домомъ въ X 58, нахожденіе котораго на Квириналѣ ясно изъ X 58[10]: Vicinosque tibi, sancte Quirine, lares), одномъ изъ самыхъ заселенныхъ кварталовъ Рима, и притомъ заселенномъ людьми столь богатыми и знатными, что Lanciani (Bollett. arch., Settembre 1889 p. 379) не безъ нѣкотораго основанія сомнѣвается, что Марціалъ могъ имѣть въ этомъ аристократическомъ кварталѣ свой собственный домъ, то мало правдоподобно, чтобы домъ этотъ, въ столь густо заселенной мѣстности, гдѣ возвышались дворцы такихъ богачей аристократовъ, какъ Pom-

Объ этомъ собственномъ домѣ Марціалъ упоминаетъ и въ IX 97[3]: parvaque in urbe domus, и указываетъ на близкое разстояніе, въ которомъ онъ находился отъ храма Квирина (Ромула) на Квириналѣ: Vicinosque tibi, sancte Quirine, lares (X 58[10]); Vicini pete porticum Quirini (XI 1[9]) *).

---

ponii, Volusii, Aemilii, Cornelii, могъ быть окруженъ sitientibus hortis (прилаг. sitiens заставляетъ думать, что hortus здѣсь означаетъ огородъ); vallis brevis, изъ которой съ трудомъ добываютъ воду — aquas laboratas — самымъ первобытнымъ образомъ — curva antlia, также мало гармонируетъ съ возвышеннымъ кварталомъ, его пышными дворцами со всѣми чудесами римской гидростатики, къ услугамъ которой вода обильно доставлялась изъ водопроводовъ не только Aquae Marciae, но и другихъ трехъ: A. Virgo, A. Julia и A. Tepula, которые всѣ проходили по Квириналу и, развѣтвляясь многочисленными quinariis, доставляли повсюду обильную воду, какъ видно изъ Фронтина (Frontin. Aquaed. c. 4) и *Lanciani* (Aqued. di Roma p. 277). Все это приводитъ насъ къ заключенію, что Марціалъ проситъ у кесаря позволенія провести воду не въ свой городской домъ на Квириналѣ, а въ домъ, который вмѣстѣ съ незначительными полями около самаго города былъ подаренъ ему Лупомъ (XI 18). Фридлендеръ, не допуская, чтобы у Марціала кромѣ praedium Nomentanum была какая либо другая земля или собственность, долженъ поэтому имѣть въ виду это самое praedium Nomentanum, когда (T. II. p. 59) говоритъ, что Марціалу нужна вода для дома въ городѣ и для дома въ имѣніи, и слѣдовательно предполагаетъ, что aqua Marcia проходитъ около praedium Nomentanum; но намъ кажется, что Фридлендеръ впадаетъ тутъ въ нѣкоторое недоразумѣніе, такъ какъ водопроводъ этотъ бралъ свое начало около 33 столба (lapis milliarius)—по Via Valeria, въ разстояніи нѣсколько большемъ 50 верстъ (считая по новѣйшимъ изслѣдованіямъ *Kallée* — Kriegstheater der Roemer 1889, p. 33, разстояніе между столбами въ 1485 метровъ) отъ Рима, и поэтому никоимъ образомъ не могъ проходить около Via Salaria, въ окрестностяхъ которой находилось, какъ признаетъ самъ Фридлендеръ, praedium Nomentanum (Friedl. I, 442).

*) Этотъ храмъ, отъ котораго въ настоящее время не осталось слѣдовъ, находился, по изслѣдованіямъ Канины (Canina, Roma antica, p. 185), на юго-восточномъ склонѣ Квиринальскаго холма, надъ долиной, которая—во времена кесарей—отдѣляла этотъ холмъ отъ Виминальскаго; по Гильберту, тамъ теперь сады Квиринальскаго дворца (Gilb. Top. III. p. 370). На основаніи этихъ указаній Lanciani полагаетъ возможнымъ опредѣлить самое мѣсто, гдѣ былъ домъ Марціала (собственно, какъ предполагаетъ Lanciani, домъ Валерія Верета, въ которомъ только жилъ Марціалъ). Мѣсто это на перекресткѣ теперешнихъ улицъ Via quattro fontane и Via Nazionale, гдѣ прежде былъ монастырь Барнабитокъ, а теперь стоитъ военное министерство (Lanciani Aquedotti di Roma p. 226).

Въ этотъ періодъ своей жизни Марціалъ является намъ не только домовладѣльцемъ, но и собственникомъ двухъ помѣстій, такъ какъ кромѣ praedium Nomentanum, доставшагося ему, вѣроятно, въ началѣ 80-хъ годовъ, онъ имѣетъ еще rus suburbanum — пригородную дачу, подаренную ему, какъ можно заключить изъ XI 18, его близкимъ другомъ (X 48) Лупомъ *). Хотя Марціалъ зло и язвительно смѣется надъ малыми размѣрами этой дачи (rus minimum IX 18[2]) и, слѣдовательно, надъ незначительностью этого подарка Луна, тѣмъ не менѣе близость ея отъ Рима должна была давать и безплоднымъ ея десятинамъ (dura iugera X 58[9]) †) цѣнность, заставлявшую терзаться съ досады завистниковъ Марціала:

Charinus rumpitur... quod sub urbe rus habemus aestivum

Блѣденъ Харинъ . . . . . .
. . . что своя у меня подъ городомъ дача. (VIII 61[6]).

Другое его имѣніе, praedium Nomentanum ‡), было гораздо

Рядомъ съ этимъ домомъ были просторныя, свѣтлыя бани нѣкоего Стефана:

Scis quam sint Stephani balnea iuncta mihi. (XI. 52[4]).

Бани эти пользовались особымъ покровительствомъ Марціала не только по близости ихъ отъ его дома, но, быть можетъ, и потому, что онѣ, какъ можно заключить изъ XIV 60, посѣщались совмѣстно мужчинами съ женщинами; вслѣдствіе же обильнаго свѣта послѣднія могли быть хорошо разсмотрѣны. Lomentum (лемма этой эпиграммы) было средство, употреблявшееся римлянками для сокрытія слѣдовъ частыхъ дѣторожденій: Lomento rugas uteri quod condere temptas, Polla.... (III 42[1]).

*) Этотъ Лупъ не ростовщикъ ли изъ XI 108, желавшій купить его молчаніе?

†) Вопреки мнѣнію Фридлендера (I II, p. 42) мы раздѣляемъ мнѣніе Нэлея и думаемъ, что слово Suburbani этого стиха явно указываетъ, что iugera эти не могли быть около Номентума.

‡) Названо оно такъ отъ близости его къ городу Номентуму (Nomentum—теперешняя Mentana, въ 14 миляхъ—20 верстахъ отъ Рима (Forbiger R. E. P. t. V, p. 681). Такъ какъ въ VI 17. Марціалъ говоритъ, что Непотъ былъ его сосѣдомъ по Ficelia, городкѣ, лежащемъ южнѣе Номентума, а въ VI 43[9] замѣчаетъ, что сообщеніе его praedium'a съ Римомъ было удобное.... (urbis vicina iuvant faciles recessus) то можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что это praedium находилось на большой дорогѣ (Via Ficulensis) между Ficelia и Nomentum, никакъ не ближе 16—18 верстъ отъ Рима, почему и не могло называться rus suburbanum. Фридлендеръ (t. I., p. 442), быть можетъ, ошибается, предполагая, что Ficelia—Ficulea была на Via Salaria. Эта дорога про-

значительнѣе. Марціалъ передъ отъѣздомъ своимъ въ Италію передалъ его — трудно рѣшить въ аренду или въ полную собственность — нѣкоему Марію изъ Атины (X 92) и при этомъ случаѣ оставилъ намъ довольно подробное его описаніе, изъ котораго можно заключить, что это было болѣе крупное владѣніе, такъ какъ, кромѣ рощи (lucus) съ пихтовыми и дубовыми деревьями, оно имѣло отдѣльное лавровое насажденіе — nemus laureum Florae и заключало въ себѣ, кромѣ грубыхъ дерновыхъ алтарей, посвященныхъ Сильвану, два храма: одинъ въ честь Діаны, другой — Марса. Хотя вѣчно всѣмъ недовольный Марціалъ и говоритъ объ этомъ имѣніи съ презрительной усмѣшкой: sicci parva rura Nomentani (XII 57[1]), однако оно не могло быть названо бездоходнымъ, — въ особенности если сравнить его съ подгороднымъ же имѣніемъ Басса (III 47); напротивъ того, оно могло даже считаться, по экономическимъ понятіямъ того времени, довольно прибыльнымъ: виноградники его давали вино такого качества и въ такомъ обиліи, что Марціалъ могъ выдерживать его по нѣсколько лѣтъ въ погребѣ и хвалиться имъ передъ своими гостями:

De Nomentana vinum sine faece lagona,
Quae bis Frontino consule trima fuit *)

Безъ подонья вина изъ Номентанской бутылки
Трехгодовой, какъ Фронтинъ консуломъ былъ во второй. (X 48 [19—20]).

Сады его производили превосходные фрукты, соперничавшіе съ привозными изъ дальнихъ странъ (XIII 42); въ лѣсу его произрастали орѣхи, которыми онъ въ Сатурналіи могъ дарить своихъ друзей (VII 91 [1—2]): все это рѣзко отличало это praedium

---

легала довольно далеко къ западу отъ Фицелія. (Forbiger l. c. Kiepert Atl. Ant, p. VIII).

*) Фронтинъ былъ консуломъ въ 98 году (*Assbach*, Die Consularfasten). Второе изданіе X книги совпадаетъ, вѣроятно, съ этимъ годомъ; поэтому чтеніе editt. vett. и всѣхъ MSS: prima не давало бы ему особо почтеннаго возраста. Фридлендеръ, пользуясь примѣчаніемъ Гейнзія, первый ввелъ правильное чтеніе trima — трехлѣтній. Гильбертъ, изданіе котораго по времени совпадаетъ съ изданіемъ Фридлендера, точно также принялъ эту конъектуру; на основаніи ея мы и заключаемъ, что Марціалъ выдерживалъ свое номентанское вино до трехъ лѣтъ.

отъ dura iugera suburbani, его подгородной дачи, которая не только не давала дохода, но которую Марціалъ долженъ былъ еще поддерживать—pascere (X 58). Марціалъ особенно цѣнилъ Номентанское помѣстье, потому что оно было настолько далеко отъ города, что туда не могъ попадать непрошенный, докучный гость (II 38), отъ назойливости котораго онъ едва-ли бы могъ избавиться, если бы это было имѣніе suburbanum, а не отстояло отъ Рима по крайней мѣрѣ на 15 или 16 верстъ. Трудно также предполагать, чтобы minimum rus suburbanum — подгородная дача—могла давать ему тотъ отдыхъ тѣла и души отъ шума, заботъ и суеты римской жизни, бившей ключомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ столицы,—тотъ отдыхъ, который онъ надѣялся получить въ тиши и уединеніи своего Номентанскаго помѣстья (VI 43[3]).

Но самымъ вѣскимъ доказательствомъ, что Марціалъ обладалъ двумя имѣніями, а не однимъ только praedium Nomentanum, какъ увѣряетъ Фридлендеръ, служитъ сопоставленіе X 61 съ X 92. Первая изъ этихъ эпиграммъ есть надгробная надпись, которую Марціалъ начерталъ на памятникѣ любимой имъ Эротіоны, умершей за девять лѣтъ передъ тѣмъ (V 34). Въ этой эпиграммѣ онъ проситъ всякаго, кто бы ни сдѣлался владѣльцемъ небольшого поля (agellus), гдѣ она погребена, чтить и оберегать этотъ памятникъ:

Quisquis eris nostri post me regnator agelli,
Manibus exiguis annua iusta dato.

Кто бы ты послѣ меня ни явился владѣтелемъ поля,
Крошечнымъ манамъ блюди должный почетъ годовой. (X 61[3–4]).

Надо полагать, что, похоронивъ малютку на этомъ мѣстѣ девять лѣтъ тому назадъ, онъ ограничился въ то время сооруженіемъ надъ маленькой могилой памятника изъ дерна — levi cespite, въ родѣ того, какой онъ устроилъ и украсилъ посадками изъ буковыхъ деревьевъ и дикаго винограда на Лабиканской дорогѣ надъ могилой своего другого, точно также нѣжно имъ любимаго раба — ребенка Алцима (I 88[2,5]). Но теперь, покидая навсегда Италію, онъ хочетъ охранить мѣсто, гдѣ лежитъ

въ agello его маленькая любимица, болѣе прочнымъ образомъ и поэтому сооружаетъ надъ нимъ каменный памятникъ, который снабжаетъ трогательною эпитафіею (X 61). Для этого agellus онъ не нашелъ еще покупателя, какъ уже пріискалъ такового арендатора или покупателя для своего praedium Nomentanum (X 92), и поэтому, вѣроятно, поручаетъ его продажу какому-нибудь praeconi въ родѣ того, который продаетъ въ I 85 suburbana ingera Марія. Во всякомъ случаѣ этотъ покупатель для него пока только quisquis. Praedium Nomentanum же онъ знаетъ кому передаетъ и поэтому заботливо указываетъ ему (X 92) всѣ тѣ для него дорогія по воспоминаніямъ мѣста, которыя проситъ будущаго хозяина praedii Nomentani беречь и содержать въ порядкѣ, такъ чтобы не ощущалось отсутствіе прежняго хозяина—absens sacerdos (X 92 [17]); но при этомъ перечисленіи онъ не называетъ памятника надъ могилой Эротіоны.

Эти два факта: невѣдѣніе Марціаломъ лица, которое будетъ владѣть мѣстомъ, гдѣ покоится его amores gaudium lususque (V 37 [17]), и неупоминаніе памятника Эротіоны въ перечнѣ святынь его сердца, которыя онъ поручаетъ заботливости будущаго владѣльца его Номентанскаго помѣстья Марія — приводятъ къ заключенію, намъ кажется довольно очевидному, что agellus, въ которомъ была похоронена Эротіона, не могъ быть praedium Nomentanum, а былъ тотъ rus minimum suburbanum, о которомъ говорится въ IX 18, X 58 и XI 18, и которое составляло вторую отдѣльную поземельную собственность Марціала.

ГЛАВА VII.

Былъ ли Марціалъ женатъ? Его этика.

Вопросъ, былъ ли Марціалъ женатъ, до сихъ поръ остается открытымъ. Фридлендеръ, Ванъ-Стокумъ, Стефенсонъ и Брего дю-Лютъ положительно утверждаютъ, что нѣтъ; Лессингъ, Радеръ, Брандтъ, Низаръ, Пэлей и Тейфель — что да; при этомъ первые три считаютъ его женой Марцеллу XII книги; Пэлей— Клавдію (V 78), Тейфель—Клеопатру (IV 22), а Низаръ—uxor, которую Марціалъ упоминаетъ въ II 92.

Самъ Марціалъ, хотя и говоритъ очень часто объ uxor, но или въ выраженіяхъ, ясно указывающихъ, что подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ только любовницу — concubina, даже проститутку—meretrix *); или говоритъ отъ имени третьяго лица; или, наконецъ, употребляя слово uxor въ его общемъ родовомъ значеніи, относя его къ женѣ Тита и Кая, но никакъ не къ своей. Разсмотрѣвъ внимательно 58 эпиграммъ, въ которыхъ встрѣчается это слово, мы пришли къ заключенію, что изъ нихъ только семь: II 92, III 92, IV 24, VII 95, VIII 12, XI 43, 104 могутъ быть отнесены къ его законной женѣ; въ осталь-

*) Мы почти думаемъ, что въ смыслѣ concubina, contubernalis, meretrix— слово uxor употребляется изъ поэтовъ только Марціаломъ; хотя уже Цицеронъ въ Topica 3, словами: Genus est enim uxor; eius duae formae: una mater familias, quae in manum convenerunt, altera, quae tantummodo uxores habentur указываетъ на разницу matrona—mater familias - coniux на основаніи matrimonii iusti и uxor-contubernalis-concubina на основаніи matrimonii iniusti или concubinatus. Стихи: Summoenianes cenet inter uxores (III 82 [2]), Summoenianae quae pilantur uxores (XII 32 [23]) и въ особенности антитеза, содержащаяся въ 2 ст. III 93: quis coniugem te, quis vocabit uxorem?—несомнѣнно указываютъ на допускаемую Марціаломъ разницу значенія словъ coniux и uxor. Слѣдуетъ однако замѣтить, что ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ лексикографовъ (Леонтьевъ, Freund, Georges), кромѣ Quicherat—помѣщающаго compagne de nuit, съ ссылкою на Марціала—не даетъ слову uxor другого значенія, кромѣ—жена, супруга (coniux).

ныхъ мѣстахъ онъ говоритъ о чужихъ женахъ или о женахъ вообще, а въ трехъ поименованныхъ въ примѣчаніи эпиграммахъ онъ прямо называетъ этимъ именемъ проститутокъ.

Но изъ числа эпиграммъ, могущихъ имѣть въ виду его жену, двѣ: XI 43 *) и XI 104 содержатъ въ себѣ такія странныя, чтобы не сказать болѣе, требованія къ этой женѣ, что при наименьшей дозѣ уваженія къ нравственности Марціала слѣдуетъ предполагать, что онъ обращается съ ними не къ coniugi—супругѣ, а только къ uxori—любовницѣ.

Въ VII 12: Uxorem quare locupletem ducere nolim—Quaeritis... рѣчь идетъ только о могущей быть впослѣдствіи его женою, а въ VII 95:

Hoc me frigore basiet nec uxor
Blandis filia nec rudis labellis.

Не поцѣлуетъ жена меня въ холодъ подобный,
Ни недозрѣвшая дочь нѣжно устами—

сослагательное наклоненіе basiet—обозначаетъ, что эти предполагаемыя жена и дочь приводятся только для иллюстраціи непріятностей поцѣлуевъ на холодѣ †).

III 92 и IV 24 могутъ быть, какъ называетъ ихъ Breghot du Lut. (Biogr. Univ. art. Martiae), des jeux d'esprit. Остается слѣдовательно II 92, гдѣ Марціалъ съ насмѣшливымъ пожеланіемъ здравія ‡), или предсмертнымъ напутствіемъ **)—valebis обращается несомнѣнно къ своей женѣ, объявляя ей, что вслѣдствіе дарованія ему ius trium liberorum онъ въ ней болѣе не нуждается. Неоспоримость употребленія здѣсь слова uxor въ смыслѣ

*) Imprudentiam uxoris accusat, quae ipsum deprehendere rat dum paedicaret obiurgansque se pueri partes posse praestare affirmabat. (Calderinus). XI 104 — заключаетъ въ себѣ такую же postulatio paederastica, обращенную къ предполагаемой его женѣ.

†) Тѣмъ не менѣе этихъ двухъ стиховъ Тейфелю показалось достаточнымъ, чтобы наградить Марціала цѣлымъ семействомъ, включая даже и тестя (Teuffel, R. L. P. IV 1601).

‡) Г. Благовѣщенскій (Римскіе кліенты, стр. 47) объясняетъ valebis = mafemme tu t'en porteras bien—ссылкою на неизвѣстную, впрочемъ, намъ книгу: „Toutes les epigrammes de Martial en latin et en francais 1655".

**) Это толкованіе принято Лессингомъ (Lessing. t. VIII).

mater familias заставила тѣхъ біографовъ, которые рѣшительно отвергаютъ супружество Марціала или, какъ Лессингъ, допускаютъ его женитьбу только по возвращеніи въ Италію на Марцеллѣ, *) много потрудиться надъ этой эпиграммой, съ тѣмъ чтобы умалить прямой ея смыслъ; но для насъ, по крайней мѣрѣ, она остается въ своемъ дословномъ значеніи, неоспоримо свидѣтельствуя, что Марціалъ былъ женатъ и представлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе среди своей собратіи-поэтовъ времени римской имперіи, которые, какъ замѣчаетъ Риббекъ, всѣ избѣгали брачныхъ узъ †).

При этомъ однако мы увѣрены, что эта жена его не была Марцелла, такъ какъ восторженное обращеніе къ ней Марціала въ XII 21 и 31 свидѣтельствуетъ болѣе о чувствахъ благодар-

---

*) Г. Благовѣщенскій, принадлежащій къ числу сторонниковъ безбрачія Марціала, поясняетъ противорѣчіе между своимъ воззрѣніемъ и несомнѣннымъ обозначеніемъ въ II 92 жены Марціала тѣмъ, что Марціалъ imposuit—обманулъ Домиціана, выдавая себя за женатаго, чтобы имѣть возможность получить ius trium liberorum (Римскіе кліенты. Русская Мысль, апрѣль 90, p. 47). Не говоря уже о томъ, что Домиціану, при его подозрительности и цѣлой арміи оффиціальныхъ шпіоновъ, не такъ-то легко, а въ особенности не безопасно было imponere, мы полагаемъ, что Марціалу и надобности не было въ этомъ, такъ какъ ius trium liberorum, по мнѣнію Heineccius (Syntagma lib I XXV) и Vertranius de Mauro (De iure liberorum, p. 323—325) *) могло быть даровано не только orbis liberis, но и solitariis †).

†) Ribbeck Geschichte der römischen Dichtung, t. II, p. 104.

---

*) Одинъ экземпляръ названнаго сочиненія Vertranius'a, книги чрезвычайно рѣдкой, которую еще во второй половинѣ XVIII столѣтія ученый Burmann тщетно искалъ въ германскихъ библіотекахъ (Heineccius l. c.), находится въ нашей Императорской Публичной библіотекѣ.

†) При семъ считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность гг. профессорамъ Гейдельбергскаго университета: исторіи—Kaltschmidt и римскаго права—Immanuel Becker и Karlowa, которые были такъ любезны, что обстоятельно отвѣтили намъ на сдѣланный имъ запросъ, могло ли ius trium liberorum быть даровано неженатымъ. Отвѣтъ, впрочемъ, не вполнѣ рѣшилъ вопроса; означенные гг. профессоры, которымъ, повидимому, сочиненіе Vertranius de Mauro—также какъ и намъ, когда мы дѣлали этотъ запросъ — было неизвѣстно, отвѣтили, что, хотя они не знаютъ примѣровъ, чтобы люди неженатые пользовались этимъ правомъ, тѣмъ не менѣе полагаютъ, что при безграничности власти, которой достигъ въ то время princeps, дарованіе этого права даже при безбрачіи должно считаться возможнымъ.

наго почитателя, нежели супружеской нѣжности; мало вѣроятно также, чтобы Марцелла, какъ вторая Пенелопа, прождала тридцать пять лѣтъ своего супруга, сохраняя ему его имѣніе *), или чтобы эта богатая, изящная и образованная испанка могла бы по любви выйти замужъ за старца, которому шелъ седьмой десятокъ. Точно также не могла быть его женой и Клеопатра. Эротическая сцена, рисуемая съ неподражаемымъ талантомъ (IV 22), нисколько не походитъ на prima nox законнаго брака—matrimonii iusti. Что же касается до Клавдіи (V 78[31]), которую только Пэлей †) на основаніи этого мѣста считаетъ женою Марціала, то смыслъ этого стиха, на которомъ единственно основана гипотеза англійскаго комментатора, такъ теменъ и до сихъ поръ еще такъ мало разъясненъ (Friedl., t. 1, p. 428), что выводить изъ него какое-либо заключеніе становится невозможнымъ.

Но если мы на основаніи собственныхъ словъ Марціала въ II 92 не полагаемъ возможнымъ сомнѣваться, что онъ былъ женатъ, тѣмъ не менѣе сознаемъ, что какъ по неупоминанію объ этой женѣ во всѣхъ остальныхъ эпиграммахъ, такъ и по совершенному отсутствію признаковъ какого либо ея вліянія на судьбу, характеръ, домашній обиходъ и взгляды Марціала считаемъ ее какъ бы не существовавшею какъ для него самого, такъ и для его біографовъ ‡).

При всѣхъ своихъ недостаткахъ и порокахъ Марціалъ несомнѣнно обладалъ и многими хорошими качествами, о которыхъ онъ такъ же мало умалчиваетъ въ своихъ эпиграммахъ, какъ много и подробно говоритъ о дурныхъ.

---

*) Если слѣдовать чтенію „domino“ edit. vett., основанному на Vossianus XIV saec. (c).

†) Впрочемъ Скалигеръ уже прежде полагалъ женою Марціала Клавдію, но не на основаніи этой эпиграммы, а на совершенно произвольномъ чтеніи XII 21[7], гдѣ онъ безъ всякаго авторитета рукописей читаетъ: Te cito videbit peregrinus Clodia partus (Scalig. in Catull. 62).

‡) Вотъ, надо полагать, причина, отчего г. Модестовъ на страницахъ, удѣленныхъ имъ Марціалу въ книгѣ: „Лекціи о римской литературѣ“, не счелъ нужнымъ вовсе коснуться этого вопроса, — разъясненію котораго западные комментаторы Марціала, а увлекаемые ихъ примѣромъ и мы, посвятили, быть можетъ, слишкомъ много труда и времени.

Въ тѣ постыдныя для человѣчества времена, когда рабство достигло своего апогея, когда рабъ считался человѣкомъ развѣ только немногими чудаками философами и гонимыми, всѣми презираемыми послѣдователями Назарейскаго рабби, каррикатуры на котораго появлялись даже на стѣнахъ службъ Палатинскаго дворца *), Марціалъ смѣло и краснорѣчиво выступаетъ защитникомъ несчастныхъ рабовъ и не усумняется громко провозгласить: homo est (X 31[6]). Цѣлымъ рядомъ блестящихъ эпиграммъ клеймитъ онъ жестокосердыхъ владыкъ (II 66, 82, III 13, 21, 94, X 31).

Потребность видѣть своего раба сытымъ и довольнымъ

Sit mihi verna satur

Былъ бы сытъ мой слуга (II 9 0 [9]),

и его дѣтей обогрѣтыми (I 49[28]) ставитъ онъ въ числѣ главныхъ своихъ желаній и не скупится на похвалы тѣмъ изъ своихъ друзей, которые заботливо относятся къ нуждамъ рабовъ, у которыхъ:

Cingunt serenum lactei focum vernae
. . . . . .
Vescuntur omnes ebrioque non novit
Satur minister invidere convivae.

Бѣлолицые слуги веселый алтарь окружаютъ,
. . . . . .
Всѣ надѣются тутъ, и насыщенный прислужникъ
Не помышляетъ уже завидовать пьяному гостю (III 58, [22, 43–44]).

Марціалъ проповѣдывалъ человѣческія отношенія къ рабамъ не только словомъ, но и примѣромъ: къ своимъ собственнымъ рабамъ онъ относился съ нѣжною, почти отеческой заботливостью, совершенно чуждою римскому характеру. Онъ оставилъ намъ имена четырехъ изъ нихъ: Димитрія, умершаго девятнадцатилѣтнимъ юношею, (I 101) обладавшаго красивымъ почеркомъ и поэтому служившаго ему переписчикомъ (librarius) тѣхъ

*) У Lanciani въ Ancient Rome, p. 222 есть изображеніе этой каррикатуры.

экземпляровъ, которые поэтъ подносилъ Кесарямъ—Титу и Домиціану *); Алцима, также рано умершаго:

> Alcime, quem raptum domino crescentibus annis
> Lavicana levi caespite velat humus.
>
> О Алцимій, кого, въ цвѣтѣ лѣтъ у владѣльца исхитивъ,
> Лавиканскимъ легко дерномъ скрываетъ земля (I 88 $^{1-2}$),

исправлявшаго у него должность виночерпія (V 64^{2}) †); Каллиста, исполнявшаго въ домѣ Марціала обязанности дворецкаго (VIII 67^{5}), и Діадумена (Diadumenus), состоявшаго при Марціалѣ, какъ видно изъ III 65, V 46 и VI 34 въ качествѣ puer exoleti ‡); по аналогіи между III 65 и XI 8 надо предполагать, что названный въ ст. 12 послѣдней эпиграммы puer есть тотъ же Діадуменъ **).

Марціалъ относился къ своимъ рабамъ не только съ большимъ мягкосердечіемъ и заботливостью, но и съ нѣжной пря-

*) Судя по имени, этотъ Димитрій былъ грекъ, какъ большинство рабовъ librarii, paedagogi, literati, medici и т. п. того времени. Предположеніе, долго державшееся между комментаторами, что онъ былъ африканецъ-afer, основано только на lemma—надписи къ I 101, сохранившейся у всѣхъ editt. vett.; но такъ какъ надписи эти, за исключеніемъ помѣщенныхъ въ XIII и XIV книгахъ, не принадлежатъ Марціалу, то надо полагать, что слово afer перешло въ надпись I 101 по ошибкѣ переписчика, взявшаго его изъ текста I 100^{1}.

†) Фридлендеръ и Гизе полагаютъ Алцима V 64 вымышленнымъ именемъ; Quo vero iure? справедливо спрашиваетъ ихъ Dau (p. 70). Конечно, невозможно оплакивать въ 85 году—время изданія I книги—мальчика, находившагося еще въ живыхъ въ 89 году при изданіи V книги; но это только подтверждаетъ неоднократно указанную нами зыбкость хронологическихъ выкладокъ, основанныхъ исключительно на хронологической связи эпиграммъ; а такъ какъ такихъ невозможностей при подобномъ методѣ счисленія времени и у Марціала является множество (Dau pp. 56—78), то и настоящая не должна умалять значенія обстоятельства, свидѣтельствующаго о дѣйствительной тождественности этихъ двухъ Алцимовъ: мы разумѣемъ упоминаніе рядомъ съ нимъ другого раба Марціала-Каллиста (Callistus), названнаго также и въ VIII 67, въ реальности существованія котораго Фридлендеръ нисколько не сомнѣвается. Болѣе скептическій Giese и Каллиста относитъ къ personis fictis.

‡) Они назывались также pathici, cinaedi, catamiti, molles, delicati (Rambach, Thesaurus Eroticus, passim).

**) Низаръ (Nisard, Poëtes lat. de la decad. t. 1, p. 374) видимо не совсѣмъ понялъ точное значеніе V 64 и потому упрекаетъ Марціала по поводу ея въ совершенно несвойственной ему жестокости: тогда какъ тутъ только excessus libidinis vel flagitiae—конечно такъ же мало извиняемой.

вязанностью, мало гармонировавшей съ vae victis, римскимъ суровымъ, безсердечнымъ взглядомъ на слабыхъ, угнетенныхъ, побѣжденныхъ. Эта нѣжность, нѣсколько притворная, почти переходящая во французскую sensiblerie XVIII столѣтія, проявляется особенно въ элегіи на смерть Димитрія:

Ne tamen ad Stygias famulus descenderet umbras
. . . . . .
Cavimus et domini ius omne remisimus aegro:
Munere dignus erat convaluisse meo.
Sensit deficiens sua praemia meque patronum
Dixit ad infernas liber iturus aquas.

Чтобы однако рабомъ не сошелъ онъ въ сумракъ Стигійскій,
. . . . . .
Я устранилъ и права господина и простилъ больному:
Былъ онъ достоинъ, чтобъ даръ мой оздоровилъ его.
Чувствовалъ онъ предъ концомъ награду свою и патрономъ
Звалъ меня, къ мрачнымъ волнамъ уже свободнымъ сходя. (I 101, 5. 7—10).

и въ эпитафіи на могилѣ Алцима:

Accipe, care puer, nostri monumenta doloris:
Hic tibi perpetuo tempore vivet honor.
Cum mihi supremos Lachesis pervenerit annos,
Non aliter cineres mando iacere meos.

Милый мальчикъ, прими ты памятникъ нашего горя:
Здѣсь во всѣ времена честь да хранится твоя,
Какъ допрядетъ у меня послѣдніе годы Лахезисъ,
Я не иначе, какъ здѣсь, прахъ мой велю положить. (I 88, 7—10).:

Самой симпатичной чертою характера Марціала является его непритворная любовь къ дѣтямъ. Какъ трогательно оплакиваетъ онъ свою маленькую крошку Эротіону:

Mollia non rigidus caespes tegat ossa, nec illi,
Terra, gravis fueris: non fuit illa tibi.

Нѣжныя кости ей деритъ прикрой не сурово, земля ей
Будь не тяжка;—вѣдь тебя не тяготила она. (V 34 9—10);

какъ сочувственно относится онъ къ грусти Фенія объ утратѣ дочери Антуллы (I 114, 116); какая неподдѣльная печаль выражается въ его тренодіи на смерть юноши Камонія:

Accipe cum fletu maesti breve carmen amici
Atque haec absentis tura fuisse puta.

Краткую слезную пѣснь прими отъ грустнаго друга,
И за ладанъ ее ты издалека сочти. (VI 85 $^{11-12}$);

Какъ трогательны стихи, въ которыхъ онъ обращается къ его портрету, писанному съ него въ раннемъ, младенческомъ возрастѣ:

Florentes nulla signavit imagine vultus
Dum timet ora pius muta videre pater.

Спимка не произвелъ никакого съ цвѣтущаго лика,
Видѣть нѣмыя уста нѣжный боялся отецъ (IX 74 $^{3-4}$).

Эпиграмматистъ sine fine mordax *) совершенно исчезаетъ въ этихъ стихотвореніяхъ, равняющихся по элегическому чувству, которымъ они проникнуты, лучшимъ элегіямъ нашего времени, которое одно съ своею до болѣзненности развитой нервной системой могло создать этотъ родъ поэзіи, совершенно отличный отъ того, что разумѣли подъ понятіемъ элегіи греки и римляне.

Въ особенности сильно выражается нѣжность и любовь Марціала къ дѣтямъ тамъ, гдѣ онъ съ такимъ явнымъ презрѣніемъ и негодованіемъ бичуетъ Indi magistros, тогдашнихъ педагоговъ за ихъ безчеловѣчное отношеніе къ бѣднымъ, дрожавшимъ подъ ихъ ферулою sceptra paedagogorum дѣтямъ:

Quid tibi nobiscum est, Indi scelerate magister,
Invisum pueris virginibusque caput?

Что ко мнѣ ты привсталъ, противный школьный учитель,
Ненавистный глава мальчиковъ ты и дѣвицъ? (IX 68 $^{1-2}$).

Indi magister, parce simplici turbae.
. . . . . .
Ferulaeque tristes, sceptra paedagogorum
Cessent et Idus dormiant in Octobres.
Aestate pueri si valent satis discunt.

Школьный учитель, ребятъ пощади простодушныхъ:
. . . . . .
Грустныя розги притомъ, скипетръ педагоговъ,
Пусть отдохнутъ и до Идъ дремлютъ Октябрьскихъ.
Лѣтомъ коль мальчикъ здоровъ, вдосталь учился. (X 62 $^{1,11-12}$) †).

*) Apollinaris Sidonius о Марціалѣ: Aut mordax sine fine Martialis (Carm. 23).

†) Какъ жалко, что наши почтенные отечественные педагоги не усвоятъ себѣ эту аксіому и, допуская необходимыя иногда переэкзаменовки, задаютъ

Въ Марціалѣ можно найти нѣкоторые проблески мягкосердечія, простиравшагося даже на животныхъ, какъ напримѣръ въ XIII 70, гдѣ онъ жалѣетъ объ участи красиваго павлина:

Et potes hunc saevo tradere, dure, coco?—
Повару жь злому сго въ силахъ, жестокій, ты сдать—

черта, кажущаяся почти современной вѣку зарожденія вегетаріанизма и процвѣтанія обществъ покровительства животнымъ.

При такомъ множествѣ эпиграммъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о добромъ сердцѣ, которое среди всѣхъ своихъ заблужденій сумѣлъ сохранить Марціалъ, дисгармонически звучитъ только одна VIII 23 *). Но, принявъ во вниманіе, что Марціалъ обращается въ ней къ Рустику, имя котораго нигдѣ болѣе не встрѣчается, тогда какъ обыкновенно его обращенія повторяются по нѣскольку разъ къ одному и тому же лицу; а также, отмѣтивъ противорѣчіе между этой эпиграммой и III 13, въ которой онъ упрекаетъ Невію за жестокость, вызванную такъ же, какъ VIII 23, маловажнымъ проступкомъ повара,— можно находить неправдоподобнымъ, чтобы онъ возводилъ на себя жестокій поступокъ, за который такъ негодуетъ на Невію, можно для сохраненія хоть одной хорошей черты нашему протагонисту позволить себѣ предположеніе, что эпиграмма эта не принадлежитъ Марціалу. Быть можетъ и она должна быть причислена къ разряду эпиграммъ, ложно ему приписанныхъ, какъ тѣ восемь, находящихся въ cod. Bodleianus, которыя, несмотря на защиту ихъ Лессингомъ и на принятіе ихъ большинствомъ

дѣтямъ на лѣтнее время такъ называемыя „вакаціонныя работы", доказывая этимъ, насколько Марціалъ опередилъ ихъ въ вѣрномъ пониманіи того, что прежде всего требуется отъ дѣтей во время лѣта.

*) Esse tibi videor saevus nimiumque gulosus,
Qui propter cenam, Rustice, caedo cocum.
Si levis ista tibi flagrorum causa videtur,
Ex qua vis causa vapulet ergo cocus?

Злымъ кажусь я тебѣ и чрезмѣрно обжорой,
Что изъ-за ужина я, Рустикъ, повара бью.
Если причиной бичей тебѣ это является малой,
То за какую жъ вину повару нужно терпѣть? (VIII 23).

editt. vett., нынѣ отринуты всѣми новѣйшими изданіями. Безпристрастный судья характера Марціала долженъ, намъ кажется, въ этомъ случаѣ сказать съ поэтомъ:

Non scripsit ista meus Martialis
Этого ни за что не писалъ Марціалъ мой (VII 72[16]).

Плиній не былъ парадоксаленъ, какъ можетъ показаться многимъ поверхностнымъ судьямъ, знающимъ только Марціала sine fine mordax, когда выразился про эпиграмматиста: in scribendo et salis haberet et fellis nec candoris minus (Plin Ep. III 21). Дѣйствительно, нельзя отказать ему въ извѣстной степени candoris — благодушія, когда, просмотрѣвъ внимательно всѣ его эпиграммы, не находишь въ нихъ ни одной клеветы, ни одного доноса или навѣта, ни даже выраженія затаенной зависти *).

Положительно можно утверждать, что Марціалъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ произведеніяхъ, былъ чуждъ этимъ низкимъ чувствамъ и потому справедливо могъ похвалиться, что nec facient quemquam pocula nostra reum (X 48[24]) et queritur laesus carmine nemo meo (V 15[2]). Напротивъ, слѣдуетъ признать совсѣмъ обратное: онъ старался, гдѣ могъ, услужить своимъ друзьямъ, употребляя для этого свое, конечно не особенно важное и вліятельное положеніе при дворѣ; такъ, многимъ изъ своихъ, вѣроятно земляковъ, доставилъ онъ римское гражданство:

Quot mihi Caesareo facti sunt munere cives
Nec famulos totidem suspicor esse tibi

Сколько изъ-за меня было Цезаремъ создано гражданъ,
Подозрѣваю, что нѣтъ столько и слугъ у тебя—

говоритъ онъ Неволу въ III 95. Просьбы о смягченіи приговоровъ нерѣдко достигали слуха недоступнаго, подозрительнаго кесаря въ подкупающей формѣ его гармоническаго стиха (VIII 32); часто случалось ему также оказывать матеріальную помощь своимъ нуждающимся друзьямъ, при чемъ онъ старался щадить самолюбіе людей, которымъ приходилъ на помощь, считая подобный родъ употребленія богатства наилучшимъ (V 42).

*) Fried T. I, p. 16; Prof. Sellar Extracts, p. VII.

Тѣмъ не менѣе, кажется, можно сомнѣваться, имѣлъ ли право сказать Марціалъ о своихъ книгахъ:

Hunc servare modum nostri novere libelli,
Parcere personis, dicere de vitis.

Мѣру такую хранить всегда мои книжки умѣли.
Личности только щадить, а о порокахъ гласить. X 33 [1—2]),

Конечно онъ почти никогда не называетъ настоящаго имени лица, памѣченнаго его эпиграммою:

„Nomen Athenagorae", quaeris, Callistrate verum?
Si scio, dispeream, qui sit Athenagoras.

Имя Атенагоръ, Каллистратъ, считаемъ ли вѣрнымъ?
Пусть пропаду, если я знаю, кто Атенагоръ (IX 95 b. [1—2])—

и скрываетъ его или подъ вымышленнымъ именемъ, избираемымъ имъ въ угоду метра:

Ergo aliquot gratum Musis tibi nomen adopta:
Non semper belle dicitor, „Hippodame".

Такъ иное прими ты Музамъ пріятное имя:
Не всегда хорошо произнести „Гипподамъ" (IV 31 [9—10]),

или по синонимному лексическому соотношенію: такъ Dento (V 46) = обжора, Vetustilla (III 93) = старуха, и т. п.; но обыкновенно онъ пріурочивалъ къ одному и тому же произвольно взятому имени всегда одни и тѣ же пороки, недостатки, странности въ различныхъ степеняхъ и формахъ ихъ развитія, дѣлая такимъ образомъ это имя какъ бы условнымъ родовымъ знакомъ этихъ отрицательныхъ сторонъ общества. Дѣйствуя подобнымъ образомъ, онъ полагалъ оставаться вѣрнымъ программѣ, начертанной имъ въ предисловіи къ I книгѣ: Spero me secutum in libellis meis tale temperamentum, ut de illis quaeri non possit quisquis de se bene senserit, cum salva infimarum quoque personarum reverentia ludant; quae adeo antiquis auctoribus defuit, ut nominibus non tantum veris abusi sint, sed et magnis *),—

*) *Перев.* Надѣюсь, что въ моихъ книгахъ я руководствовался такою сдержанностью, что на нихъ не можетъ пожаловаться тотъ, кто чувствуетъ себя чистымъ, такъ какъ онѣ и съ нижайшими лицами шутятъ съ надлежащимъ ува-

и поэтому часто и съ самодовольствомъ выставляетъ эту мнимую безобидность своихъ эпиграммъ (II 23, IX 95 b., X 33 II. cc.). Но условные псевдонимы, подъ которыми появляются у него осмѣянныя имъ личности, остаются таковыми только для насъ, отдѣленныхъ вѣками отъ времени, когда онѣ жили; для современниковъ же, надо полагать, было не трудно угадать, на какую развратницу намекаетъ Марціалъ, называя ее Галлою; кто этотъ Фебъ, предающійся противоестественнымъ порокамъ; какого богатаго либерта имѣетъ онъ въ виду подъ именемъ Зоила и т. д.

Марціалу не было, кажется, нужды съ такимъ шумомъ объявлять, что онъ не откроетъ настоящаго имени Постумія:

Non dicam, licet usque me rogetis
Quis sit Postumius in meo libello,
Non dicam.

Я не скажу, хоть сколько бы вы ни просили,
Кто Постумъ, который въ моей тутъ книжкѣ;
Я не скажу (II 23 $^{1-2}$):

весь римскій highlife, вѣроятно, это хорошо зналъ; но мы можемъ быть увѣрены, что этотъ Постумій, хотя былъ знатенъ и богатъ и навѣрно не принадлежалъ къ классу infimarum personarum (Praef. I l. c.),—которыхъ, какъ видно изъ XII 61:

Versus et breve vividumque carmen
In te ne faciam, times, Ligurra.
Et dignus cupis hoc metu videri.
. . . . . .
Frons haec stigmate non meo notanda est.

Чтобы стиховъ и живой коротенькой пѣсни
Я про тебя не сложилъ, ты боишься, Лигурра.
Хочешь и страха такого казаться достойнымъ.
. . . . . .
Этотъ лобъ моего клейма не достоинъ. (XII 61$^{1-3, 11}$).

Марціалъ не удостоивалъ даже своихъ насмѣшекъ, — не былъ изъ числа лицъ, пользовавшихся благосклонностью Домиціана и его клевретовъ. Для сильныхъ міра Марціалъ имѣлъ только хвалебные гимны, остерегаясь раздражить ихъ какимъ-либо неосто-

женіемъ, котораго до такой степени не доставало древнимъ писателямъ, что они злоупотребляли не только настоящими именами, но и великими.

рожнымъ словомъ или неловкимъ намекомъ. Доносчикъ Регулъ, женоподобный наперсникъ кесаря Эаринъ, чванный либертъ Криспинъ, всемогущій постельничій—cubicularius Нароеній—всѣ эти лица имѣли свойство превращать смѣлаго, остроумнаго эпиграмматиста въ безцвѣтнаго, приторнаго агіографа, соперничавшаго въ этомъ съ придворнымъ поэтомъ Домиціана Стаціемъ; соперничество это переходитъ иногда въ форму открытаго состязанія, какъ напримѣръ, когда оба они воспѣваютъ кудри мальчика кастрата Эарина. У Марціала шесть эпиграммъ IX книги (11, 12, 13, 16, 17 и 36) посвящены исключительно этому предмету; Стацій не отсталъ онъ него и посвятилъ этимъ волосамъ цѣлое пѣснопѣніе, свою III Сильву (Silv. III. carm. 4) *).

*) Другая тема, въ которой состязались эти достойные другъ друга соперники, была бронзовая статуйка Геркулеса, работы Лисиппа, принадлежавшая Новію Виндексу (Novius Vindex). Марціалъ удѣляетъ двѣ эпиграммы (IX 43, 44), всего 20-ть стиховъ этому предмету; многорѣчивый Стацій опять цѣлую пѣснію въ 109 стиховъ (Silv. IV carm. 6). Низаръ, подробно сравнивающій эти дифирамбы двухъ поэтовъ при состязаніи на тему кудрей Эарина, отдаетъ предпочтеніе Стацію (Nis. Poet. lat. d. l. decadence. T. I, § 9); г. Андреевскій не совсѣмъ удачно слѣдуетъ своему первообразу Низару и, дѣлая въ своей біографіи Марціала то же сравненіе, смѣшиваетъ при этомъ произведенія двухъ поэтовъ: онъ подробно разбираетъ эпиграмму Марціала IX 44, полагая, что это стихи Стація (Андреевскій, стр. 17).

ГЛАВА VIII.

Отъѣздъ Марціала изъ Италіи.

Понятно, что всѣ эти оскорбленныя сарказмомъ или обойденныя презрительнымъ молчаніемъ Марціала личности, принадлежавшія къ оппозиціонной партіи при Домиціанѣ, обрушились на него всей силой накипѣвшей ненависти, какъ только, при совершенной перемѣнѣ режима, наступившей по воцареніи Траяна *), онѣ стали въ свою очередь сильными и вліятельными при кесарѣ, у которыхъ заискивало и которыхъ страшилось римское общество. Къ нимъ присоединились и завистники Марціала, которыхъ у него, судя по IV 27, VIII 61, IX 97, XI 94, вѣроятно изъ класса неудавшихся поэтовъ, была цѣлая масса. Состарившемуся эпиграмматисту борьба съ ними становилась не подъ силу, и поэтому послѣ нѣсколькихъ, повидимому неудавшихся попытокъ пріобрѣсти своимъ старымъ оружіемъ—лестью и низкопоклонствомъ—прежнее положеніе при новомъ дворѣ (X 72, XI 5, 7), онъ рѣшается покинуть не только Римъ, но и самую Италію, быть можетъ по совѣту единственнаго оставшагося у него при дворѣ Траяна покровителя—Плинія, слишкомъ высокомѣрнаго, равнодушнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнаго вельможи, чтобы выступить открыто въ защиту опальнаго поэта, которому онъ однако не отказалъ въ денежномъ пособіи на дорогу (Plin Ep. III 21) †).

---

*) Нерва, какъ видно изъ Плинія (Ep. IV 22), продолжалъ окружать себя клевретами двора Домиціана, друзьями и покровителями Марціала. Многіе изъ нихъ, какъ Пароеній, Сигерій и Норбанъ, принимали прямое или косвенное участіе въ убійствѣ Домиціана и тѣмъ способствовали принципату Нервы.

†) Гюбнеръ (Deutsch. Rundsch. April. 1889) полагаетъ, что главныя причины удаленія Марціала изъ Рима были: ослабленіе его творческой дѣятельности, пріобрѣтенный имъ достатокъ, дозволявшій вести отнынѣ праздную жизнь, и желаніе окончить дни на родинѣ. Мы съ этимъ не можемъ согласиться. Стихотворенія XII книги, безспорно принадлежавшія ко времени его пребыванія

Намъ кажется, что біографы-панегиристы Марціала: Низаръ, Брандтъ, Андреевскій и Ванъ Стокумъ, стараясь обѣлить своего героя отъ упрека въ самой черной неблагодарности къ памяти Домиціана, не достигаютъ своей цѣли и, несмотря на всѣ старанія, не могутъ опровергнуть несомнѣннаго факта, что X 72, XI 7 и XII 6 содержатъ прямыя, нескрываемыя и мѣткія—конечно вполнѣ заслуженныя обвиненія противъ кесаря, котораго Марціалъ такъ недавно ставилъ выше боговъ Олимпа. Контрастъ между verba priora (XI 7 [3]) и тѣми, которыя онъ употребляетъ теперь, безспорно поразителенъ: тотъ самый кесарь, которому, когда его не стало, приписывается способность дать приказаніе любой римской матронѣ возлечь на кесарское ложе въ Альбанумѣ:

Caesar in Albanum iussit me mane venire,
Caesar Circeios.

Цезарь въ Альбанъ приходить приказалъ сегодня мнѣ рано,
Цезарь въ Цирцеи велѣлъ (XI 7 [3—4])—

былъ недавно цѣломудренный владыка, благой отецъ вселенной, тщившійся дать проникнуть проблеску стыда даже въ лупанары:

Tibi, summe Rheni domitor et parens orbis,
Pudice princeps, gratias agunt urbes;
. . . . . .
Qui nec cubili fuerat ante te quondam
Pudor, esse per te coepit et lupanari

Рейнъ покорившій герой и отецъ мірозданья,
Вождь стыдливый, тебѣ города благодарны.
. . . . . .
Стыдъ, что бѣжалъ до тебя и брачнаго ложа,
Началъ черезъ тебя проникать и въ вертепы (IX 6 [1—2; 8—9])—

въ Испаніи, какъ напримѣръ XII 3, 18, 21, 31, никакъ не свидѣтельствуютъ объ упадкѣ его поэтическаго дара и отличаются отъ прежнихъ, писанныхъ въ водоворотѣ римской жизни, развѣ большей выдержкою и болѣе тщательной отдѣлкой; фактъ денежнаго пособія на дорогу никакъ не свидѣтельствуетъ объ особомъ достаткѣ; а что, при всей несомнѣнной любви къ родинѣ, Марціалъ и прежде, когда были въ силѣ его покровители изъ придворнаго круга, помышлялъ найти покой для своей старости не въ Испаніи, а въ Эмиліи—довольно ясно высказывается въ IV 25 [7—8]; изъ I 88 [10] видно, что даже мѣсто его погребенія предполагалось имъ на кладбищѣ около Лабиканской дороги.

былъ опорой нравственности — mores populo dedit (IX 101[21]), такъ что ему одному Римъ былъ обязанъ чистотою своихъ нравовъ: debet tibi Roma, quod pudica est (VI 4[5]). Кесарь, послѣ своей смерти ставшій princeps durus скорбныхъ временъ (XII 6[11—12]), выставлялся прежде благодушнѣйшимъ властелиномъ, никому не отказывавшимъ въ просьбахъ, виновникомъ самаго благополучнаго времени, съ которымъ никакіе вѣка не могутъ выдержать сравненія:

. . . nil supplicibus solet negare

. . . Съ кѣмъ просящимъ ни въ чемъ онъ не откажетъ. (V 6[11]).

. . . . . praeferri, maxime Caesar,
Temporibus possunt secula nulla tuis.

Ежели правду признать, высочайшій Цезарь, то вѣка
Ни одного предпочесть уже нельзя твоему. (V 19[1—2]).

Онъ выставлялся вождемъ, котораго Римъ любилъ, какъ не любилъ другого никогда; изображался владыкою, на пирахъ котораго наслаждались наравнѣ сенаторы, всадники и весь народъ, и которому самъ Зевсъ не могъ воздать того, что исходило изъ его щедрыхъ рукъ на возведеніе алтарей и храмовъ Громовержцу:

Nullum Roma ducem, nec te sic, Caesar, amavit

Римъ никого изъ владыкъ, ни, Цезарь, тебя не любилъ такъ (VIII 11[7]).

Vescitur omnis eques tecum populusque patresque
Et capit ambrosias cum duce Roma dapes.

Каждый всадникъ съ тобой насыщенъ и народъ, и патрицій,
И амврозіей сытъ вмѣстѣ съ владыкою Римъ (VIII 50 [7—8]).

Pro Capitolinis quid enim tibi solvere templis,
Quid pro Tarpeiae frondis honore potest?
. . . . . .
Nam tibi quod solvat non habet arca Iovis

Капитолійскіе чѣмъ у тебя онъ выкупитъ храмы?
Чѣмъ отдать онъ за честь можетъ Тарпейскихъ вѣнковъ?
. . . . . .
Ибо разсчесться съ тобой пустъ у Зевеса сундукъ (IX 3 [7—8, 14]).

Этотъ principium princeps (VI 4) и deus (VII 8[2]) становится тотчасъ послѣ смерти скареднымъ, хищнымъ кесаремъ, цар-

ствованіе котораго вспоминается со стыдомъ, такъ какъ при немъ весь народъ и самъ Зевсъ сдѣлались бѣдняками:

At nuper—pudet, ah pudet fateri—
Omnes cum Iove pauperes eramus

А недавно (о стыдъ, о стыдъ признаваться!)
Всѣ съ Юпитеромъ мы были убоги (XII 15 9—10).

Констрастъ между восторженными хваленіями nuper и ѣдкимъ язвительнымъ порицаніемъ nunc такъ осязателенъ, что отрицать его едва ли возможно; но самая рѣзкость этого контраста не столько понижаетъ и безъ того невысокій нравственный уровень Марціала, сколько упрочиваетъ понятіе, справедливо составившееся о немъ и о Ювеналѣ, какъ о двухъ поэтахъ, не писавшихъ исторіи, но безъ изученія которыхъ исторія кесарскаго Рима, несмотря на труды историковъ по ремеслу: Тацита, Светонія, Аврелія Виктора, Діона и др., оставалась бы темной и неразгаданной; шаловливый стихъ поэтовъ становится лучшимъ и самымъ вѣрнымъ комментаріемъ строгой прозы историковъ. Оба они нѣсколькими штрихами дополняютъ и освѣщаютъ мрачныя картины, завѣщанныя потомству бытописателями этого времени.

Не служитъ ли вышеуказанный контрастъ, значеніе котораго панегиристы Марціала напрасно желаютъ умалить, наглядным доказательствомъ, что Светоній не преувеличиваетъ, когда пишетъ, что Домиціанъ требовалъ отъ всѣхъ своихъ служащихъ, чтобы они не иначе называли его въ своихъ къ нему обращеніяхъ какъ „deus et dominus“ (Domit. 13); а это мѣсто Светонія въ свою очередь не разъясняетъ ли намъ, почему не только Марціалъ и Стацій, но и люди, стоявшіе несравненно выше ихъ какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и по положенію, которое занимали въ обществѣ, каковы Силій Италикъ, Валерій Флаккъ и Квинтиліанъ, такъ единодушно и въ выраженіяхъ, равносильныхъ по раболѣпству и низкопоклонству Марціаловскимъ, воспѣвали мнимыя добродѣтели Домиціана? Но изъ всѣхъ этихъ лицъ одинъ только Марціалъ полнымъ отреченіемъ отъ своихъ прежнихъ словъ и произнесеніемъ надъ Домиціаномъ громоваго приговора — лапидарнаго эпиграфа его царствованія

Flavia gens, quantum tibi tertius abstulit heres!
Paene fuit, non habuisse duos *)

Флавія родъ, какъ тебя обездолилъ третій наслѣдникъ
Чуть бы не лучше уже, чтобы и не было двухъ (Кн. Зрѣл. 33)—

доказалъ, до какой степени все то, что онъ и другіе поэты и писатели говорили прежде, было вынуждено, ложно и поэтому лишено всякаго историческаго критерія.

Марціалъ оставилъ Римъ вѣроятно поздней весною 99 года, послѣ возвращенія Траяна съ береговъ Дуная †), гдѣ преемникъ Нервы провелъ первый годъ своего царствованія ‡); но мысль

*) Дистихъ этотъ, (въ изд. Гильберта lib. spectac. 33, у Фридлендера правильнѣе послѣ VI книги), который считаютъ только продолженіемъ утерянnаго нынѣ эпиграфа—по нашему мнѣнію ошибочно, такъ какъ онъ представляетъ собою видъ совершенно гармонически законченнаго цѣлаго—не находится ни въ одномъ изъ сохранившихся кодексовъ Марціала и дошелъ до насъ только въ Схоліи на Ювенала IV 38. Тѣмъ не менѣе, несмотря на приговоръ многихъ ученыхъ, какъ-то: Бурмана (Anthol. latina T. I. p. 237), Салмазія (in Trebell. Poll. p. 326) и Шопена (въ комментаріяхъ къ Ювеналу), едва ли можно сомнѣваться въ его подлинности какъ по чисто Марціаловскому его пошибу, такъ и потому, что онъ почти дословно повторяется у Авзонія, который многое позаимствовалъ у Марціала:

Hactenus edideras dominos, gens Flavia, iustos:
Cur duo quae dederant, tertius eripuit?
Vix tanti est, habuisse illos quia dona bonorum
Sunt brevia, aeternum quae nocuere dolent.
(Ausonius. Caesares XII).

†) Schiller Gesch. d. Röm. Kais. Z., p. 547.

‡) Эпиграмма X 6 должна была быть задумана и составлена за нѣсколько дней до тріумфальнаго въѣзда Траяна, а не за цѣлый годъ передъ тѣмъ, какъ утверждаетъ Фридлендеръ (t. II, p. 112), который, сознавая, что весь тонъ этой эпиграммы носитъ отпечатокъ ожиданія событія, имѣющаго совершиться въ самомъ непродолжительномъ времени, долженъ былъ для подтвержденія своего мнѣнія прибѣгнуть къ утвержденію, что прибытіе Траяна ожидалось въ Римѣ цѣлымъ годомъ ранѣе, нежели оно состоялось, фактъ, не подтверждаемый, насколько намъ извѣстно, никѣмъ изъ историковъ. При этомъ нельзя не замѣтить нѣкотораго противорѣчія Фридлендера съ самимъ собою: онъ утвердительно говоритъ, что Марціалъ покинулъ Римъ въ 98 году (t. I, p. 4), а нѣсколько страницъ ниже утверждаетъ, что это было только по воцареніи Траяна, когда совершенно измѣнился правительственный personalъ Домиціана, продержавшійся во время краткаго правленія Нервы (t. I, p. 12). Трудно предположить, чтобы такой коренной переворотъ могъ совершиться въ столь короткій періодъ времени, въ первое полугодіе 98 года и къ тому же при отсутствіи новаго

о возвращеніи, быть можетъ не совсѣмъ добровольномъ, на родину и приготовленія къ отъѣзду занимали его гораздо ранѣе; надо полагать, что онъ сталъ объ этомъ помышлять уже съ 97 года, со времени трагической кончины своего главнаго патрона Парѳенія. Многочисленныя эпиграммы X книги свидѣтельствуютъ объ этомъ. Уже въ X 20 онъ говоритъ о своемъ отъѣздѣ, какъ о совершенно рѣшенномъ.

Ducit ad aurifcras quod me Salo Celtiber oras
Pendula quod patriae viscre tecta libet

Что къ златоноснымъ полямъ меня тянетъ Салонъ Цельтиберскій,
Свисшія что увидать крыши я родины радъ (X 78 $^{9-10}$)—

пишетъ онъ товарищу своихъ дѣтскихъ лѣтъ Манію; передъ этимъ онъ, прощаясь съ Плиніемъ, подноситъ ему томъ своихъ сочиненій *) (X 19).

Въ X 37 онъ испрашиваетъ порученія у своего земляка Матерна на родину—Callaicum mandas si quid ad Oceanum †); въ

кесаря изъ центра управленія имперіи. Хотя на основаніи такого авторитета какъ Stobbe (Philolog. XXVI, p. 80) мы и приняли 99 годъ, какъ время отъѣзда Марціала изъ Рима, но тѣмъ не менѣе имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что, быть можетъ, отъѣздъ этотъ состоялся нѣсколько позднѣе, такъ какъ эдиктъ, о которомъ говорится въ X 34, устанавливавшій отношенія патроновъ къ ихъ либертамъ (или какъ полагаетъ Массонъ Vita Plinii. Secundi p. 112, ограждающій патроновъ отъ доносовъ своихъ либертовъ и рабовъ), имѣетъ такой мѣстный, городской римскій характеръ, что едва ли можно допустить, чтобы онъ былъ изданъ въ походѣ, а не въ самомъ Римѣ. Одинаково думаетъ и Массонъ op. c., p. 113: Ham autem legem Plinius post Traiani reditum sancitis annumerat Pan. c. XLII).

Клинтонъ (Clinton Fasti Romani) точно также считаетъ 100 годъ временемъ отъѣзда Марціала, оставляя при этомъ 99-й для изданія X книги.

*) Обыкновенно не особенно щедрый Плиній такъ былъ польщенъ тонкой, изящной лестью, которой проникнута эта эпиграмма, равняющая его съ Цицерономъ:

Studet. . . . . .
Hoc quod saecula posterique possint
Arpinis quoque comparare chartis,

что не отказалъ ему въ вспомоществованіи — viaticum (Plin. Ep. III 21) на дорогу.

†) Какъ кажется изъ нарушенной логической связи между этимъ и слѣдующимъ за нимъ стихомъ—An Laurentino turpes in litore ranas — можно заклю-

X 61 заботится объ участи могилы Эротіоны, погребенной въ rus suburbanum; въ X 74 подробно, хотя быть можетъ и не совсѣмъ чистосердечно, излагаетъ причины, побуждающія его къ отъѣзду, выставляя, какъ главную, потребность спокойнаго, никѣмъ ненарушимаго сна:

Quid concupiscam quaeris ergo? dormire.

Твердое рѣшеніе свое отправиться на родину Марціалъ выражаетъ также въ X 78, заявляя о немъ Мацеру:

Nos Celtas, Macer, et truces Hiberos
Cum desiderio tui petemus.

Къ Кельтамъ, Мацеръ, теперь, къ дикимъ Иберцамъ
Съ вожделѣньемъ къ тебѣ полнымъ стремлюся *),

чить, что здѣсь былъ утраченный нынѣ дистихъ, въ которомъ Марціалъ приглашалъ Матерна сопутствовать ему; иначе для чего бы такъ настаивать во всей остальной эпиграммѣ на превосходствѣ ихъ общей родины—Испаніи въ сравненіи съ Лаурентинскимъ помѣстьемъ Матерна.

*) Мы весьма склонны принять для разъясненія этой эпиграммы устарѣлое толкованіе 1 ст. —

Ibis litoreas, Macer, Salonas,

предложенное Скривеліемъ и принятое только Farnabius'омъ, а изъ новѣйшихъ Lemaire, въ силу котораго Macer представляется отправляющимся не пропретором въ кесарскую провинцію Далмацію, а проконсуломъ въ испанскую провинцію Baetica, будучи перемѣщеннымъ на это мѣсто изъ Далмаціи, откуда онъ, какъ вполнѣ зависящій отъ воли кесаря легатъ — legatus Caesaris, pro praetore consulari potestate — могъ быть во всякое угодное кесарю время отозванъ (Rhein. R. L. P. IV p. 855).

Но весьма вѣроятной, хотя и не поддержанной MSS. конъектурѣ Scrivellius'a, что 1-й ст. слѣдуетъ читать:

Ibis litoreum Macer, Salona

или, оставляя чтеніе vulgaris, предполагать, что Марціалъ и въ этомъ мѣстѣ не совсѣмъ ясно и не вполнѣ грамматично (Hübner adnotation.) хотѣлъ выразить что Мацеръ направляется къ littus Salonis т. е. берегамъ рѣки Салона. Скривелій и Фарнабій идутъ далѣе и къ весьма правдоподобному толкованію 1-го стиха присовокупляютъ совершенно произвольное, не имѣющее MSS-наго основанія предложеніе чтенія 8-й ст.: Hunc udo Celta gaudio sequeris. Болѣе серьезнаго вниманія, нежели ему выпало со стороны комментаторовъ, намъ бы казалось, заслуживаетъ чтеніе 6 ст. remittis, вмѣсто распространеннаго remittes, такъ какъ оно находится въ одномъ изъ лучшихъ кодексовъ — Palatinus optimus (P). Эта замѣна будущаго времени настоящимъ какъ нельзя лучше дополняетъ предположеніе Скривелія и Фарнабія, что Мацеръ, упоминаемый въ X 78, отправляется не въ Далмацію, а въ Испанію, на берегъ Салона.

а въ X 92 онъ вводитъ во владѣніе своимъ Номентанскимъ помѣстьемъ новаго владѣльца—Марія. Слова его, обращенныя къ Клементу въ X 93:

Si prior Euganeas, Clemens, Helicaonis oras
Pictaque pampineis videris arva ingis,

Ежели Клементъ сперва Геликаона брегъ Эвганейскій
Ты увидишь и долъ въ пестрыхъ отъ гроздій холмахъ (X 93 1—2)—

ясно указываютъ, что до отъѣзда своего изъ Италіи, какъ онъ предугадывалъ, навсегда, Марціалъ желалъ побывать еще разъ въ Эмиліи, о которой отъ прежняго пребыванія у него сохранилось много пріятныхъ воспоминаній,—тамъ, гдѣ у него, вѣроятно, были родственники и, навѣрно, много друзей. Какъ можно заключить изъ X 96, одинъ изъ немногихъ оставшихся у Марціала благопріятелей Домиціановскаго времени—Стертиній Авитъ пытался отговорить старика покидать Римъ, не поддерживая, впрочемъ, это пожеланіе какимъ либо болѣе существеннымъ и осязательнымъ доводомъ, какъ можно судить объ этомъ по отвѣту Марціала:

I, cole nunc reges, quidquid non praestat amicus
Cum praestare tibi possit, Avite, locus;

Вотъ и служи у владыкъ, чего не подастъ покровитель,
Это тебѣ же, Авитъ, мѣсто способно подать. (X 96 13—14).

Если допустимъ коньектуру Скривелія, desiderio tui 10 ст. будетъ выражать не сожалѣніе Марціала объ отъѣздѣ Мацера изъ Рима, а пожеланіе его видѣть въ Испаніи, куда Марціалъ также собирается — petemus (Слѣдуетъ замѣтить, что изъ 5 случаевъ, когда Марціалъ употребляетъ слово desiderium, только одинъ разъ дѣлаетъ онъ это въ смыслѣ = сожалѣніе XII 21, — въ остальныхъ оно выражаетъ у него всегда пожеланіе—стремленіе). Ст. 11—13:

Sed quaecunque tamen feretur illinc
Piscosi calamo Tagi notata,
Macrum pagina nostra nominabit,

намъ кажется, еще болѣе подкрѣпляютъ предположеніе, что Мацеръ ѣдетъ въ Испанію, а не въ Далмацію, такъ какъ Марціалъ обѣщается на берегахъ Тага nominare Мацера, т. е. восхвалять его имя въ связи съ тѣми дѣяніями, которыя ожидаются отъ Мацера въ Испаніи, а не только вспоминать = recordari, memoriam rei renovare или memoriam habere о немъ, что соотвѣтствовало бы пребыванію Марціала въ Испаніи, а Мацера въ Далмаціи.

Наконецъ подобное объясненіе X 78 дополняетъ и разъясняетъ XII 98, гдѣ мы, какъ ниже будетъ сказано, увѣрены, что упоминается тотъ же самый Мацеръ.

Какъ будто предчувствуя ожидавшій его на родинѣ—in hac provinciali solitudine (Praef. XII) не слишкомъ ласковый пріемъ земляковъ — municipalium robigo dentium et iudici loco livor (ibid.), Марціалъ, всегда осторожный и разсчетливый, старается задобрить своихъ билбилисскихъ согражданъ рекомендательнымъ письмомъ:

Municipes, Augusta mihi quos Bilbilis acri
Monte creat....
. . . . . .
Excipitis placida reducem si mente, venimus:
Aspera si geritis corda, redire licet.

Земляки, конхъ Августа создалъ Билбилъ мнѣ, стоящій
На высокой горѣ....
. . . . . .
Если воспримите вновь любезно меня, я прибуду;
Если же съ черствой душой, слѣдъ мнѣ вернуться назадъ (X 103 1–2, 11–12),

которое посылаетъ съ отправившимся только на нѣсколько дней *) раньше Флавіемъ (X 104); подробный маршрутъ съ Тарраконскихъ береговъ до Билбилиса, которымъ его при этомъ снабжаетъ Марціалъ, заставляетъ полагать, что Флавій, нигдѣ, кромѣ настоящаго мѣста не упоминаемый, никогда до этого времени не бывалъ на родинѣ поэта.

*) Фридлендеръ (T. II, p. 164) не сомнѣвается, что Флавій выбылъ въ періодъ времени, считавшійся древними наиболѣе удобнымъ для морскихъ путешествій (съ 5 марта по 11 ноября), и видитъ подтвержденіе своего мнѣнія въ faventis undae. Et cursu facili tuisque ventis (X 104 2–3). Можно еще точнѣе опредѣлить время этого отъѣзда и съ полнымъ вѣроятіемъ предполагать, что Флавій долженъ былъ отплыть между 5 числ. марта и концомъ іюня.

Этотъ расчетъ времени основывается на сопоставленіи quattuor tricesima messes X 103 7 (это число жатвъ, снятыхъ во время пребыванія Марціала въ Италіи, подтверждается и XII 34 1–2: triginta mihi, quatuorque messes—Tecum, si memini, fuere, Iuli), съ septima lustra XII 31 7—обозначающихъ 35 лѣтъ, какъ время отсутствія Марціала изъ Билбилиса; это сопоставленіе ясно указываетъ, что Марціалъ отплылъ изъ Италіи только послѣ того, какъ жатва была снята, что въ Италіи бываетъ уже во второй половинѣ іюня; поэтому Флавій, предварившій, какъ выше было сказано, Марціала въ Испаніи, долженъ былъ отплыть ранѣе этого времени.

ГЛАВА IX.

Послѣдніе годы Марціала.

Звѣзда Марціала, доставлявшая ему вездѣ столько щедрыхъ покровителей, повидимому не измѣнила ему и въ Испаніи, такъ какъ вскорѣ послѣ своего прибытія онъ получилъ отъ Марцеллы,— билбилисской гражданки, — municipem rigidi Salonis (XII 21), стоявшей по изяществу, образованію и воспитанію несравненно выше своихъ земляковъ и достойной быть дочерью гордаго Рима *):

Tam rarum, tam dulce sapis; Palatia dicent,
Audierint si te vel semel, esse suam.
Nulla nec in media certabit nata Subura,
Nec Capitolini collis alumna tibi.

Такъ особенно ты и нѣжно умна, Палатинъ бы,
Разъ услыхавши тебя, тотчасъ назвалъ бы своей;
Не потягалась съ тобой ни одна бъ урожєнка Субуры
Или воспитанная Капитолійскимъ холмомъ (XII 21 3—6) —

---

*) Эту Марцеллу многіе старинные издатели и комментаторы (Domitius, Colesso, Raderus, Lessing и др), а изъ новѣйшихъ Брандтъ, считаютъ ошибочно женою Марціала и дѣлаютъ это на основаніи неточно понятаго ими стиха:

Munera sunt dominae; post septima lustra reverso (XII 31 7).

при чемъ предполагаютъ, что domina=uxor. Не говоря уже о неправдоподобіи предположенія, что Марціалъ въ періодъ самой ранней молодости имѣлъ бы столь богатую, изящную жену, которую онъ безъ всякаго сожалѣнія покинулъ бы, 35 лѣтъ не видѣлъ, даже не вспоминалъ о ней, и которая, несмотря на все это, продолжала бы любить его и по возвращеніи столь щедро одарила бы его,—слѣдуетъ также обратить вниманіе на то, что Марціалъ весьма часто употребляетъ слово domina въ смыслѣ госпожа-хозяйка, даже не придавая этому слову какого либо нѣжнаго или равносильнаго „возлюбленная“ значенія; такъ, напримѣръ, въ VII 14, 15, 50, X 92, XI 73, XII 3 и др.

Въ двухъ кодексахъ Vossianus XIV saec. (c) и Iunianus (𝔄) вмѣсто dominae стоитъ domino, что привело нѣкоторыхъ комментаторовъ къ еще болѣе неправдоподобному поясненію XII 31 7, что жена Марціала—Марцелла сохранила ему его помѣстье близъ Билбилиса.

весьма цѣнный, можно сказать, царскій подарокъ — помѣстье, вѣроятно около самаго города *), на берегу рѣки Салона, съ виноградниками, фонтанами, лугами, прудами, съ сажалками для рыбъ, великолѣпными садами, съ теплицами, парниками и причудливыми строеніями, съ близъ лежащимъ дубовымъ лѣсомъ, доставлявшимъ ему не только обильное топливо, но и возможность развлекаться охотой:

Hoc nemus, hi fontes, haec textilis umbra supini
Palmitis, hoc riguae ductile flumen aquae,
Prataque nec bifero cessura rosaria Paesto
Quodque viret Iani mense, nec alget olus:
Quaeque natat clusis anguilla domestica lymphis,
Quaeque gerit similes candida turris aves:
Munera sunt dominae

Эта роща и ключъ, эта тѣнь густая сплетенныхъ
Лозъ и быстрой воды здѣсь проведенный ручей,
Лугъ и собраніе розъ не хуже двукратныхъ Пестума,
Овощь, что въ январѣ все зелена, не застывъ,
Тотъ, что въ запертой водѣ тутъ плаваетъ угорь домашній,
Съ башнею бѣлой гдѣ птицъ, съ ней одноцвѣтныхъ, пріютъ,—
Это дары госпожи (XII 31 1–7).

Surgentem focus excipit superba.
Vicini strue cultus iliceti
. . . . . .

Какъ я встану, очагъ меня пышный встрѣчаетъ,
Изъ ближайшей снабженъ дубравы охапкой:
. . . . . .

Venator sequitur

Ловчій слѣдомъ за мной. . . . (XII 18 19–20. 22).

Но благорасположеніе Марцеллы и щедрые ея дары не могли всетаки замѣнить Марціалу Рима, и, несмотря на его увѣреніе Марцеллѣ:

. . . . Romam tu mihi sola facis

. . . . одна цѣлый ты Римъ для меня (XII 21 10),

*) Что это помѣстье не могло быть отдалено отъ Билбилиса, можно заключить изъ Praef. XII, гдѣ многія мѣста (ст. 15—20) указываютъ на то, что Марціалъ имѣлъ частыя, ежедневныя сношенія съ его жителями.

видно, что онъ сильно скучалъ вдали отъ столицы міра, сдѣлавшейся для него послѣ 35-лѣтняго въ ней пребыванія вторымъ отечествомъ: ему не доставало библіотекъ, театровъ, аудиторіи (convictus Praef. XII), которыми столь щедро украсили Римъ предшественники Домиціана и которые послѣдній не менѣе ревностно поддерживалъ; не могъ Марціалъ-римлянинъ до конца ногтей-свыкнуться со скукою и мелкими интересами провинціальной жизни въ маленькомъ городкѣ дикой Кельтиберіи—in hac provinciali solitudine (Praef. XII); въ особенности же недоставало ему столь необходимаго для него поощренія людей со вкусомъ и образованіемъ, одобреніемъ которыхъ онъ всегда такъ дорожилъ.—Марціалъ хорошо зналъ скептически-критическое направленіе римскаго читающаго общества:

Nescis, heu, nescis dominae fastidia Romae:
Crede mihi, nimium Martia turba sapit.
Maiores nusquam rhoncbi, iuvenesque senesque
Et pueri nasum rhinocerotis habent

Ты не знаешь—увы!—надменности Рима владыки:
Вѣрь мнѣ, умна черезчуръ Марсова стала толпа.
Большихъ насмѣшниковъ нѣтъ, и юноши наши, и старцы,
Мальчики даже носы носятъ, что твой носорогъ (I 3 $^{3-6}$)—

и онъ опасался его сужденій; ушп этихъ взыскательныхъ слушателей онъ считалъ—magni numinis instar (VII 12), для него эти уши казались ушами не слушателя, а судьи — aures non auditoris, iudicis esse puto VII 52^{6}), но вмѣстѣ съ этимъ, быть можетъ именно поэтому, онъ выше всего ставитъ ихъ похвалу—me raris iuvat auribus placere (II 86 ^{12}); сознавая магическую власть надъ этимъ обществомъ стиха, проникнутаго Romanae sale Minervae (IV 23^{7}), который Римъ—laudat, amat cantat (VI 61^{1}), и чутко прислушиваясь къ отголоскамъ сужденія этого Рима, не стараясь, какъ Ювеналъ или Персій, направлять его и напротивъ руководясь имъ — si quid est quod in meis libellis placeat, dictavit auditor (XII, Praef.),

Plus multo tibi debiturus hic est,
Quam debet domino suo libellus.

Больше въ долгу предъ тобой будетъ книжка,
Чѣмъ предъ своимъ же въ долгу господиномъ (V 80 $^{8-9}$),

Марціалъ исключительно этому обществу, —вѣрнымъ выраженіемъ котораго былъ самъ,— и желалъ нравиться; его поощренія и похвалъ онъ только и искалъ:

> Seria cum possim, quod delectantia malo
> Scribere, tu causa es, lector amice, mihi,
> Qui legis et tota cantas mea carmina Roma:
>
> Что хоть бы важное могъ, забавное предпочитаю
> Я писать; виноватъ въ томъ, другъ читатель, лишь ты,
> Пѣсни мои ты поешь и читаешь по цѣлому Риму (V 16 [1–3]);
>
> Tu facis ingenium, tu, si quid posse videmur
>
> Ты вдохновляешь, ты видъ даешь мнѣ годнаго къ дѣлу. (XII 4 [5]).

Быть извѣстнымъ—dicitur „Hic est“ (V 13 [3]) и прославленнымъ въ Римѣ—составляло цѣль его литературныхъ стремленій—mihi parva locuto Sufficit in vestras saepe redire manus (IX, Praef.); его кумиромъ былъ римскій читатель—urbanae scripsimus ista togae (XI 16 [2]),

> Lector, opes nostrae: quem cum mihi Roma dedisset,
> „Nil tibi quod demus maius habemus“ ait
>
> Кладъ мой, читатель, кого какъ Римъ мнѣ даривъ, говорилъ онъ:
> „Противъ того, что дарю, большаго нѣтъ у меня.“ (X 2 [5–6]).

Но не грамотному плебею, а аристократу мысли желалъ онъ прежде всего угодить—

> Non nimium curo: nam cenae fercula nostrae
> Malim convivis quam placuisse cocis
>
> Думать забылъ я: вѣдь я предпочелъ бы, чтобъ ужина блюда
> Больше гостямъ у меня нравились, чѣмъ поварамъ. (IX 81 [3–4]).

Въ особенности же онъ дорожилъ мнѣніемъ тѣхъ изъ этого избраннаго общества, которые помимо своего образованія, дававшаго имъ возможность оцѣнить талантъ Марціала, обладали также видимымъ положеніемъ и вліяніемъ на окружавшую ихъ толпу; достаточно было, чтобы книга Марціала попала въ руки одного изъ этихъ магнатовъ, была одобрена имъ и взята подъ его могущественное покровительство, чтобы быть всѣми пріоб-

рѣтенной и прочитанной—Uni mitteris, omnibus legeris (VII 97[13]) и доставила ея автору всемірную извѣстность:

Sed toto legor orbe frequens. . . (V 13[3])

и дѣлала его: toto notus in orbe Martialis (I 1[2]).

Вотъ этихъ-то тонкихъ цѣнителей его таланта, обладавшихъ illud materiarum ingenium (Praef. XII), этихъ судей его произведеній, имѣвшихъ illam iudiciorum subtilitatem (ibid.), вліятельныхъ покровителей его литературныхъ трудовъ и не доставало прежде всего Марціалу въ его Иберійской идилліи, описываемой имъ въ посланіи къ Ювеналу (XII 18) въ столь яркихъ краскахъ; краски эти однако значительно блѣднѣютъ при сопоставленіи ихъ съ краткими, но болѣе чистосердечными отзывами объ этомъ pusillo loco, гдѣ онъ sine solatio прозябалъ и гдѣ онъ sibi videbatur in alieno foro litigare (Praef. XII) отзывами, встрѣчающимися въ каждой строкѣ—а въ особенности между строкъ—его посвященія XII книги Приску; для истаго римлянина-Марціала идиллія эта была только добровольной ссылкой, гдѣ, быть можетъ, iuvat perire (Praef. XII), но навѣрно не vivere, и въ которой онъ не переставалъ вздыхать по своемъ возлюбленномъ Римѣ, воспоминаніями о которомъ только и жилъ въ Билбилисѣ, ubi nisi etiam intemperanter studemus, et sine solatio et sine excusatione secessimus (Praef. XII); это видно изъ содержанія XII книги, гдѣ почти всѣ стихотворенія имѣютъ чисто римскій отпечатокъ и лишены всякаго мѣстнаго колорита. *)

Всѣ многочисленныя описанія его родины, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ его твореній, объективно рисующія нагорный Билбилисъ съ окружающей его дикой природою,—всѣ они за-

*) Изъ числа 98 эпиграммъ, входящихъ въ XII книгу, только 11 имѣютъ мѣстный характеръ—это: 1, 9, 14, 18, 21, 31, 40, 62, 63, 68 и 98; 7 эпиграммъ, хотя лишены этого колорита, тѣмъ не менѣе могли быть написаны въ Испаніи, остальныя же 80 эпиграммъ носятъ такой характерный римскій отпечатокъ, выводимыя въ нихъ личности до такой степени отличаются типическими чертами римскихъ горожанъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что всѣ онѣ написаны въ Римѣ, задолго до отъѣзда Марціала.

думаны въ Римѣ. Казалось, что только міровой гулъ Urbis, оргіастическая атмосфера Палатина и термъ, грязная эротика Clamosae Suburae (XII 18[2]) и лупанаровъ были въ состояніи возбудить поэтическое вдохновеніе Марціала. Лишенный всего этого, а также щедрыхъ патроновъ *), онъ впалъ въ апатію и непробудную лѣнь, которая превосходно описана имъ въ XII 18:

Ingenti fruor improboque somno,
Quem nec tertia saepe rumpit hora †),
Et totum mihi nunc repono, quidquid
Ter denos vigilaveram per annos.

Сномъ наслаждаюся я непростительно долгимъ,
Коего третій часъ иногда не нарушитъ;
И теперь то себѣ вполнѣ возмѣщаю,
Что я за тридцать лѣтъ прободрствовалъ прежде (XII 18 [13–16]).

По собственному его признанію въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ ничего не писалъ — Scio me patrocinium debere contumacissimae trienni desidiae (Praef. XII). Это доказываетъ, что при всемъ своемъ несомнѣнномъ талантѣ, Марціалъ не былъ истиннымъ поэтомъ, какимъ былъ, напримѣръ, Овидій, лучшія пѣснопѣнія котораго слагались въ безнадежной ссылкѣ, въ дикихъ и далекихъ Томахъ; Марціалъ только хвастался, когда увѣрялъ— sed iuvat ipse labor (I 107[8]), и что стихи его, хотя бы non prosint sane, me tamen ista iuvant (V 15[6]). — Его послѣдніе годы въ Испаніи доказываютъ совершенно противное; осуществленіе въ осязательныхъ формахъ поэтическихъ вдохновеній, какъ и всякій трудъ, становится для него тягостнымъ и постылымъ съ той минуты, какъ не влечетъ за собой матеріальныхъ вознагражденій. In steriles nolunt campos iuga ferre iuvenci (I 107[7]), разсуждалъ онъ и весь предался самой вялой апатической лѣни — pigri colimus labore dulci Boterdum Plateamque (XII 18[10]); считая себя — piger et senior Pieridumque comes (XII 68[4]), онъ избѣгалъ всякихъ физическихъ упражненій (XII 14), предавался неумѣренному сну — ingenti improboque somno (XII

*) Если въ XII книгѣ и встрѣчаются посвятительныя стихотворенія, то всѣ они относятся исключительно къ римскимъ патронамъ.

†) Лѣтомъ въ 7, а зимою въ 9 часовъ (Becker Gallus II 409).

18[13]), отказывался отъ всякаго появленія на форумѣ для защиты угнетенныхъ кліентовъ *):

Matutine cliens, urbis mihi causa relictae
. . . . . .
Non sum ego causidicus, nec amaris litibus aptus.

Ранній кліентъ, что меня заставилъ покинуть столицу,
Я не подъячій, и я въ состязаніяхъ ѣдкихъ не ловокъ (XII 68 [1, 3]);

ставя выше всего ingenuae ius pigritiae (XII 4[6]), сдѣлался еще болѣе неряшливъ въ одеждѣ и въ своей домашней обстановкѣ — ignota toga — rupta cathedra (XII 18 [17, 18]), не переставая при этомъ, несмотря на свои старческіе годы, предаваться позорившему его противоестественному разврату (XII 75, 84 и др.).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Италіи въ это время было много лицъ, которыя, если бы Марціалъ только этого желалъ, могли бы быть въ качествѣ его покровителей и патроновъ превозносимы въ его стихотвореніяхъ тѣмъ болѣе, что съ тремя могущественными, пользовавшимися почти безграничной властью проконсулами, управлявшими во время его пребыванія отдѣльными провинціями Испаніи, онъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Пальма †) правилъ Тарраконской провинціею, и Марціалъ отно-

*) Это удаленіе отъ общественныхъ дѣлъ, пренебреженіе къ нуждамъ бѣдняковъ, которые, по существовавшему въ Римѣ и его провинціяхъ порядку и обычаю, считали себя въ правѣ искать у богатыхъ людей, прошедшихъ риторскую школу, безвозмездной защиты на судѣ, на которую образованные римляне высшаго класса взирали не только какъ на обязанность, но почти какъ на кастовую привилегію,—вѣроятно много способствовали порожденію того чувства нерасположенія и даже вражды, которое Марціалъ нашелъ въ въ своихъ землякахъ и на которое онъ сѣтуетъ въ предисловіи XII книги.

†) Этотъ Пальма (вѣроятно A. Cornelius Palma впослѣдствіи легатъ въ Сиріи, казненный Адріаномъ, Giese, Ind.) можетъ служить аргументомъ противъ мнѣнія Стоббе, на которое ссылается Фридлендеръ (Sittengesch. t. III, p. 447), что консулары или равные съ ними по рангу кесарскіе легаты въ императорскихъ провинціяхъ не могли послѣ этого служенія управлять провинціями сената.—Пальма за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ какъ правилъ Тарраконской, бывшей въ это время сенатской-преторской провинціею, (Mommsen. V, p. 58), былъ уже въ 99 году первымъ консуломъ, какъ это утверждаетъ самъ Фридлендеръ (Edit. t. II, p. 225) и Гизе (de person. a Mart. commem. p. 12).

сился къ нему въ извѣстномъ случаѣ даже съ покровительственнымъ тономъ, такъ какъ считалъ себѣ въ правѣ выдать ему, быть можетъ по его просьбѣ *), какъ бы аттестатъ въ благонравіи въ эпиграммѣ XII 9, видимо предназначенной для прочтенія кесаремъ Траяномъ.

Въ Бэтикѣ былъ проконсуломъ его старинный благопріятель Бебій Мацеръ (XII 98), которому посвящена X 78 и котораго Марціалъ выставлялъ образцомъ честности еще въ 89 г. (V 28) †).

---

*) Возбужденное въ это самое время вслѣдствіе жалобъ бэтійцевъ сенатское разслѣдованіе злоупотребленій правителей Бэтики (Plin. Ep. III, 49) могло заставлять Пальму желать показать Траяну до какой степени были довольны его правленіемъ жители Тарраконской провинціи.

†) Несмотря на отрицаніе Фридлендера (t. II, p. 268) тождественности Мацера эпиграммы XII 98 съ Мацеромъ Curator Viae Appiae (X 17) и лицомъ, къ которому обращена X 78, мы вмѣстѣ со всѣми edd. vett., а изъ новѣйшихъ издателей—съ Пэлей, Лемеромъ, Стефенсономъ, отчасти съ Гизе (который, допуская эту тождественность, добавляетъ однако: si quidem ad eum pertinet XII 98, neque *forte* de alio huius nominis cogitandum est. (De person. commem. p. 21), и даже съ самимъ Фридлендеромъ въ его Dissert. de person. quib. à Mart. commem. 1870 (p. 6), убѣждены, что это одно и то же лицо; насъ особенно подкрѣпляютъ въ этомъ мнѣніи хвалебныя выраженія отличительнымъ качествамъ этого Мацера, повторяющіяся въ эпиграммахъ, которыя упоминаютъ это имя: probitate Macros (V 28 5), Ibit rara fides amorque recti — Et secum comitem trahet pudorem — Semper pauperior redit potestas... Rectorem vacuo sinu remittes (X 78 2—4, 6),—Non ignorat, onus quod sit succedere Macro (XII 98 7).

Слѣдуетъ замѣтить, что если Фридлендеръ впослѣдствіи (Sittengesch. t. III, p. 447) и отказался отъ этого мнѣнія, то только потому, что Стоббе выразилъ сомнѣніе, что преторская провинція Бэтика могла быть управляема сановникомъ, бывшимъ до этого времени уже консулярскимъ легатомъ (Nach der consularischen legatio. Friedl. op. et l. cc.). Но намъ кажется, что Стоббе въ настоящемъ случаѣ не совсѣмъ правъ, и обстоятельное разслѣдованіе этого вопроса, сдѣланное по нашей просьбѣ г. профессоромъ Московскаго университета Г. А. Ивановымъ, которому при этомъ случаѣ считаемъ долгомъ выразить нашу глубочайшую признательность, не оставляетъ въ томъ сомнѣнія.

По авторитетному мнѣнію г. Иванова видно изъ Діона (LIII 14, 3 sq.), что правители сенатскихъ провинцій могли быть переводимы въ императорскія и наоборотъ; и кромѣ того сохранившіеся въ надписяхъ послужные списки (tituli) показываютъ, что нерѣдко legg. Aug. pro praet., т. е. правители императорскихъ провинцій перечисляются въ proconsules—управляющихъ провинціями сенатскими. Такъ у Вильманса въ Exempla inscript. latin. n. 1127. P.

Мацера смѣнилъ (Stobbe Philol. XXVI p. 80) въ 102 г., въ Гиспалѣ (Hispalis), резиденціи бэтійскихъ проконсуловъ, Инстанцій Руфъ (XII 98), съ которымъ Марціалъ былъ, судя по VII 68, VIII 51, 73, еще задолго до этого въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, которыя, какъ свидѣтельствуетъ XII 95, продолжали оставаться таковыми же и въ Испаніи.

Эти близкія, интимныя отношенія съ могущественными испанскими проконсулами, которыя Марціалъ поддерживалъ и прежде во время своего пребыванія въ Римѣ, какъ можно заключить изъ XII 52, гдѣ онъ говоритъ о благорасположеніи къ нему бывшаго Тарраконскаго проконсула Целера (вѣроятно Maecius Celer, Friedl. Sitteng. III p. 447)—эти отношенія заставляютъ думать, что изъ числа лицъ, окружавшихъ проконсуловъ и со-

---

Sulpicius Quirinius былъ leg. pr. praet. въ Сиріи и Финикіи (по Евангелію отъ Луки II 1, производилъ перепись въ Іудеѣ), а потомъ проконсуломъ въ Критѣ и Киринеѣ; такого же рода перемѣщенія можно прослѣдить и въ надписяхъ того же собранія 1138, 1139 и 1145. Независимо отъ сего, какъ бы въ подтвержденіе вышеприведенной на стр. 119—конъектуры Скривелія, Фарнабія и Лемера, что въ X 78 говорится о Мацерѣ, отъѣзжающемъ не въ Далмацію въ Салоны, а на оборотъ изъ Далмаціи къ берегамъ рѣки Salo въ Испаніи, г. профессоръ Ивановъ указываетъ на то, что Мацеръ никогда не былъ кесарскимъ легатомъ въ Далмаціи, такъ какъ въ перечисленныхъ у Марквардта, въ его Röm. Staatsverw. ed. 1873 p. 145, далматскихъ legati pro praetore, въ періодъ времени съ 18 по 184 г. по Р. Хр. *нѣтъ ни одного съ именемъ Мацера*. Сверхъ того, продолжаетъ Г. А. Ивановъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на употребленное Марціаломъ въ X 78 [6] слово *rector*, которое казалось могло бы обозначать не только проконсула или пропретора, какъ временнаго замѣстителя (Marquardt. Röm. Staatsverw. I p. 415), но и ближайшаго помощника ихъ procurator'a, и поэтому нельзя считать доказаннымъ, что rector Maecr непремѣнно отправлялъ въ Далмаціи должность leg. Aug. pr. praet.; онъ точно также могъ состоять при послѣднемъ въ званіи procurator'a; качества, приписываемыя поэтомъ Мацеру: probitas (V 28 [3]), rara fides amorque recti (X 72 [2]) и указанная abstinentia (X 78 [4]: semper pauperior redit *potestas* не *imperium!*), не менѣе дороги въ высшемъ правителѣ, какъ и въ финансовомъ чиновникѣ, какимъ былъ преимущественно rector въ смыслѣ procurator'a.

Послѣ такихъ вѣскихъ и многочисленныхъ аргументовъ мы считаемъ себя въ правѣ утверждать вопреки мнѣніямъ Стоббе и Фридлендера, что Мацеръ V 28, X 17, 78 и XII 98 одно и то же лицо: Baebius Maecr, бывшій потомъ cons. design. (Plin. Ep. IV 9) и въ послѣдніе годы Траяна praefectus urbi (Vit. Hadr. c. 5; Friedl. Dissert., p. 6).

ставлявшихъ ихъ придворный штатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ военную свиту—cohors-comitatus,—лицъ, набиравшихся изъ знатной и богатой римской молодежи, были многія, благоволившія—хотя бы только по примѣру начальства—къ билбилисскому отшельнику; эти лица могли быть удостоены имъ поднесеніемъ стиховъ, но, повидимому, онъ ихъ болѣе не писалъ и во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ экземпляра XII книги, посланнаго Стеллѣ въ Римъ (XII 3), болѣе не издавалъ. Причину этого творческаго застоя слѣдуетъ прежде всего, какъ выше было сказано, искать въ апатіи, которая овладѣла имъ со времени выѣзда изъ Рима, но быть можетъ также и въ страхѣ передъ тѣмъ robigo dentium et iudici loco livor (Praef. XII), которыми, онъ боялся—unus aut alter mali, in pusillo loco multi (ibid.) встрѣтятъ его произведенія; избѣгая этого, онъ рѣшается немногое написанное имъ въ теченіе trienni contumacissimae desidiae поднести только читателямъ Рима, въ которомъ, говоритъ онъ, обращаясь къ своей книгѣ: non tamen hospes eris, nec iam potes advena dici (XII 3 [3]).

Пріѣздъ Приска, къ которому Марціалъ, несмотря на вѣроятно большую разницу въ лѣтахъ—отецъ Приска былъ еще живъ въ 102 г. (XII 62)—питалъ самую нѣжную дружбу (VIII 45), оживилъ нѣсколько старца; онъ видимо былъ радъ излить передъ сочувствующимъ ему римскимъ пріятелемъ все свое недовольство окружающей его на родинѣ средою (Praef. XII), и, внимая внушеніямъ этого своего Мецената (XII 4[2]), не только подноситъ ему тѣ стихотворенія, которыя онъ въ угоду ему набросалъ—paucissimis diebus, но, добавивъ къ нимъ изъ бывшаго у него запаса неизданныхъ эпиграммъ, составилъ цѣлую книгу, которую и отправилъ, быть можетъ, съ возвращавшимся въ Римъ Прискомъ, своему старому другу, покровителю и родственнику Стеллѣ, въ видѣ поздравленія съ достиженіемъ имъ наконецъ консульскаго званія, котораго поэтъ желалъ ему и предсказывалъ еще съ 94 года (IX 42).

Послѣдніе дни Марціала въ Билбилисѣ были озарены прибытіемъ туда Инстанція Руфа, богатаго auctor tanti muneris (VIII 51[22]), щедраго цѣнителя и распространителя его эроти-

ческихъ произведеніи (IV 82, VII 68) *), испытаннаго друга съ самыхъ первыхъ годовъ пребыванія Марціала въ Римѣ †), съ которымъ у него было столько взаимныхъ воспоминаній, такъ много общаго во взглядахъ и привычкахъ (II 48), и откровенность отношеній съ которымъ иногда заходила за предѣлы самой безцеремонной дружбы ‡). Въ бесѣдахъ съ Руфомъ, уносившихъ его воображеніе во времена давно прошедшей молодости, въ далекій, но вѣчно ему милый Римъ, престарѣлый поэтъ забывалъ свою provincialis solitudo (Praef. XII) и какъ будто на мигъ вновь чувствовалъ себя прежнимъ римскимъ Марціаломъ; такимъ по крайней мѣрѣ является намъ поэтъ, когда почти одновременно съ возвышенными и, надо думать, искренними словами, которыми онъ напутствуетъ друга на высокое и отвѣтственное **) мѣсто его новаго служенія, и которыя заканчиваются блестящей глубоко обдуманной апоѳегмой, облеченной въ гармоническій дистихъ:

---

*) Тейфель только на основаніи слова socer 2 стиха этой эпиграммы утверждаетъ (R. L. Pauly, t. IV, p. 1601), что Марціалъ говоритъ здѣсь о своемъ тестѣ и что, слѣдовательно, онъ былъ женатъ. Между тѣмъ ясно, что тутъ идетъ рѣчь о тестѣ Инстанція Руфа. Странно было бы, чтобы Марціалъ справлялся о литературныхъ вкусахъ своего тестя—seria forsan amat—у постороняго лица.

†) Имя Руфа часто встрѣчается уже со II книги, и Гильбертъ справедливо полагаетъ, что это persona vera. II 48, III 97 въ особенности заставляютъ предполагать, что упоминаемыя въ нихъ Руфъ—Инстанцій.

‡) См. VIII 52, гдѣ сравненіе мальчика брадобрѣя, котораго Марціалъ commodavit Руфу, съ Thalamus Neronis, не есть, по мнѣнію Домиція Кальдерина, случайное; а также объясненіе, которое Фридлендеръ (Sittengesch. III, p. 447) даетъ 4 ст. VIII 73.

**) Отвѣтственнымъ особенно тогда и въ Бэтикѣ, жители которой не отличались благодушіемъ прочихъ провинціаловъ, обыкновенно безпрекословно и безъ протеста, терпѣливо переносившихъ поборы и стяжанія своихъ проконсуловъ. Почти въ то самое время, когда Инстанцій Руфъ проѣздомъ въ Гиспалу на смѣну проконсула Мацера посѣтилъ Марціала въ Билбилисѣ, раздавались въ Римѣ громовыя рѣчи Плинія противъ предмѣстника Мацера, проконсула Цецилія Классика и его прокурора Бебія Масса, обвиняемыхъ передъ сенатомъ жителями провинціи Бэтики въ притѣсненіяхъ и лихоимствѣ. Классикъ только смертью, вѣроятно самоубійствомъ, избѣгъ грозившаго ему наказанія (Plin. Epp. III 4, 9).

Non ignorat, onus quod sit succedere Macro,
Qui sua metitur pondera, ferre potest

Знаетъ онъ, какъ тяжело явиться преемникомъ Макра:
Кто можетъ тяжесть свою взвѣсить, тотъ можетъ и снесть (XII 98)—

онъ, дряхлый старецъ, тутъ же, при одномъ изъ своихъ самыхъ порнографическо-двусмысленныхъ стихотвореній (XII 95) подноситъ сановному представителю римскаго могущества:

Musaei pathicissimos libellos
Qui certant Sybariticis libellis.

Непристойныя стихотворенья Музея,
Что съ Сибаритскими могутъ поспорить стихами.

Мы здѣсь опять видимъ того же Марціала, который тринадцать лѣтъ тому назадъ признавался, что cum seria possit, онъ все таки delectantia mavult (V 16).

А delectantia у Марціала, какъ въ Римѣ, такъ и въ Билбилисѣ, имѣли весьма широкое значеніе.

Это свиданіе двухъ друзей было послѣднимъ; такъ что Инстанцій Руфъ, возвращаясь въ Римъ изъ Бэтики, которой онъ какъ сенатской провинціей *), могъ править только одинъ годъ, если и заѣзжалъ въ Билбилисъ, то это могло быть только для совершенія тризны на могилѣ Марціала, умершаго въ 102 †) году, 60 или самое большое 64 лѣтъ отъ роду.

---

*) Моммсенъ V 58.

†) Изъ всѣхъ датъ біографіи Марціала съ наибольшею точностію и наименьшимъ колебаніемъ цифръ можетъ быть опредѣленъ годъ его смерти. При другихъ датахъ его жизни, допускающихъ до нѣкоторой степени хронологическое опредѣленіе, какъ то: время его рожденія, прибытія въ Римъ, отъѣзда въ Эмилію, изданія III книги и оставленія Италіи—мы должны были или мириться съ колебаніемъ цифръ, доходящимъ даже до 4 годовъ, какъ напримѣръ при установленіи года рожденія Марціала, или, какъ при опредѣленіи времени прибытія въ Римъ, ограничиваться обозначеніемъ года, *позднье* котораго это событіе не могло имѣть мѣста.

Совершенно иначе представляется задача уясненія точнаго времени смерти Марціала. Тутъ колебаніе можетъ быть только въ нѣсколькихъ мѣсяцахъ, и вопреки мнѣнію Моммсена, что годъ смерти долженъ былъ быть 101 (Hermes III pp. 43 и 126) и Фридлендера, что онъ могъ быть и 104 (Friedl. t. I p. 126), мы полагаемъ возможнымъ, почти съ полной увѣренностью, заключить, что фактъ

этотъ долженъ быть отнесенъ только къ послѣднимъ мѣсяцамъ 102 или первымъ 103 года.

Матеріаломъ для опредѣленія этой даты служатъ: 1) письмо Плинія къ Корнуту Приску, 2) эпиграммы Марціала XII 8 и XII 3 4; 3) такъ называемая Ферентинская надпись (Orelli 784; Gruter 456 1).

Хронологія писемъ Плинія подвергалась въ послѣднее время особенно тщательной обработкѣ (Mommsen Hermes III; Stobbe Philologus XXVI, XXVII, XXX; Peter Philologus XXXII; Assbach Rheinisches Museum für Philologie N. F. XXXVI), и изслѣдованіями названныхъ послѣднихъ трехъ ученыхъ была окончательно выработана формула, (до извѣстной степени допускаемая и Моммсеномъ) что: если письма отдѣльныхъ книгъ и не относятся *всѣ* ко времени, слѣдующему за изданіемъ предыдущей книги, и въ числѣ ихъ встрѣчаются нѣкоторыя болѣе ранняго времени, то за то *всѣ* письма, относящіяся ко времени между изданіемъ предыдущей книги и слѣдующей за нею, *размѣщены* въ послѣдней *въ строго хронологическомъ порядкѣ* (см. въ особенности Stobbe Philologus XXX p. 347 — 393 и Peter Philologus XXXII p. 698—710).

Письмо къ Корнуту Приску, оповѣщающее о смерти Марціала, стоитъ послѣднимъ въ III книгѣ; оно относится несомнѣнно къ событію, случившемуся *послѣ* изданія II книги; слѣдовательно, на основаніи вышеизложеннаго положенія, оно должно было быть написано въ самомъ *концѣ* періода времени, выдѣленнаго для составленія писемъ III книги,—или въ самомъ *началѣ* періода времени, установленнаго для писемъ послѣдующей IV книги. Эти два періода т. е. время составленія писемъ III и IV книги опредѣляютъ: для III книги Моммсенъ — 101 г., допуская возможность (vielleicht zum Theil. l. c. p. 40), что нѣкоторыя письма принадлежатъ къ 102-му г.; Ассбахъ позднѣйшимъ предѣломъ 104 г.; Стоббе въ зависимости отъ времени консульства Аррунція Стеллы — 102 г.; для IV книги: Моммсенъ удѣляетъ время отъ 104 года, причемъ высказываетъ предположеніе, что между письмами этой книги и предыдущей прошло значительное время; Ассбахъ считаетъ самымъ раннимъ срокомъ писемъ IV книги 103 г.; Стоббе полагаетъ, что она вмѣщаетъ въ себѣ письма съ 103 по 106 г. На этомъ основаніи можно со всѣми этими изслѣдователями (за исключеніемъ развѣ — и то условнымъ Моммсена) предполагать, что самымъ правдоподобнымъ временемъ появленія послѣднихъ писемъ III книги является 102 г., и если только будетъ доказано, что Аррунцій Стелла былъ консуломъ именно въ этомъ году, не ограничиться такимъ правдоподобнымъ предположеніемъ, а окончательно установить, что, при хронологической между собою послѣдовательности писемъ III книги, послѣднее изъ нихъ, относящееся къ смерти Марціала, *не могло появиться ранѣе 102 года*.

Стоббе, какъ выше было сказано, неразрывно связываетъ время изданія послѣднихъ писемъ III книги со временемъ консульства Стеллы. Эпиграммы же XII 8 и XII 3 и Ферентинская надпись могутъ, при сопоставленіи ихъ съ тремя годами triennі contumacissima desidia (Mart. Praef. XII) съ достаточнымъ, намъ кажется, вѣроятіемъ опредѣлить время этого консульства.

Эпиграмма XII 3 обращается несомнѣнно къ Стеллѣ, какъ къ консулу, уже вступившему въ исправленіе своей должности:

Atria sunt illinc consulis alta mei:
Laurigeros habitat facundus Stella penates.

Она была написана послѣ triennі desidia, послѣдовавшей за отъѣздомъ Марціала изъ Рима; слѣдовательно, если считать съ Моммсеномъ и Фридлендеромъ годомъ отъѣзда Марціала 98 г., то временемъ составленія XII 3 будетъ 101 г.; если же слѣдовать болѣе вѣрному, по нашему мнѣнію, предположенію Стоббе, что отъѣздъ этотъ былъ въ 99 г., то слѣдуетъ отнести составленіе XII 3 къ 102 году.

На этотъ послѣдній годъ наводитъ и Ферентинская надпись:

L. Arruntio Stella
L. Iulio Marino Cos.
XIV Kalen. Nov.

Надпись эта, какъ она разъяснена Боргези (Bullet. 1846. 126) и Генценомъ (Annali 1844. 40), относится къ декрету Ферентинской общины, въ которомъ эта община проситъ Помпонія Басса, которому Траянъ, названный въ этомъ декретѣ—Imper. Caesar Nerva Traianus Augustus Germanicus, поручилъ cura alimentorum (до сихъ поръ мало изслѣдованное продовольственное учрежденіе Августа, возобновленное, какъ видно, Траяномъ) принять на себя патронатство надъ нею.

Между тѣмъ изъ сочиненія Перро (Perrot de Galatia provincia Rom. 1867 p. 110) извѣстно, что въ 99 г. этотъ самый Помпоній Бассъ былъ еще легатомъ въ Каппадокіи и Галатіи, чѣмъ исключается всякую возможность, чтобы онъ могъ быть поставленъ Траяномъ въ главѣ cura alimentorum ранѣе 100 г. — Позднѣе 102 г. также нельзя предположить редакцію этого декрета, такъ какъ начиная съ 103 г., Траянъ уже принялъ названіе Dacicus, неразлучное впослѣдствіи съ его именемъ на всѣхъ монетахъ, памятникахъ и надписяхъ; предикатъ этотъ никакъ не могъ поэтому отсутствовать на надписи отъ 18 октября = XIV Kalend. Novemb., если бы это число приходилось на 103 г.

Затѣмъ остаются 100 и 101 годы. Но въ виду изслѣдованія Стоббе и Боргези остановиться на этихъ годахъ едвали возможно.

Окончательно установлено, что въ сентябрѣ 100 года были консулами Плиній и Тертулліи (Tertullius), а въ декабрѣ — Эліанъ и Сакердоній (Sacerdos): поэтому, какъ ни кратки были пундины при Домиціанѣ и послѣдующихъ кесаряхъ, трудно предположить, чтобы въ промежутокъ времени между сентябремъ и декабремъ 100 года, кромѣ двухъ названныхъ консульскихъ четъ, могла быть у власти въ октябрѣ третья чета Stella-Marinus (Hermes III p. 125). Для 101 года Боргези (приводимый Моммсеномъ Hermes III p. 126 Anmerk.) опредѣлилъ уже имена шести консуловъ; это число можно прослѣдить и у Клинтона, относящаго къ этому году, по надписямъ Grateri и Norisii, Траяна и Paetus'a, а по Chronica Paschalia вторично Траяна, затѣмъ Сиріана, Максима

и Марцелла. Клейнъ (Klein, Fasti Consulares 1881. p. 53) также насчитываетъ въ 101 году—имена семи консуловъ, кромѣ Стеллы и Марина, консульство которыхъ онъ относитъ — впрочемъ по нашему мнѣнію бездоказательно, такъ какъ приводимыя имъ testimonia доказываютъ совершенно противное — также къ этому году. Моммсенъ однако считаетъ это обстоятельство недостаточнымъ для устраненія возможности, чтобы въ этомъ же самомъ году были также консулами Стелла и Маринъ; поэтому мы, склоняясь передъ авторитетомъ столь громкаго имени, принимаемъ аргументацію Боргези только sub cautione и только насколько она подтверждаетъ другую аргументацію въ пользу 102 года, представленную Стоббе (Philolog. XXVI p. 76) на основаніи изслѣдованія 3-го и 4-го стиховъ эпиграммы XII 8:

Traiani modo laeta cum futuros
Tot per saecula computaret annos,

которые, содержа въ себѣ повидимому привѣтъ кесарю ко дню его восшествія на престолъ, по своему торжественому тону не могутъ относиться, по мнѣнію Стоббе, къ обыкновенному ежегодно повторяемому празднованію дня этого событія, такъ какъ ниоткуда не видно, чтобы въ эти дни Марціалъ приносилъ особыя поздравленія кому-либо изъ кесарей. Слѣдуетъ скорѣе предполагать, что стихи эти были вызваны болѣе рѣдкимъ и болѣе торжественнымъ случаемъ,—а именно празднованіемъ quinquenalia—пятой годовщины правленія кесарей; этотъ день со временъ Августа всегда ознаменовался особыми торжествами, возобновленіемъ присягъ — vota, жертвоприношеніями, зрѣлищами и т. п. (Tacit. Ann. I 15, 54); quinquenalia Траяна приходились, какъ это доказалъ Боргези въ хронологическомъ изслѣдованіи правленія этого кесаря, на 102 г., такъ какъ Траянъ считалъ годы своего правленія не со смерти Нервы въ 98 г., а со дня избранія своего въ соправители, что было осенью 97 г.

На основаніи всего этого, а также на основаніи сопоставленія trienni desidia съ XII 8, съ соблюденіемъ тѣхъ же условій, при которыхъ эта послѣдняя дата сопоставлялась нами съ XII 3, можно, кажется, съ достаточной достовѣрностью придти къ заключенію, что XII книга, посланная въ Римъ къ консулу Стеллѣ и заключавшая въ себѣ названныя двѣ эпиграммы, *не могла быть составлена ранѣе 102 года.*

При этомъ надо замѣтить, что одинъ Моммсенъ стоитъ за удѣленіе для этихъ событій 101 года, причемъ даже допускаетъ, что и смерть Марціала могла случиться въ этомъ же самомъ году (Hermes III p. 126); но вѣрность метода, соблюдаемаго знаменитымъ ученымъ при хронологическихъ вычисленіяхъ, подверглась въ послѣднее время нѣкоторымъ сомнѣніямъ, въ особенности со стороны Петера (Peter, Chronologie der Briefe d. Jüng. Plinius, Philolog. XXXII p. 710), къ выводамъ котораго, противорѣчащимъ заключеніямъ Моммсена, всецѣло присоединился и новѣйшій изслѣдователь хронологіи этой эпохи — Ассбахъ (Assbach Chronologie d. Briefe d. Plinius 1881 Rheinisches Museum für Philologie XXXVI pp. 38—49); даже Фридлендеръ, безоговорочно принимая выкладки Моммсена въ отношеніи опредѣленія времени изданія XII

книги и консульства Стеллы (въ особенности, намъ кажется, находя въ нихъ поддержку своему положенію о выѣздѣ Марціала изъ Рима уже въ 98 г.)—и тотъ не рѣшается слѣдовать за Моммсеномъ въ признаніи 101 года годомъ смерти Марціала.—Фридлендеръ, впрочемъ, ограничивается предположеніемъ, что это событіе могло быть и въ 104 г. (Friedl. t. I. p. 14). Но противъ этого столь отдаленнаго срока можно противоставить авторитетъ самого Моммсена, не допускающаго, чтобы въ III книгѣ Плинія были письма старѣе 102 года (Hermes III p. 40), а также и то обстоятельство, что если бы между изданіемъ XII книги Марціала и его смертью протекло столько времени (по расчету Фридлендера нѣлыхъ три года), то поэтъ, стряхнувъ разъ съ себя contumacissima desidia, вѣрно набралъ бы еще сто эпиграммъ для составленія новой книги.

Вотъ аргументы, на основаніи которыхъ мы рѣшаемся утверждать, что смерть Марціала могла имѣть мѣсто только *въ послѣдніе мѣсяцы 102 или въ первые мѣсяцы 103 года*.

Оглавленіе.

Стр.

ВСТУПЛЕНІЕ. . . . . 3— 10

ГЛАВА I.

Родина Марціала, предполагаемые его родные.—Время рожденія . . . . . 11— 29

ГЛАВА II.

Воспитаніе, прибытіе въ Римъ, тамошніе его родные.—Описаніе наружности Марціала.—Его лекаря. . . 30— 42

ГЛАВА III.

Первые годы пребыванія Марціала въ Римѣ.—Его покровители и друзья . . . . . 43— 63

ГЛАВА IV.

Положеніе Марціала въ римскомъ обществѣ.—Характеристика его произведеній . . . . . 64— 80

ГЛАВА V.

Пребываніе въ Эмиліи.—Изданіе III книги. . . . . 81— 89

ГЛАВА VI.

Дома, въ которыхъ Марціалъ жилъ въ Римѣ, его дача и помѣстье. . . . . 90— 98

ГЛАВА VII.

Былъ ли Марціалъ женатъ?—Его этика . . . . . 99—111

ГЛАВА VIII.

Отъѣздъ Марціала изъ Италіи . . . . . 112—120

ГЛАВА IX.

Послѣдніе годы Марціала. . . . . 121—136

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
55	9 св.	propr.	pro praet.
„	3 сн.	Macer-Curator	Macer-curator
57	7 сн.	первяя	первая
59	10 св.	(1. c.)	(l. c.)
61	6 сн.	carm 24165	carm 24, 165
64	1 сп.	См.	*) См.
66	3 св.	II 66, VII 77,	(I 66, VII 77),
71	13 сп.	centauros	Centauros
75	12 св.	findlt	findit
78	2 сн.	въ 11 посл.	въ II посл.
82	18 св.	Tahrb.	Jahrb.
86	4 сн.	Decima	decima
88	12 сп.	сестерція	сестерцій
95	13 сн.	(I II, p. 42)	(t. II, p. 42)
100	17 сн.	Martiae	Martial
101	10 сп.	Kaltschmidt	Kleinschmidt
104	6 сн.	delicaty	delicati
109	15 сн.	(V 46)	(V 44)
110	20 св.	intimarum	infimarum
113	9 св.	(XI 7 3)	(X 72 13)

Date Due

Roxborough			

Form 335. 45M 8-37.

877.6 M378ZO 324686
Olsufjeff
Martial

DATE	ISSUED TO
	Rosbonnyh

877.6 M378ZO 324686

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Martsial. Biograficheskii ocher
877.6 M378Z0
D90343030M